

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ
ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ,
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ И ПРАВОЗАЩИТНОЕ
ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ»

АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК

Акта 5
саміздатіса /

Записки
о самиздате

МОСКВА
ГПИБ России —
Международный Мемориал
2020

А19 Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах: вып. 5 / сост. Б.И. Беленкин, Е.Н. Струкова при участии Г.Г. Суперфина; ред. М.Я. Шейнкер; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». — М., 2020. — 316 с.

ISBN 978-5-6043607-2-9

В пятом (по нумерации, а фактически — шестом) выпуске альманаха собраны работы исследователей, документальные публикации, посвященные самиздату и пограничным сюжетам новейшей истории, которые связаны с неофициальным распространением информации в СССР, обзоры коллекций и фондов. Издание рассчитано на специалистов в области новейшей истории, истории культуры и литературы, источниковедения, библиотечного дела, а также на широкий круг читателей.

Настоящее издание продолжает серию «Acta samizdatica / Записки о самиздате» (2012–2018)

УДК 94(470) + 93.25
ББК 63.3(2)63) + 79.3

Издание осуществлено при поддержке
Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ)

Публикуется по решению секции
социально-политической истории
Ученого совета ГПИИБ России.
Рецензенты:
док. филол. наук Г.Ч. Гусейнов
док. ист. наук Я.В. Леонтьев

ISBN 978-5-6043607-2-9

© ГПИИБ России, 2020
© Международный Мемориал, 2020

Содержание

8 От составителей

14 I. ИССЛЕДОВАНИЯ

15 Постановка проблемы

Даниэла Коленовска

15 В поисках взаимопонимания: чехословацкая оппозиция и советское инакомыслие на рубеже 60-х и 70-х годов XX века

Дмитрий Козлов

28 Школьные издания эпохи «Оттепели»: между самодеятельностью и самиздатом

37 Неофициальная культура

Риккардо Д'Алессандро

37 Ольга Седакова и ленинградский самиздат 70-х годов
Ольга Седакова

47 [Реплика по поводу статьи Д'Алессандро]
Михаил Лепехин

48 «Транспонанс»: стратегии продвижения провинциального самиздатовского журнала в советском литературном поле
Елена Струкова

61 Библиотека неуничтожаемого самиздата: структура и организация работы Одесской библиотеки самиздата (1967–1982)

77 Сюжет. Религия

Надежда Белякова

77 Самиздат для тамиздата, или Как Холодная война повлияла на развитие нового жанра православного самиздата

Барбара Мартин

92 «Мы перепечатывали всё...»: Православный самиздат и тамиздат в СССР 1970-х–1980-х годов
Ирина Гордеева

104 История религиозно-общественного журнала «Ясная Поляна» (1988–1991)

Ева Рогаар

122 Малотиражная российская мусульманская печать в конце 1980-х — начале 2000-х гг.

136 II. ПУБЛИКАЦИИ

- Дмитрий Гузевич
- 137** История одной книги, или Гинзбург Александр Аркадьевич. Избранные произведения. Том I. Издательство «Малыш и Карлсон, которое живет на крыше»
Евгений Захаров
- 150** Заметки читателя и распространителя самиздата
Вячеслав Игрунов
- 163** Об Олеге Курса и торговле дефицитными книгами в Одессе
Владимир Орлов
- 176** Орган Девяносто пятой республики
Дмитрий Рублев
- 190** «Дело Румянцева», или «Три металлических банки из-под кофе с антисоветскими и идеологически вредными документами» (К истории прокитайских молодежных групп в СССР 1960-х годов)

204 III. ОБЗОРЫ КОЛЛЕКЦИЙ И ФОНДОВ

- Елена Савенко, Юлия Пронина
- 205** Самиздат в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН
Евгений Харитонов
- 224** Коллекция «фантастического» самиздата в РГБМ

232 Бременская коллекция

- Татьяна Двинятина, Мануэла Путц
- 232** Материалы самиздата в Архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете
Габриэль Суперфин
- 251** По поводу бременских коллекций самиздата
- 256** К истории формирования фонда Н.М. Ботвинник на фоне ее биографии:
Александра и Стефания Кулаевы
Воспоминания о Ноэми Марковне Ботвинник и Борисе Степановиче Кулаеве
(ответы на вопросы Г.С.)

- Вольфганг Айхведе
- 276** Воспоминание о Ноэми Ботвинник (перевод И. Щербаковой)
Габриэль Суперфин
- 278** Была ли М.Я. Берзина среди «первопечатников» «Размышлений» А.Д. Сахарова?

281 К 100-летию А.Д. Сахарова

- Алексей Макаров
- 281** Фонд А.Д. Сахарова в архиве Международного Мемориала
- 291** Неопубликованные письма из архива Международного Мемориала Сахаров в защиту политзаключенных. Неизвестные заявления (Публикация А. Макарова)
- 298** «Мы намерены присутствовать в суде». Два документа вокруг процесса Пименова — Вайля (1970) (Публикация А. Макарова)

304 IV. ЧТО ЧИТАТЬ О САМИЗДАТЕ

- Николай Гладких
- 305** Даниил Хармс ненавидел детей...

От составителей

Пятый выпуск альманаха «Acta samizdatica / Записки о самиздате» — юбилейный. Если и предыдущие выпуски нельзя упрекнуть в тематическом и сюжетном однообразии, то в «юбилейном» удалось собрать еще более выразительное *многоголосие* — и исследовательское, и мемуарное, и документальное. Насколько это сделало альманах более интересным и ярким, насколько содействовало расширению читательской аудитории — покажет ближайшее время. А пока можем лишь засвидетельствовать, что читателя ждут захватывающие сюжеты и уникальные материалы, но об этом чуть подробнее и чуть ниже...

Несмотря на новое оформление и более заметное привлечение иллюстративного материала, издание сохраняет прежнее, надеемся, добрые традиции. Это и тематические рубрики, и круг постоянных авторов (конечно наряду с новыми именами, появившимися в этом выпуске), и научный характер публикаций. Круг затронутых проблем — пространство самиздата и его бытование в СССР (и не только!), а так же его «производных» (так называемый «новый самиздат» или «неформальная печать» эпохи перестройки и так называемая «новая пресса») на постсоветском пространстве. Много шире на этот раз «авторская география»: Германия, Италия, Нидерланды, Украина, Франция, Чехия. Россия представлена Москвой, Санкт-Петербургом, Архангельском и Новосибирском. Временной диапазон: от середины 1950-х до середины «нулевых», а значит, речь пойдет не только о классическом советском (доперестроечном) самиздате, но и о «новом», имеющем свои особые приметы... Предмет исследований на этот раз включает не только традиционные «самиздатские формы», но и некий «протосамиздат» — школьные и студенческие рукописно-машинописные стенгазеты и журналы (исследование *Дмитрия Козлова* и публикация *Владимира Орлова*). Речь пойдет также о традиционных по фактуре и содержанию самиздатских документах, по ряду причин в самиздат так и не «запущенных» (публикация *Надежды Беляковой* и *Дмитрия Гузевича*)... Среди впервые публикуемых документов — и классические диссидентские «письма в защиту» (публикация писем А.Д. Сахарова, подготовленная *Алексеем Макаровым*) и нечто совершенно маргинально-макаберное — листовка группы «Сталин» конца 1960-х годов (публикация *Дмитрия*

Рублева). Впервые затронута такая тема, как мусульманские периодические издания эпохи перестройки и постсоветской России (исследование *Евы Рогаар*).

Надо отметить еще одну особенность этого юбилейного выпуска (и тут мы раскрываем тайну «от составителей»). Уже в процессе работы над, как мы полагали, окончательным корпусом, поступивших в портфель редакции материалов, альманах стал прирастать, новыми неожиданными текстами. Научные статьи притягивали за собой мемуары участников событий (воспоминания *Вячеслава Игрунова*, *Габриэля Суперфина* и *Александры* и *Стефании Кулаевых*, мемуарные «реплики» *Ольги Седаковой* и *Вольфганга Айхведе*). Надо отметить, что в данном выпуске вообще заметно больше мемуарных публикаций — среди них и посвященные конкретному тексту (*Гузевич*), и целой библиотеке текстов (*Игрунов*), эпохе самиздатских текстов (*Евгений Захаров*) и людям «эпохи самиздата» (*Кулаевы*)... А один из материалов, обзор фондов Архива Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете, выполненный *Мануэлой Путц* и *Татьяной Двинятиной*, соседствует с историей возникновения и формирования архива, написанной *Габриэлем Суперфином*. Наконец, державший корректуру альманаха *Николай Гладких*, закончив свою непосредственную работу, подарил изданию рецензию (и мемуарный текст одновременно), пополнившую нашу постоянную рубрику «Что читать о самиздате»...

Несколько слов о структуре и чуть подробнее и предметнее о содержании сборника.

Выпуск состоит из четырех основных разделов: «Исследования», «Публикации», «Обзоры коллекций и фондов» и «Что читать о самиздате».

Первый — «Исследования» — открывает рубрика «К постановке проблемы». Здесь публикуются две статьи. Работа исследователя из Чехии *Даниэлы Коленовской* посвящена восприятию в среде чехословацких оппозиционеров и эмигрантов фигуры и творчества советского диссидента Андрея Амальрика (1938–1982). Автор показывает, как менялось восприятие работ А. Амальрика на страницах чешского эмигрантского периодического издания «Листы». Следует отметить, что статья Д. Коленовской показывает, что произведения советских диссидентов существенно влияли на формирование инакомыслия и независимого мировоззрения в странах Восточной Европы.

Статья *Дмитрия Козлова* посвящена школьным изданиям эпохи оттепели. Стенные газеты и рукописные журналы

школьников, как справедливо отмечает автор, с одной стороны можно рассматривать как предтечу самиздата, с другой стороны — они были частью пропагандистской работы в советской школе и даже инструментом для пресечения вольнодумных настроений.

Следующая рубрика нашего издания озаглавлена «Неофициальная культура». Ее открывает работа *Рикардо Д'Алессандро* о первой подборке стихотворений Ольги Седаковой «Строгие мотивы», опубликованной в самиздатском ленинградском журнале «37».

Статья *Максима Лепехина* посвящена журналу «Транспонанс». Журнал поэтов-трансфуристов выходил с 1979 по 1987 год. Всего было издано 36 выпусков. Представители малоизученного художественного течения пытались противопоставить свое творчество как официальной, так и неофициальной культуре.

Завершает рубрику работа *Елены Струковой*, посвященная организации работы Одесской библиотеки самиздата. Основой для работы послужило приложение к статье «К проблематике общественного движения», распространявшейся в самиздате в 1972 году. Документ назывался «Неофициальная литература. Некоторые вопросы практики». Его автор В. Игрунов писал о том, как должна быть устроена подпольная библиотека. Отметим, что это не единственный материал об Одесской библиотеке самиздата на страницах нашего издания. В разделе «Публикации» помещен отрывок из готовящейся к изданию книги мемуаров Вячеслава Игрунова, посвященной Одесской библиотеке самиздата.

Третья рубрика озаглавлена «Сюжет. Религия». Здесь собраны материалы, посвященные религиозным конфессиям и течениям, религиозному самиздату и противостоянию власти и религиозных групп.

Публикация Надежды Беляковой знакомит читателя с эпистолярным текстом 1968 года. Публикуемое письмо анонимного автора — это взгляд изнутри православной духовной корпорации на ограничения, наложенные на приходское духовенство и епархиальное начальство, и на так называемые хрущевские антирелигиозные реформы. Текст письма, не циркулировавшего в самиздате, предварен самостоятельным исследованием, посвященным теме религиозного сопротивления.

Статья *Барбары Мартин* «Мы перепечатывали всё...» представляет собой обзор русских православных неподцензурных изданий, распространявшихся в самиздате и опубликованных в тамиздате. Отметим, что тема религиозного самиздата

в СССР — необъятная, и на сегодняшний день систематических исследований по ней не существует. Тем более важен первый в этой области опыт, точнее попытка швейцарской исследовательницы «заявить» эту тему. Основными источниками для автора стали материалы устной истории.

Постоянный автор нашего издания *Ирина Гордеева* представила материал, посвященный истории возникновения издания и распространения независимого религиозно-общественного журнала «Ясная Поляна», одного из немногих пацифистских периодических изданий периода новой политической прессы. Он издавался сначала машинописным способом, а затем с помощью ротатора. Работу по изданию журнала вел один человек — молодой толстовец из Риги Георгий Мейтин.

Раздел завершает статья молодой исследовательницы из Нидерландов *Евы Рогаар* «Малотиражная российская мусульманская печать в конце 1980-х — начале 2000-х годов». Публикации в этих изданиях представляли разнообразные точки зрения на развитие мусульманского сообщества и его роль в социальных и общественных вопросах того времени.

Следующий раздел посвящен документальным публикациям. Первые три работы носят мемуарный характер и повествуют об эпизодах, связанных с распространением самиздата. К сказанному о публикуемых воспоминаниях в начале нашего предисловия к сборнику добавим лишь некоторые подробности: *Дмитрий Гузевич* повествует о жизни ленинградской интеллигенции в 70-е–80-е годы и расшифровке магнитных пленок с записями песен Александра Галича. О своем многолетнем опыте распространения самиздата рассказывает руководитель Харьковской правозащитной группы *Евгений Захаров*. И, наконец, уже упоминавшийся *Вячеслав Игрунов* раскрывает секреты создания «экономической базы» для комплектования Одесской библиотеки самиздата.

В этом же разделе публикуются документы по истории самиздата. Исследователь русской поэзии XX века *Владимир Орлов* представляет рукописные и машинописные периодические издания, распространявшиеся в Ленинградском университете в 1950-е годы. Проведенное Орловым разыскание и публикуемые им материалы проливают свет на практически неизвестные события и факты ранней поры самиздата.

Не менее интересное, на наш взгляд, исследование осуществил *Дмитрий Рублев*, представляя листовку молодежной маоистской группы «Сталин» (о ней мы уже упоминали),

в состав которой в конце 1960-х годов входили студенты Московского государственного университета. Центральная фигура в этой истории — сын советского академика экономиста А.М. Румянцева.

Достаточно содержательным и, мы уверены, важным в первую очередь для исследователей истории инакомыслия в СССР и странах Восточной Европы получился раздел «Обзоры коллекций и фондов». Здесь представлено четыре обзорных материала коллекций самиздата в архивах и библиотеках. *Татьяна Двинятина* и *Мануэла Путц* рассказывают о фондах и структуре одной из крупнейших в Европе коллекций самиздата, собранной в Архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете.

Габриэль Суперфин, многолетними стараниями которого этот архив превратился в нынешнее уникальное собрание, рассказывает историю возникновения и роста архива, дополняя свой рассказ комментариями и воспоминаниями других людей, им же записанными в виде интервью. Материалы, дополняющие статьи о Бременском архиве, приносят в историю формирования коллекции пронзительную личную, семейную ноту, напоминающую о тех, кто составлял сообщество свободных людей в несвободной стране. Без таких подвижников, как Ноэми Ботвинник, ее семья, ее друзья, ее окружение, ни этот архив, ни подобные ему явления не могли состояться.

Статья *Елены Савенко* и *Юлии Прониной* посвящена коллекциям неподцензурной печати, входящим в фонд отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Рекомендуем нашим читателям обратить внимание на иллюстрации к этому материалу. Здесь же пользуемся случаем поблагодарить за предоставление уникальных иллюстративных материалов Ирину Гордееву, Александру и Стефанию Кулаевых, Татьяну Двинятину и Мануэлу Путц и других авторов.

Об истории коллекции журнально-газетного и книжного «фантастического» самиздата Российской государственной библиотеки для молодежи (РГБМ) рассказывает ее создатель *Евгений Харитонов*.

Пятый выпуск нашего сборника должны были завершать материалы, посвященные А.Д. Сахарову, 100-летие которого будет отмечаться в 2021 году. Сотрудник архива *Алексей Макаров* сделал обзор многочисленных документов А.Д. Сахарова и материалов о его общественной деятельности в архиве Международного Мемориала. В процессе написания обзора

было выявлено несколько писем Сахарова в защиту политзаключенных, которые ранее не публиковались.

В последний момент мы получили еще один материал и к большой радости завершили выпуск нашей традиционной рубрикой «Что читать о самиздате» с единственным в ней текстом «Даниил Хармс ненавидел детей...». Это мемуарно-аналитическая рецензия *Николая Гладких* на недавно вышедшую книгу «Лев Толстой очень любил детей...» (М., 2020) — ходивший в самиздате в 70-е–80-е годы сборник анекдотов о писателях, написанный в манере Даниила Хармса и ему приписывавшийся, хотя и придуманный совсем другими авторами.

Завершая работу над настоящим выпуском альманаха, мы начали уже размышлять над следующим, который планируем сделать строго тематическим, и сейчас заняты выбором одной из многих возможных и важных тем.

I. Исследования

Коленовска Даниэла,
Институт международных
исследований Факультета
социальных исследований
Карлова университета,
Прага, Чехия, заведующая
Кафедрой российских
и восточноевропейских
исследований,
PhD (кандидат ист. наук)

Daniela Kolenovská,
Institute of International Studies,
Faculty of Social Sciences, Charles
University, Prague, Czech Republic
Head of the Department of Russian
and East European Studies,
PhD in history
daniela.kolenovska@fsv.cuni.cz

УДК 94(437)
ББК 63.3(4Чех)63

В поисках взаимопонимания: чехословацкая оппози- ция и советское инако- мыслие на рубеже 60-х и 70-х годов XX века¹

In search of mutual
understanding:
Czechoslovak opposition
and Soviet dissent at the
turn of the 60s and 70s
of the twentieth century

¹ Статья создана бла-
годаря поддержке проекта Грантового
агентства Чехии: «20-13685S Советское
общество и Пражская весна».

Аннотация: Статья посвящена восприятию в среде чехословацких оппозиционеров и эмигрантов фигуры и творчества историка и диссидента Андрея Амальрика. На основе этого восприятия анализируются процессы, происходившие в Чехословакии периода советской оккупации, и отношение чешской оппозиции к советскому инакомыслию.

Ключевые слова: Чехословакия, советская оккупация, оппозиция, диссидентство, инакомыслие, Андрей Амальрик, Иржи Пеликан, журнал «Листы».

Summary: The article is devoted to the perception of the figure and work of the historian and dissident Andrey Amalrik among Czechoslovak oppositionists and emigrants. Based on this perception, we analyze the processes that took place in Czechoslovakia during the Soviet occupation, and the attitude of the Czech opposition to Soviet dissent.

Keywords: Czechoslovakia, Soviet occupation, opposition, dissidence, dissent, Andrey Amalrik, Jiri Pelikan, "Listy" magazine.

Вступление

На традиционно дружественном отношении чехословацкого общества к советскому принципиально сказало решение Москвы подавить Пражскую весну. О тех восьмерых, которые 25 августа 1968 года вышли на Красную площадь протестовать против вторжения, чехословацкие СМИ фактически умалчивали. Поэтому емкий лозунг «За вашу и нашу свободу» остался чехословацкой общественностью почти не замеченным. Она разбиралась с последствиями массового присутствия советских войск в стране, напряженно следила за судьбой вызванных в Москву членов правительства и постепенно начинала тяготеть к отрицанию всего советского. Со временем общественность ощутила обоснованность опасений, высказанных после коммунистического переворота в феврале 1948 года участниками послевоенного «третьего сопротивления» и многочисленными эмигрантами, не поддерживающими коммунистов с самого начала. В последующие годы, когда с подачи Брежнева были отменены все реформы, проводившиеся под лозунгом строительства «социализма с человеческим лицом», эти настроения только усиливались. Общество старалось всячески демонстрировать отвращение ко всему советскому; хорошим тоном считалось не посещать показы советских фильмов (даже

лучших из них) в кинотеатрах, а также громко радоваться каждой шайбе, забитой чехословацкими хоккеистами в советские ворота. Разумеется, отношения между членами обеих компартий тоже ухудшились.

Неудивительно, что о советских критиках брежневского правительства в Чехословакии практически ничего не знали. Имена Александра Солженицына, а также главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского были, конечно, знакомы еще со времен Хрущева, но гораздо больше о советском инакомыслии стало известно в начале 1970-х годов. Тогда в Чехословакии усилилось преследование сторонников идей Пражской весны и как раз формировавшегося движения диссидентов, многим из которых пришлось в результате эмигрировать в Западную Европу. При поддержке западных левых и прежде обосновавшихся на Западе эмигрантов чехословацкие диссиденты начали более системно собирать информацию о советском инакомыслии, используя ее, в том числе, для саморазвития. Однако на них, как показывает анализ дискуссии, которая велась в чехословацком обществе вокруг публикации эссе Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», принципиально повлияло приоритетное для чехословацкого диссидентства желание привлечь международное внимание к неприемлемости оккупации их страны советскими войсками и добиться их вывода.

Чехословацкая коммунистическая эмиграция

Чехословацкие эмигранты, действовавшие на Западе со времен коммунистического переворота в феврале 1948-го, сдержанно относились к тем, кто покинул страну после вторжения 1968 года. Новая волна беженцев частично состояла из тех, кто в 1950-е годы сами активно строили в Чехословакии коммунизм, участвуя в происходящих в стране советизации, насильственной коллективизации и репрессиях – или в лучшем случае просто закрывая на них глаза. С точки зрения чехословацких антикоммунистов, эти грехи не мог смыть ни искренний энтузиазм относительно строительства социализма с человеческим лицом, ни преследование режимом Гусака после подавления Пражской весны. Сперва осудив вмешательство СССР во внутренние дела Чехословакии, западные компартии в результате ограничились всего лишь принятием нескольких деклараций: их зависимость от советского финансирования была слишком высока, и реальной опорой для чехословацких диссидентов

они так никогда и не стали. В КНР, с которой Советский Союз находился в состоянии конфликта, в это время бушевал внутренний террор. С точки зрения чехословацких коммунистов в изгнании, на роль центра диссидентского движения не подходили ни Пекин, ни Тирана, ни Бухарест. Так возникла необходимость создать собственную организационную базу. Ключевой фигурой в этом процессе стал Иржи Пеликан – бывший высокопоставленный функционер чехословацкой коммунистической партии и Международного союза студентов, директор Чехословацкого телевидения в эпоху реформ, популярный и талантливый человек с обширными международными связями. Он покинул Чехословакию, уехав по дипломатическим делам в Рим. Именно итальянская столица стала основным местом его эмигрантской деятельности. Здесь он начал издавать на чешском языке орган чехословацкой социалистической оппозиции — журнал «Листы», авторы которого принимали активное участие и в дальнейшей оппозиционной деятельности. Журнал воплотил в жизнь принципиальный отказ чехословацких диссидентов от создания иерархической структуры, потому что это могло бы стать источником внутреннего соперничества и, следовательно, ослабления социалистической оппозиции. Таким образом, авторы «Листов» также дистанцировались от номенклатурной бюрократии, которую они считали характерной чертой антиреформаторского режима в оккупированной Чехословакии. «Листы» выступали в качестве неформальной дискуссионной площадки; и только в конкретных случаях из числа авторов выбирали того, кто позже выступал в качестве представителя группы, освещая одну определенную тему. Идеологически коллектив «Листов» был связан с Социалистическим Интернационалом и отвергал советскую коммунистическую идею. Советский Союз воспринимался как непобедимая ядерная держава, где изменения могли произойти только через внутреннее развитие. При этом советскую оппозицию члены коллектива считали слишком слабой и потому реалистически сосредотачивались на освобождении Чехословакии от советского влияния. Определявшие позицию «Листов» интеллектуалы уже с 60-х годов понимали, что вопрос чехословацко-советских отношений является для советских инакомыслящих далеко не первостепенным. Несмотря на личное знакомство, встречи в эмиграции и даже дружбу, предоставлять советским диссидентам свою печатную трибуну «Листы» не спешили. Такое отношение еще более укрепилось в 70-е, когда под влиянием

русских эмигрантов в Западной Европе возобладал консервативный взгляд на советское государство. Отказ русских эмигрантов от либерализма (прежде всего в текстах Александра Солженицына) представители чехословацкой левой эмиграции расценили как возвращение к русскому национализму и отказались идти по этому пути.

Большим авторитетом в «Листах» пользовался Иржи Пеликан. Он был одним из десяти ведущих авторов, отвечал за все финансовые и организационные вопросы, поддерживал связь с чехословацким эмигрантским сообществом во всех европейских государствах и размышлял, как с помощью этого сообщества привлечь еще больше стран к борьбе за свободную Чехословакию. Вместе с другим сотрудником «Листов», Франтишком Яноухом, он был связан с сетью распространения литературы, созданной румынским эмигрантом в США Джорджем Минденом. Его с 1950-х годов финансово поддерживало ЦРУ с целью создания информационной брешы в железном занавесе. Авторы «Листов» получали изданные на Западе книги советской тематики и отправляли их дальше на Восток. Помимо этого, Иржи Пеликан поддерживал общение с советскими эмигрантами и диссидентами, со многими из которых, например, Львом Копелевым, Валерием Чалидзе и Павлом Литвиновым, был знаком лично еще до событий 1968 года. Неутомимая деятельность Пеликана способствовала тому, что Итальянская социалистическая партия включила его в список своих кандидатов, и он дважды был избран в Европейский парламент. С его избранием авторитет чехословацкой левой эмиграции, как и возможности группы, объединившейся вокруг «Листов», многократно вырос. Свое влияние Пеликан постоянно использовал для того, чтобы акцентировать внимание на оккупации Чехословакии советскими войсками: он стремился к тому, чтобы эта тема никогда не исчезала с европейской повестки дня².

Журнал «Листы» внимательно следил за текущими международными событиями и быстро реагировал на кризисы в советском блоке. В первые пять лет журнал публиковал политические размышления, комментарии и анализ чехословацких идей реформаторского коммунизма, сравнивая их с действием так называемого «нормализационного» (то есть антиреформистского) режима Гусака в Чехословакии. «Нормализация»

² Caccamo, Francesco.
Jiří Pelikán a jeho cesta socialismem 20.
století. Brno, Doplněk, 2008.

была программой, объявленной Гусаком в 1969 году, и означала отмену всех реформ, проведенных в 1968 году. Журналисты писали о деятельности эмигрантов, событиях в самой Чехословакии и международной реакции на них. Постепенно внимание «Листов» переключилось на новости о происходящем в странах всего советского блока и реакции за границы; увеличился и объем информации о диссидентском движении в Чехословакии. Политические и культурные события в СССР и его международную деятельность освещали сами чешские и словацкие авторы журнала, размышляя над текстами советских деятелей и интервью с ними. Нередко «Листы» перепечатывали документы, информирующие о гражданской деятельности в стране, – прежде всего из «Хроники текущих событий»³. Так были опубликованы фрагменты защитительных речей советских инакомыслящих в судах, а также, например, непроизнесенная речь Солженицына на церемонии вручения ему Нобелевской премии по литературе. Коллектив «Листов» четко контролировал выбор освещаемых тем из широкого спектра советских реалий. Это было крайне важно, поскольку все чешские и словацкие авторы журнала прекрасно понимали, что положительный интерес к советским диссидентам на Западе мог зачастую оказаться решающим фактором их судьбы: свободы или преследования на родине. Солидарность с отдельными представителями советского инакомыслия не позволяла Пеликану подробно освещать в «Листах» острые полемические столкновения, возникавшие в среде советских диссидентов. В переписке с Франтишеком Яноухом в мае 1976 года он по этому поводу писал, что публиковать Р. Медведева можно, но в публикациях не должно быть ни слова, направленного против Солженицына и других русских — за исключением, может быть, чисто идеологических дебатов⁴. Только с приходом к власти Михаила Горбачева «Листы» стали подробно освещать деятельность советского руководства, кратко пересказывать содержание советской официальной прессы и публиковать больше оригинальных текстов самих советских авторов, продолжая при этом сохранять настороженный тон по отношению к советскому догматизму и его имперской политике.

Том номер восемь: Амальрик

В то же самое время, когда в Риме начал выходить журнал «Листы», его сотрудники – политолог и публицист Адольф Мюллер и переводчик Бедржих Утиц – основали в Кельне «Благотво-

рительное общество чехословацкой литературы за границей «Индекс»». Ядром его деятельности было издание запрещенных в Чехословакии текстов чехословацких эмигрантов. Однако речь шла вовсе не о прибыли: основатели Общества, в соответствии с выбранным названием стремились собрать и сохранить всё, что с их точки зрения могло пасть жертвой средневекового стремления коммунистов уничтожать культуру. Начиная с 1971 года, издательство публиковало все работы чешских и словацких авторов, которые не могли издаваться у себя на родине, распространяло эти издания среди читателей за рубежом и по строго законспирированным нелегальным каналам доставляло в Чехословакию.

В первый же год своего существования «Индекс» в виде исключения, подчеркивая необходимость сближения оппозиционной интеллигенции, опубликовал в своем 8-м томе эссе Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Это произошло спустя два года после завершения этого труда. Амальрика в то время арестовали уже во второй раз; его имя было на Западе широко известно благодаря изданию его автобиографической книги «Нежеланное путешествие в Сибирь» и упомянутого эссе, опубликованных в Голландии, США, Великобритании, Дании, Швеции, Норвегии и Польше. О реакции Амальрика на обвинения в сотрудничестве с КГБ писали не только исследователи, но и западные газеты. Рецензенты попеременно то восхищались им, словно «рыбой, которая, наконец, заговорила», то проклинали его как русофоба и человека, который только фиксирует крайне негативные общественные тенденции, но ничего не предпринимает для их исправления. Ни о чем из этого «Индекс» не упомянул. Во введении к чешскому переводу книги была подробно описана биография Амальрика, а содержанию эссе было посвящено послесловие, написанное Адольфом Мюллером. Он назвал Амальрика внимательным и политически неравнодушным наблюдателем. По словам Мюллера, Амальрик обратился к традициям русской политической мысли, показал — с упором на исторические примеры — отталкивающие черты советского

³ Havlíček, Dušan. *Listy v exilu: obsahová analýza časopisu Listy, který v letech 1971 až 1989 vydával v Římě Jiří Pelikán*. Olomouc, Burian a Tichák, 2008.

⁴ Orság, Petr (ed.). František Janouch — Jiří Pelikán: *Korespondence*. Praha, Novela Bohemica, 2015, 49.

режима, придя к печальному выводу о невозможности либерализации режима такого типа. Проведенный Амальриком анализ демократического и либерального движений среднего класса, показался Мюллеру недостаточно глубоким, демонстрирующим отсутствие международного кругозора. Мюллер успокаивал чешских читателей книги, уверяя, что советский опыт — это всего лишь одно из возможных, деформированных, воплощений социалистического мышления, а там, где существуют разные понимания социализма, возможны и разные пути его развития. Мюллер не разделял опасений Амальрика о том, что жестокие возмущения низов могут потрясти Чехословакию с ее реформаторскими устремлениями, но советовал чешским и словацким читателям обратить внимание на книгу Амальрика, противостоящую официальной пропаганде с ее стремлением отвлечь человека от сущности событий⁵.

«Листы» откликнулись на этот призыв в первом же своем номере⁶. Сначала они сообщили, что Амальрика в Свердловске только что приговорили к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Его речь в суде была названа мужественной, и был приведен фрагмент из нее:

«Именно страх перед теми фактами, которые я привожу в своих книгах, заставляет вас сажать меня на скамью подсудимых как уголовного преступника. Ни у одного трибунала нет морального права судить кого-то за его взгляды... Ни проводимая режимом “охота за ведьмами”, ни ее частный пример — этот суд — не вызывают у меня ни малейшего уважения, ни даже страха. Я понимаю, впрочем, что подобные суды рассчитаны на то, чтобы запугать многих, и многие будут запуганы, — и всё же я думаю, что начавшийся процесс идейного раскрепощения необратим».

Далее следовала рецензия на эссе Амальрика. «Листы», впрочем, ограничились констатацией того, что труд Амальрика, несмотря на скептицизм автора, представляет собой воодушевляющее для Чехословакии явление, за которым следует пристально следить. Как и другие представители советской оппозиции, Амальрик был в тогдашних международных условиях союзником, взгляды которого не всегда требовалось разделять. Первую, историко-социологическую, часть автор рецензии оценивал как анализ советского общества и, вслед за Амальриком, описывал развитие советской культурной оппозиции, начиная с 1957 года, от возникновения самиздата к появлению в 1968 году демократического движения. Основное внимание

уделялось проведенному Амальриком анализу идеологических течений внутри демократического движения. Структура эссе, где размышления об отношениях между разными советскими идеологиями (официальным марксизмом-ленинизмом, консерватизмом и официальным национализмом) соединялись с размышлениями о перспективах конфликта внутри советского общества, осталась вне внимания рецензента. Социальный конфликт, который, по мнению Амальрика, должен был завершиться разрушительными выступлениями среднего и низшего класса, был, с точки зрения рецензента, скептическим сценарием, который не грозит Чехословакии. Также автор рецензии не придавал большого значения предсказанному Амальриком конфликту между КНР и Советским Союзом. Согласно «Листам», только будущее могло дать подтверждение правильности догадок Амальрика в этом вопросе, — а пока рецензент, абсолютно в духе «Индекса», советовал следить за работами этого и других представителей советской оппозиции.

Начиная с третьего, майского, номера «Листов» имя Амальрика стало символом, практически не зависящим от взглядов и позиции. Несмотря на то, что советская критика оценивала его как очевидного индивидуалиста, в журнале его связывали с другими советскими деятелями, словно он разделяли их взгляды и сотрудничал с ними. Имя Амальрика упоминалось в одном ряду с другими значимыми именами: Ростроповича, Григоренко, Марченко, Якира, Сахарова, Литвинова, Караванского и Пименова. Иржи Пеликан относил их всех к категории храбрых людей, которых «глобальная нормализация», то есть радикальная антиреформаторская реакция, спровоцированная военным вмешательством СССР, не смогла заставить замолчать. В то же время он отмечал, что в вопросе оценки потенциала легальной оппозиции самые смелые критики советской власти в корне расходятся с Комитетом прав человека, основанным А. Сахаровым, потому что они полностью отрицают возможность трансформации советской власти путем сотрудничества с ней. Насколько сильны оба оппозиционных течения, он не осмеливался судить, однако продолжительное существование советского политического самиздата, несмотря на все преследования,

⁵ *Amalrik, Andrej.*

Udrži xse Sovětský svaz do roku 1984?
Köln, Index, 1971.

⁶ *Listy. Časopis*
československé socialistické opozice.
I. (1971): 1, 23, 36.

приводило Пеликана к выводу, что речь идет о важных сдвигах в советском обществе⁷.

Знаменательно то, что в следующем номере журнала имя Амальрика оказалось уже среди имен людей, которые, по мнению «Листов», смогли и у себя на родине, и в мире открыто говорить о советских репрессиях, называть вещи своими именами и таким образом нарушать спокойное существование антиреформистских режимов Брежнева и Гусака Гусака (Буковский, Григоренко, Амальрик). Гораздо больше внимания, чем книгам Амальрика, «Листы» уделяли его личной борьбе с советской властью. Читатели узнали, что в 1970 году он был приговорен к трем годам тюрьмы, и прочли текст его защитительной речи. «Листы» рассказали, что когда зимой 1971 года Амальрик заболел, Комитет прав человека, созданный академиком Сахаровым и физиком Чалидзе, добивался от Верховного Совета СССР его перевода на домашнее лечение⁸. События вокруг Амальрика и других советских диссидентов журнал объяснил двояко. С одной стороны, он использовал их, как ни удивительно, в качестве доказательства того, что Советский Союз отстал в экономическом развитии. Режим, лишавший интеллектуалов свободы, по мнению «Листов», не мог процветать. Во-вторых, журнал связал события вокруг советских диссидентов с попытками консервативного крыла ЦК мобилизовать все реакционные силы в стране и подорвать брежневскую политику разрядки. Однако против воли преследователей инакомыслия в СССР эти события вызвали рост влияния общественного мнения и особенно мнения Запада на внутреннюю политику СССР⁹.

Завышенные ожидания чехословацких эмигрантов и западной общественности должны были неизбежно столкнуться с реальностью, когда Андрея Амальрика вынудили эмигрировать из Советского Союза. В февральском номере «Листов» за 1977 год появился отчет о ноябрьском споре между итальянской компартией и профессором де Джорджио. В то время как де Джорджио защищал Амальрика как критика СССР, итальянские коммунисты упрекали его в «односторонности», недооценке им репрессий в Чили и Уругвае, ставили под сомнение его утверждение о том, что советская империя скоро рухнет под военным давлением со стороны КНР. «Листы» приняли сторону итальянских коммунистов: покинув свою родину, советский диссидент, по их мнению, должен был быть готов к критике со стороны своих бывших защитников. Журнал также обращал внимание своих читателей на несовпадение взглядов представителей советской

оппозиции. Так, например, о Солженицыне авторы журнала уже без колебаний отзывались как о реакционере. В целом, однако, плюрализм воззрений советской оппозиции был для них ценностью, демонстрирующей свободу интеллекта, и они ставили ее выше свободы интеллектуалов¹⁰.

Когда в 1979 году Амальрик подвергся нападкам французских коммунистов, «Листы» встали на его сторону. По мнению Иржи Пеликана, антикоммунистическая пропаганда, как это было и с другими восточноевропейскими оппозиционерами, попыталась, прибегнув к помощи СМИ, использовать историю Амальрика для того, чтобы ослабить позиции еврокоммунистов¹¹. Согласились с этим и западные левые. До 1977 года в Италии дебаты о восточноевропейском диссидентском движении проходили без участия его лидеров. В январе 1979 уже при их активном участии состоялись две международные конференции: журнал «Il Manifesto» для обсуждения вопроса о восточноевропейском социализме собрал участников дискуссии в Милане, а мэрия Флоренции, подконтрольная коммунистам, провела заседание на тему «Диссидентское движение и демократия в странах Восточной Европы». Журнал «Листы» подробно освещал оба мероприятия. На втором из них Андрей Амальрик появился рядом с известными представителями чехословацкой левой эмиграции: Оттом Шиком, Эдуардом Гольдштюкером, Карлом Скалицким, Михалом Рейманом и Иржи Пеликаном. «Листы» отмечали, что СССР, кроме Амальрика, представляли Жорес Медведев, Андрей Синявский, Борис Вайль, Леонид Плющ, Татьяна Ходорович и Юрий Мальцев¹².

После того как в ноябре 1980 года Амальрик погиб в автокатастрофе между Гвадалахарой и Мадридом, «Листы» назвали его одним из самых известных советских борцов за права человека. Они напомнили, что конфликт с советской властью у него начался еще в 1963 году, когда во время учебы на историческом факультете МГУ он написал работу о скандинавском

7 Listy. Časopis československé socialistické opozice. I. (1971): 3, 21, 24.

8 Listy. Časopis československé socialistické opozice. II. (1972): 1, 4.

9 Listy. Časopis československé socialistické opozice. III. (1973): 3, 8. a III. (1973): 3,5–6,22–32.

10 Listy. Časopis československé socialistické opozice. VII. (1977): 1, 16, 41.

11 Listy. Časopis československé socialistické opozice. IX. (1979): 5, 6. Jiří Pelikán — nepohodlný exulant rozhovor s Antoniem Cariotim. Praha : Novela bohémica, 2015.

12 Listy. Časopis československé socialistické opozice. IX. (1979): 1, 50.

и византийском влиянии на средневековую Русь, и что именно за свое свободомыслие он был дважды арестован, подвергался постоянным судебным преследованиям и был вынужден выехать сперва из Москвы, а в 1976 году и из СССР¹³. Позже имя Амальрика появлялось в журнале «Листы» лишь несколько раз — в связи с романом Оруэлла «1984».

Заключение

Чехословацкое диссидентское движение смогло лишь отчасти использовать в своем развитии опыт советского инакомыслия. Причина в том, что эти идеи проникали в Чехословакию из Западной Европы через чехословацких эмигрантов. Левые эмигранты, оказавшиеся на Западе в 1968 году, сперва рассчитывали на поддержку еврокоммунистов, однако судьба итальянской и французской компартий напрямую зависела от Москвы, так что эти партии избегали критики и критиков советской политики и, следовательно, не могли предоставить чехословацким диссидентам возможности расширить знания и представления о Советском Союзе. В результате понимание процессов, происходивших в СССР, застыло у них (за исключением профессиональных историков) на уровне конца 1960-х годов.

Важнейшей для чехословацких диссидентов темой, как становится ясно из дискуссии на страницах их основного печатного органа «Листы», была тема вывода советских войск из Чехословакии. С этой позиции они критиковали консервативную практику брежневского руководства, а также стагнирующий режим Гусака. Изменение в восприятии творчества и личности Андрея Амальрика на страницах «Листов» связано с тем, что для чехословацких эмигрантов имена представителей советской оппозиции являлись прежде всего символической ценностью и возникали там, где они могли быть полезны для оживления дискуссий о судьбе Чехословакии внутри самой Чехословакии. Обращаясь к исторической науке, эмигранты в большинстве своем сосредотачивались на современной им советской политической истории. Вложить опыт советской истории в многовековую историю развития России или осветить долгосрочные тенденции формирования русской исторической мысли, как стремился Андрей Амальрик, было для чехословацкого диссидентского движения задачей несущественной.

В итоге близость чехословацкого коммунизма (в том числе реформаторского) к Советскому Союзу не сумела повлиять на мнение чехов и словаков о России. Поэтому после бархатной

революции 1989 года чехословацкое восприятие СССР и России снова обратилось к гораздо более продуманным представлениям Томаша Гаррига Масарика и Яна Славика, размышлять о которых — на родине или в эмиграции — антикоммунистически настроенная часть общества не прекратила даже под давлением коммунистов. Итак, несмотря на сорокалетнее господство Советского Союза в Центральной Европе, чехословацкая общественность почти сразу оказалась готова заявить вслед за своим первым президентом Масариком, что Россия по стадии своего развития — это детство Европы. Архаичные черты российского общества позволили повернуться к нему спиной в уверенности, что эпоха посткоммунистической трансформации сделает из России надежного и безопасного соседа.

Библиографический список

Книги

Амальрик, Андрей. Статьи и письма: 1967–1970. Amsterdam, Herzen Foundation, 1971.

Amalrik, Andrej. Udrži se Sovětský svaz do roku 1984? Köln, Index, 1971.

Caccamo, Francesco. Jiří Pelikán a jeho cesta socialismem 20. století. Brno, Doplněk, 2008.

Дойков, Юрий (ред.). Андрей Алексеевич Амальрик: библиография. Архангельск: [б. и.], 2017.

Морев, Глеб. Диссиденты. М.: АСТ, 2017.

Hájek, Miloš. Československá sociální demokracie. In: *Kocián, Jiří.* Slovníková příručka k československým dějinám 1948–1989. Praha, Ústav pro soudobé dějiny Akademie věd ČR, 2006.

Havlíček, Dušan. Listy v exilu : obsahová analýza časopisu Listy, který v letech 1971 až 1989 vydával v Římě Jiří Pelikán. Olomouc, Burian a Tichák, 2008.

Masaryk, Tomáš Garrigue. Rusko a Evropa. I. — III. Studie o duchovních proudech v Rusku. Praha: Ústav T.G. Masaryka, 1995–1996.

Orság, Petr (ed.). František Janouch — Jiří Pelikán: Korespondence. Praha, Novela Bohemica, 2015.

Raška, Francis. Dlouhá cesta k vítězství: československá exilová hnutí po roce 1968. Praha, Academia, 2015.

Reiman, Michal. Rusko jako téma a realita doma a v exilu: vzpomínky na léta 1968–1989. Praha, Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2008.

Периодические издания

Listy. Časopis československé socialistické opozice. I.–XV. (1971–1985).

Козлов Дмитрий Сергеевич,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», Москва,
научный сотрудник, кандидат
исторических наук

Kozlov Dmitry,
Higher School of Economics,
Moscow,
research fellow, PhD in history
dmitrys.kozlov@gmail.com

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63

Школьные издания эпохи оттепели: между самодеятельно- стью и самиздатом¹

School Self-edited Publications of the Thaw Period between Samizdat and Official Soviet Education

Аннотация: Статья рассматривает школьные самодеятельные издания периода оттепели не только как часть зарождающегося в это время самиздата, но и в контексте методов и принципов воспитательной работы, проводившейся в советской школе. Некоторые педагоги предлагали использовать школьные «издательства» в качестве инструмента по воспитанию юношеского коллектива, а также как средство трудового обучения школьников. В то же время издание журналов и газет без контроля со стороны взрослых пресекалось. Анализ партийно-комсомольской документации, критиковавшей подобные инициативы, свидетельствует, что опасения были вызваны не только бунтарскими идеями, но и фактической эмансипацией школьников, происходившей в процессе «само-издательства».

Ключевые слова: Владимир Буковский, коммунаское движение, периодическая печать, самиздат, самодеятельные издания, советская педагогика.

Summary: Article analyses self-edited and self-published school magazines and (wall-)newspapers of the Thaw period not only as a part of Samizdat that appeared in this time, but also in a context of educational methods of Soviet school. Several teachers suggested to use school “publishing houses” as an element of labor education and as an instrument for creation of healthy youth collective. At the same time self-edited and self-published periodicals created by teenagers without help and control from the adults were frequently disrupted by school administration. Analysis of Komsomol and Communist party documents, which criticized such initiatives, demonstrates that students’ emancipation during “self-publishing” disturbed authorities non less than rebellious content of independent magazines.

Keywords: “Kommunar” movement, samizdat, self-edited publications, Soviet school, Vladimir Bukovsky.

В начале 1957 года внимание ленинградских парторганизаций привлек выпущенный в 7-й школе Свердловского района города самодеятельный литературно-художественный журнал «БИП». Несмотря на демонстративную аполитичность — название журнала расшифровывалось как «Без идей и принципов»², — издание в течение минимум полугода критиковалось на различных партийных собраниях как идеологически невыдержанное, «искажающее действительность» и пропагандирующее жестокость. Обеспокоенность властей неудивительна: Венгерское восстание осени 1956 года вызвало у партийных работников опасения возможного повторения «будапештского сценария» в СССР. Подготовленное в конце года закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

² По другим данным — «Без идей и политики».

организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов» напрямую увязывало многочисленными критическими выступлениями внутри страны с подрывной работой зарубежных спецслужб и «буржуазной пропагандой» и предостерегало членов КПСС от потери бдительности. Те же враждебные силы, которые стремились «навязать Венгрии фашистский режим и создать новый очаг войны», по мнению авторов документа, были ответственны и за распространение «нездоровых настроений», «провокационных слухов» и «неправильных взглядов» внутри советского общества³.

С этой позиции рассматривалось и литературное творчество василеостровских десятиклассников. Выступая перед партийной организацией Ленинградского отделения Союза советских писателей на собрании, посвященном обсуждению закрытого письма, секретарь Ленинградского обкома КПСС по идеологии утверждал, что журнал нельзя рассматривать только как детскую шалость. С официальной точки зрения, подростки и молодежь были одной из наиболее уязвимых к антисоветской пропаганде групп советского общества и, при отсутствии должного контроля и воспитания со стороны взрослых (родителей, школы, комсомольских и партийных органов), легко могли превратиться в активных врагов политического режима⁴.

Пример такой метаморфозы, по мнению докладчика, продемонстрировали события в Будапеште: «...наибольшее количество зверств в Венгрии в период контрреволюционного мятежа было проявлено со стороны 16–17-летних молодчиков. Автомат в руках, заходит в квартиру и рраз! Стреляет по всем присутствующим, шапку нахлобучил и пошел дальше»⁵.

Отождествить венгерских повстанцев с их ленинградскими ровесниками позволяли натуралистические сцены жестокости в одном из рассказов, опубликованных в журнале: «И вдруг [учитель физкультуры] остановился, как вкопанный: изо рта директора торчал кусок водопроводной трубы... <...> Директор был мертв»⁶. В других произведениях описания разрушений («Если бы школа взлетела на небо, / Небу другого, ей богу, не треба»⁷), преступлений и жестокости («Очки разбиты, / Вдребезги пробита голова, / Из туловища сделано, / По крайней мере, два»⁸) напротив, имели нарочито игровой характер. Это позволяло критикам предположить еще один источник влияния на журнал: «Там есть рассказ “Джим Комикс”, к нему нарисована иллюстрация с подписью “Ребенок, взламывающий сейф”»⁹. Впрочем, американские комиксы были известны

и авторам и критикам журнала «БИП», скорее, по критическим публикациям в советской печати¹⁰.

В ходе обсуждений журнала назывались и более вероятные его прототипы. Секретарь Свердловского райкома партии И.И. Синицын на пленуме, посвященном идейно-воспитательной работе среди молодежи, утверждал, что подростки решили издавать свой журнал, «подражая безыдейным журнальчикам, появившимся в некоторых вузах и получившим суровую оценку нашей общественности»¹¹. Очевидно, он имел в виду бесцензурные литературно-художественные издания, возникшие в Ленинграде в 1955–1956 годах и привлечшие внимание партии, комсомола и официальной прессы: рукописные журналы «Голубой бутон» (Ленинградский университет, 1955), «Ересь» (Ленинградский библиотечный институт, 1956), «Свежие голоса» (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, 1956), стенгазету «Культура» (Ленинградский технологический институт, 1956)¹². Как и «БИП», студенческие издания не содержали прямой политической критики, но «вузовский» и школьный самиздат объединяли пафос свободы

³ Письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 года «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов» // Реабилитация: как это было. Том II. М., 2003. С. 208–214.

⁴ Кузовкин Г.В. Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М., 1996. С. 101–124.

⁵ Золотонос М.Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 302.

⁶ Там же.

⁷ Стенограмма совещания актива работников школ Смольнинского района. Секция классных руководителей. 8 января 1957 // ЦГА СПб. Ф. 2925. Оп. 2. Д. 53. Л. 84.

⁸ Золотонос М.Н. Указ. соч. С. 302.

⁹ Стенограмма совещания актива работников школ Смольнинского района. Л. 85.

¹⁰ Опираясь на публикации консервативных западных изданий, советская печать с середины 1950-х годов критиковала комиксы за пропаганду жестокости и разврата и регулярно приводила примеры того, как американские подростки совершали преступления, вдохновляясь рисованными историями. См., например: Лискунов А.И. О влиянии «комиксов» на нравственность молодежи США // Советская педагогика. 1956. № 7. С. 103–111.

¹¹ Стенограмма заседания Пленума райкома КПСС по вопросу «Об усилении идейно-воспитательной работы среди комсомольцев и молодежи района». 15 марта 1957 // ЦГАИПД СПб. Ф. 414. Оп. 17. Д. 39. Л. 83.

¹² Партийным органам в 1950-х были известны и другие ленинградские неподцензурные издания, но именно перечисленные журналы и газета получили широкую известность благодаря критическим публикациями о них в ленинградской и центральной прессе. Подробнее о «вузовском самиздате» Ленинграда см.: Долинин В.Э., Северюхин Д.Я. Преодоление немоты // Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Северюхина. М., 2003. С. 13–15, а также соответствующие статьи энциклопедии.

творчества, романтическое противопоставление себя старшему поколению и традиционной литературе, литературная игра, ориентация на поэзию начала XX века, прежде всего, на русский футуризм. Попытаться объяснить, почему подобные издания маркировались властями как политически ошибочные, призвана эта статья.

Демонстративное нарушение устоявшихся иерархий (возрастных, общественных, художественных) и, как следствие, возможная радикализация действий молодежи, вызывали беспокойство органов власти так же, как и предположительное влияние на молодежные издания зарубежных медиа и спецслужб. Но если гипотетические угрозы использовались только как риторические козыри для мобилизации идеологических и педагогических работников, то реальный романтический анархизм статей, рассказов и стихотворений становился для контролирующих инстанций свидетельством недоработок со стороны институций, ответственных за дисциплину и воспитание. В вину администрации и комсомольским организациям учебных заведений ставилось то, что они, как минимум, в нужный момент проглядели опасную инициативу, а как максимум, создали условия для ее появления. Или, самое страшное, — приняли в ней участие. Так, неоднократно подчеркивалось, что все три издателя журнала «БИП» были активными комсомольцами, старостами своих классов, участвовали в издании «официальных» стенгазет, а один из основных авторов, Евгений Лохмавит, «считался лучшим учеником по литературе, лучше всех писал сочинения <...> Учителя его знакомили с символизмом и прочим, и это нашло отражение в журнале»¹³.

Точно так же в 1959 году не только будущего диссидента, а в то время старшеклассника 59-й московской школы Владимира Буковского, но и его учителей обвинили в появлении в школе машинописного журнала «Мученик». Если Буковский как редактор был назван ответственным непосредственно за издание, то учителя и секретарь школьной парторганизации обвинялись в том, что, зная о существовании журнала, «проявили политическую беспечность, не приняли мер к прекращению чтения журнала, не сумели разоблачить его антисоветскую сущность, оставили журнал на руках у учащихся, которые в течение нескольких дней передавали его друг другу»¹⁴. В своих мемуарах Буковский отмечал, что влияние школы на появление «Мученика» заключалось еще и в том, что программа по литературе за 10-й класс включала в себя обзор литературных направлений

начала XX века. И хотя они приводились как пример кризиса дореволюционного искусства, они стали источником вдохновения для поэтических и прозаических произведений, вошедших в журнал¹⁵. Итогом разбирательств стал перевод Буковского в школу рабочей молодежи и серия выговоров и партийных взысканий в отношении учителей.

Наказание для педагогов, открыто симпатизировавших «школьному самиздату», могло быть более серьезным. Так, в ходе расследования распространения учениками 16-й московской спецшколы антисталинских листовок в 1966 году было выяснено, что некоторые из них были причастны к изданию школьной стенгазеты «Ритм» и протестам против принудительного прекращения ее издания. Хотя изначально скандал¹⁶ не вышел за пределы учебного заведения, участие учеников в преступлении, расследуемом органами КГБ, заставило интерпретировать издание стенгазеты как подготовку к распространению листовок, а причастных к нему подозревать в соучастии и в антисоветской деятельности. Несмотря на то, что по итогам следствия уголовное дело в отношении школьниц Ирины Каплун и Ольги Иоффе было прекращено, несколько учительниц 16-й спецшколы лишились работы. В качестве характеристики «политического лица» одной из уволенных, преподавателя истории Элеоноры Бараль, приводились не только ее высказывания о деле Синявского и Даниэля и об антисемитизме в СССР, но и поддержка издателей стенгазеты. По словам одной из допрашивавшихся коллег, после прекращения издания «Ритма» Бараль «буквально кричала, что где же свобода слова; в стихах Евтушенко ничего плохого нет, только люди не могущие понять сути этих стихов, могли снять газету»¹⁷.

Понимая возможную меру ответственности за причастность к идеологически сомнительным инициативам школьников, учителя, как правило, редко открыто поддерживали их. Более того, по мемуарам известны случаи, когда желание за-

¹³ Стенограмма совещания актива работников школ Смольнинского района. Л. 85.

¹⁴ Выписка из протокола № 27 заседания секретариата Московского городского комитета КПСС от 22 октября 1959 // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 64. Л. 134.

¹⁵ Буковский В.К. И возвращается ветер... М.: Захаров, 2007. С. 116, 119–122.

¹⁶ Он был связан, в первую очередь, с публикацией в стенгазете ходивших во «взрослом» самиздате стихотворений Евгения Евтушенко «Письмо к Есенину», «Баллада о браконьерстве» и «Бабий Яр».

¹⁷ Заключение прокурора отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР по делу о распространении листовок в Москве в 1966 году. 26 сентября 1966 // ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 36. Д. 475. Л. 20.

ручиться их одобрением оборачивалось для юных издателей закрытием независимого печатного органа¹⁸. Однако то, что школьникам могло показаться конформизмом или даже предательством со стороны педагога, могло объясняться стремлением минимизировать возможные репрессии в отношении учеников и не допустить рассмотрения дела вне школьных стен.

Влияние школы и учителей на появление бесцензурных ученических изданий не исчерпывалось попустительством или поддержкой со стороны педагогов, знакомством с образцами литературного авангарда или историей неподцензурной печати XIX — начала XX века на уроках литературы и истории. Издание рукописных журналов и самодельных книг использовалась как методическая находка в преподавании гуманитарных дисциплин¹⁹ и как средство воспитания на уроках и во внеурочное время. Так, старшая пионервожатая 317-й ленинградской школы Л.Г. Борисова делилась опытом организации школьного издательства, выросшего из школьных стенных газет и переплетного кружка:

«“Издательство” ... выпускает самодельные книги. <...> Так, например, была выпущена книга “Над Тиссой”, сатирический сборник “Еж”, сборник головоломок “Сеня Оплошкин” и др. Постепенно в эту игру вовлекался более широкий круг пионеров. Сейчас “издательство” имеет несколько редколлегий и руководит всей стенной печатью дружины. В VII “а” классе, например, создали филиал “издательства”, выпущен рукописный сатирический журнал “Перец”»²⁰.

По ее мнению, подобные занятия помимо обучения конкретным навыкам переплетного дела, способствовали развитию самостоятельности и творческой инициативы школьников, помогали им сплотиться над решением интересной практической задачи. Необходимо отметить, что редактором методического сборника, в котором было опубликовано сообщение Борисовой, был И.П. Иванов, один из родоначальников коммунарского движения в СССР. В основе этой педагогической системы лежала концепция «коллективного творческого дела», подразумевающая не управление коллективом подростков и его воспитание «сверху», а создание условий для того, чтобы юноши и девушки сами научились организовывать совместную работу, тем самым укрепляя коллектив²¹. Таким образом, все участники коллективного творческого дела становились субъектами воспитания. Наряду с другими субъектно-ориентированными педагогическими практиками, коммунарское движение с 1950-х

годов становилось заметной альтернативой формализованному воспитанию средствами школы, пионерской и комсомольской организаций.

Тем не менее, полностью отождествлять деятельность школьных издательств и изданий с либеральными тенденциями в советской педагогике было бы неверно. Например, ташкентская учительница Вагорницкая, на всесоюзном семинаре-совещании заместителей директоров школ по воспитательной работе призывавшая активнее использовать стенгазеты и рукописные издания в воспитательной работе, не только рассказывала о подготовленных ее учениками рукописных книгах о кубинской революции и покушении на Кеннеди, но и рассказывала о том, как она использует сочинения для выявления настроений учеников и ведет картотеку данных о школьниках²².

Сама по себе практика издания стенных газет, задуманная как важное средство организации и воспитания коллектива и наиболее полно реализовывавшая ленинский тезис о газете как о «коллективном агитаторе, пропагандисте и организаторе», уже к 1950-м для многих школьников превратилась в неприятное и бессмысленное поручение. Редакция стенгазеты или рукописного журнала, таким образом, представляла собой «спящий» или «сломанный» институт производства самоорганизующегося коллектива. К середине 1950-х «демократическая» концепция коллектива, не нуждавшегося в дисциплинировании извне, практически во всех сферах советского общества сменилась «авторитарной», подразумевающей коллектив как объект воспитания и управления со стороны внешнего руководителя²³. В годы оттепели попытки реанимировать коллективистскую утопию со стороны педагогов, пусть и не без проблем, но принимались властью — благодаря риторическому оправданию

¹⁸ См., например: Шухт А.В. Эти чтения были очень полезны и очень важны // *Поликовская Л.В.* Мы предчувствие... предтеча...: Площадь Маяковского, 1958–1965. М.: Звенья, 1997. С. 61–64.

¹⁹ Чацкий П. Школьный исторический рукописный журнал // *Преподавание истории в школе.* 1957. № 7. С. 110–111.

²⁰ Борисова Л.Г. О путях развития инициативы и самостоятельности пионеров // *Из опыта воспитательной работы комсомольской и пионерской организации в школе.* М., 1957. С. 50.

²¹ Подробнее см.:

Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common Place, 2018.

²² Стенограмма семинара-совещания заместителей директоров школ по воспитательной работе на общественных началах. 2 декабря 1963 // РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 7. Д. 593. Л. 9–10.

²³ Об идее и практиках советского коллективизма см.: *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002.

неортодоксальных педагогических концепций через апелляцию к «ленинскому наследию» (с 1956 года важнейшему концепту официального дискурса) и тому, что педагог в силу возрастной дистанции и включенности в сложившиеся властные иерархии (система народного образования, партия или комсомол) всё равно оставался внешней силой по отношению к коллективу подростков. Любая же общественная инициатива, реализуемая вне существующих иерархий, прочитывалась партийным руководством как угроза существующему порядку властных отношений. Поэтому сам факт независимого школьного издания «без идей и принципов» и без контроля со стороны взрослых представлялся опасным, вне зависимости от содержания опубликованных в нем произведений.

Библиографический список

Борисова Л.Г. О путях развития инициативы и самодеятельности пионеров // Из опыта воспитательной работы комсомольской и пионерской организации в школе / Под ред. И.П. Иванова. М.: АПН РСФСР, 1957. С. 44–57.

Буковский В.К. И возвращается ветер... М.: Захаров, 2007.

Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018.

Золотоносов М.Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Кузовкин Г.В. Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М.: Звенья, Мемориал, 1996. С. 101–124.

Пискунов А.И. О влиянии «комиксов» на нравственность молодежи США // Советская педагогика. 1956. № 7. С. 103–111.

Письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 года «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов» // Реабилитация: как это было. Том II / Сост.: А.Н. Артизов и др. М.: Международный Фонд «Демократия», 2003. С. 208–214.

Поликовская Л.В. Мы предчувствие... предтеча...: Площадь Маяковского, 1958–1965. М.: Звенья, 1997.

Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Северюхина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002.

Чацкий П.В. Школьный исторический рукописный журнал // Преподавание истории в школе. 1957. № 7. С. 110–111.

Д'Алессандро Риккардо

Alma Mater Studiorum —
Болонский университет,
магистр филологических наук

D'Alessandro Riccardo

Alma Mater Studiorum —
University of Bologna,
Master of Languages
dalessandro.riccardo@yahoo.it

УДК 94(470) + 82.09
ББК 63.3(2)63+ 83.3(2)

Ольга Седакова и ленинградский самиздат 70-х годов

Ol'ga Sedakova and Leningrad Samizdat of the 1970s

Аннотация: Поэтесса Ольга Седакова — одна из самых знаменитых представительниц «второй культуры» 70-х и 80-х, автор многих поэтических книг, прозаических сочинений и эссе на литературные и философские темы. В данной статье рассматривается ее первая самиздатская подборка «Строгие мотивы», опубликованная в журнале «37». Из этой публикации впоследствии выросла знаменитая поэтическая книга «Дикий шиповник». Подборка в журнале «37» очень важна для понимания развития поэтики Седаковой и истории ее участия в ленинградской самиздатской периодике 70–80-х гг.

Ключевые слова: Ольга Седакова, «Дикий шиповник», «Легенды», «37», «Часы», Виктор Кривулин, Татьяна Горичева, ИМКА-Пресс.

Summary: Poetess Ol'ga Sedakova is one of the most famous proponents of the Second culture of the 1970s and 1980s, author of many poetry collection, prose works and essays about literature and philosophy. In this article we have analysed her first samizdat anthology *Rigorous motifs*, published in the journal “37”. From this publication subsequently borned the famous poetry book *The Wild Rose*. The collection in the journal “37” is very important in order to understand the development of her poetics and the history

of her participation in the Leningrad samizdat periodical press of the 1970s and 1980s.

Keywords: Ol'ga Sedakova, "The Wild Rose", "Legends", "37", *Chasy* ("Hours"), Viktor Krivulin, Tat'jana Goricheva, YMCA-Press.

Среди поэтических имен, громко прозвучавших на ленинградской неофициальной литературной сцене 70-х и 80-х годов, кроме Елены Шварц, Виктора Кривулина, Сергея Стратановского, Александра Миронова, Аркадия Драгомощенко и др. часто упоминают имя Ольги Седаковой. Несмотря на то, что она всегда жила в Москве, ее часто причисляют к значительным явлениям ленинградской «второй культуры». В последние годы растет число работ, посвященных поэзии Ольги Седаковой, и мы хотели бы внести свой вклад в эти исследования, рассмотрев историю ее первых публикаций в самиздатской литературной периодике¹.

Ольга Александровна Седакова (род. 1949) — выдающаяся поэтесса, эссеист, переводчик и исследователь, автор тринадцати поэтических книг, отмеченных многими наградами и многочисленных статей и эссе на самые разнообразные литературные, философские и исторические темы.

По словам Седаковой, тяга к литературе возникла у нее еще в детстве и окрепла, благодаря поддержке бабушки Дарьи Семёновны и учителя музыки Михаила Ерохина, который, как она вспоминает: «не научил [ее] фортепьянной игре, [но] интересовался [ее] казенными виршами и что-то в них находил. По поводу одного из этих уродцев был упомянут Рильке, ставший для [нее] потом на долгие годы “самой поэзией”»². Учась в школе, она посещала литературную студию Дворца пионеров, и в эти годы ее стихи публиковались в детских и молодежных газетах: «Пионерской правде» и «Комсомольской правде»³. Это раннее столкновение с официальной литературой произвело на Ольгу Седакову тягостное впечатление — она отказалась от мысли учиться в Литературном институте, находившемся под жестким идеологическим контролем власти, и поступила на филологический факультет МГУ. В университетские годы Седакова познакомилась с такими учеными и деятелями культуры, как М.В. Панов, С.С. Аверинцев, Н.И. Толстой, М.Ю. Лотман. Занятия русистикой и славистикой она совмещала с изучением европейских языков: немецкого, итальянского, французского, английского. Знание этих языков полностью изменило ее жизнь, расширив представление

о мировой классической и новейшей литературе и позволив самым серьезным образом заняться переводами многих произведений европейской литературы разных эпох. В 1973 году Седакова защитила диплом и начала работать в Институте научной информации по общественным наукам РАН, к этому же времени относится и ее знакомство с представителями ленинградской «второй культуры».

Поэтический дебют и журнал «37»

В эти годы Ольга Седакова продолжала писать стихи, но никакой надежды на их публикацию в официальных изданиях не было, и распространялись эти стихи среди узкого круга друзей и знакомых, становившихся их слушателями и читателями. По воспоминаниям Седаковой, профессор МГУ Михаил Викторович Панов был первым «взрослым» человеком, которому она решилась показать свои стихи, и он прокомментировал это словами: «Поздравляю. Эта книжка — событие в русской поэзии»⁴. В дальнейшем М.В. Панов постоянно поддерживал Ольгу Седакову, приглашал ее читать свои стихи на его лекциях в качестве иллюстрации к его теории поэтического языка и стиля. В эти же годы участилась практика квартирных чтений, на которые собирался узкий, но обновляющийся круг друзей и знакомых. Эти люди, по воспоминаниям поэтессы, «обычно и делали копии для себя и для своих друзей»⁵, а она «никогда не занималась тиражированием собственных текстов»⁶.

¹ Самыми значительными изданиями о поэтике О. Седаковой являются: Ольга Седакова: Стихи, смыслы, прочтения. Сборник научных статей / Ред.-сост. С. Сандлер, М. Криммель, О. Новиков, М. Хотимская. М.: Новое литературное обозрение, 2017; *Айзенштейн Е.* Из моей тридевятой страны: Статьи о поэзии. М.: Издательские решения, 2015; Два венка: Посвящение Ольге Седаковой / Ред.-сост. А. Марков, Н. Ликвинцева, С. Панич, И. Седакова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013; *Медведева Н.* «Тайные стихи» Ольги Седаковой. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. *Бибихин В.* Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009.

² Седакова О.А. Заметки и воспоминания о разных стихотворениях, а также Похвала поэзии // Седакова О.А. Четыре тома. Том III.

Poetica. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 60. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olgasedakova.com/prose/98> (Дата обращения 23.07.2020).

³ Седакова О.А. Строгие мотивы // 37. 1977. № 10. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A37_10 (Дата обращения 23.07.2020).

⁴ Седакова О.А. Последняя встреча // Седакова О.А. Четыре тома. Том IV. Moralia. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 725. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olgasedakova.com/Moralia/299> (Дата обращения 23.07.2020).

⁵ Интервью с О. Седаковой от 17.06.2020.

⁶ Интервью с О. Седаковой от 24.01.2018.

В середине 70-х годов Седакова познакомилась с Виктором Кривулиным, с чего и начался ее многолетний контакт с ленинградской «второй культурой».

В 1976 году Кривулин вместе с Татьяной Горичевой и Львом Рудкевичем начал издавать журнал «37». Идея создания самиздатского литературного журнала возникла после неудачной попытки издания антологии неофициальных ленинградских поэтов «Лепта». Журнал существовал до 1981 года, в его номерах (всего их вышло 21) публиковались стихи и проза представителей «второй культуры», философские и литературоведческие эссе, материалы религиозно-философского и литературного семинаров, действовавших в эти годы в Ленинграде, хроника культурной жизни города и другие материалы. Позднее Виктор Кривулин писал, что целью издания журнала было «создание атмосферы, в которой живет культурный человек»⁷. Журнал часто помещал на своих страницах большие авторские подборки (поэтические книги) объемом до 10 авторских листов. Такими «книгами в журнале» были представлены Елена Шварц, Ольга Седакова, Всеволод Некрасов, Сергей Стратановский. Были опубликованы в журнале и большие подборки Виктора Кривулина, Бориса Куприянова и других поэтов⁸. В № 10, вышедшем в марте–апреле 1977 года, появился «первый большой сборник Ольги Седаковой, само название которого — “Строгие мотивы” — звучит не по-московски строго»⁹. Публикация эта занимает более 60 страниц и предварена редакционным предисловием, по всей вероятности, написанным В. Кривулиным¹⁰.

Отношения с ленинградскими литературными группами

Вопросы, связанные с этой публикацией, многочисленны и касаются как технического, так и литературного плана. Во-первых, важно прояснить, почему поэтесса из Москвы опубликовала свои тексты в Ленинграде. По мнению самой Седаковой, с ленинградскими поэтами ее сближало «радикальное — не только идейное, но и эстетическое — отторжение от официальной культуры во всех ее вариантах»¹¹. Кроме того, все они «чувствовали свое историческое место в русской поэзии: то, что мы пишем после Серебряного Века, после модерна и авангарда, после обэриутов — и это к чему-то обязывает»¹². Общими поэтическими привязанностями были не только Мандельштам, Ахматова, Хлебников, Цветаева, Пастернак, но также поэты допушкинской поры и многие европейские авторы: Данте, Рильке,

Бодлер, Поль Клодель, Т.С. Элиот и т. д.¹³ Общим для Седаковой и ленинградцев было и то, что растущий «интерес к русскому православию пересекался с литературным, художественным развитием»¹⁴, доходившим почти до «идентификации культуры с религией (или скорее, культура-как-религия)»¹⁵.

Второй вопрос касается истории самой публикации. В Ленинград Седакова приезжала достаточно редко, и встречи с ленинградскими поэтами чаще происходили в Москве. В частном сообщении она рассказала, что лично отдала тексты Кривулину по предложению ленинградского поэта.

Третий вопрос касается истории распространения журнала «37» и, в частности, опубликованных в нем стихов Седаковой. Наталья Шарымова, с 3 по 10 номера выполнявшая функции ответственного секретаря журнала, в своем интервью¹⁶ рассказывает, что один из редакторов, Лев Рудкевич, занимался в основном печатью, оформлением и распространением журнала¹⁷. Это подтверждает и Татьяна Горичева¹⁸. Номера журнала

⁷ Кривулин В.Б. «37», Северная почта // Самиздат (По материалам конф. «30 лет независимой печати. 1950–80 годы», Санкт-Петербург, 25–27 апр. 1992 г.) / Ред.-сост.: Долинин В., Иванов Б. СПб.: Науч.-информ. центр «Мемориал», 1993. С. 75.

⁸ Поликоская Л.В. 37 // Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР, 1950–1980-е: В 3 т. / Ред. В.В. Игрунов и М.Ш. Барабкдзев. Т. 3. М.: Междунар. ин-т гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 298.

⁹ Седакова О.А. Строгие мотивы // 37. 1977. № 10. С. 3.

¹⁰ Оригинальная публикация в журнале «37», на которую мы ссылаемся в настоящей статье, хранится в Бременском университете (в фонде Бориса Гройса номер “FSO 01-075”) и ее можно читать онлайн благодаря проф. Анне Комароми из Торонтского университета, которая собрала все номера в электронном архиве «Project for the Study of Dissidence and Samizdat» (URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca>).

¹¹ Интервью с О. Седаковой от 24 января 2018 г.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Цитцевитц Ж. фон.

Культура самиздата: Литература и андеграундные каналы в позднем Советском Союзе = The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union. London; Oxford; New York: Bloomsbury, 2020. С. 139.

¹⁵ Там же. Эта проблема освещается подробнее в следующей статье современника: Пазухин Е.А. Столпотворение. День...: О ленинградской «религиозной» поэзии 70-ых — первой пол. 80-ых годов // Обводный канал. 1985. № 7. С. 135–167. [Электронный ресурс]. URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A10655> (Дата обращения 25.07.2020).

¹⁶ Поликоская Л.В. Цит. соч. С. 297.

¹⁷ Интервью с Н. Шарымовой от 24.06.2020.

¹⁸ Т. Горичева рассказала, что «Рудкевич, третий наш редактор, стал фактически издателем. Он сейчас в Вене. Он биолог, вел у нас научный отдел. У него были большие деньги (он получил какое-то наследство) и он издавал журнал практически на свои деньги» (Козлов Д.С. Татьяна Горичева: Мне надоели подвальность и элитарность «Второй культуры» // Гефтер: [сетевой журнал]. 26.02.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/17640> (Дата обращения 25.07.2020).

циркулировали в самом Ленинграде, а также передавались друзьям и знакомым из других городов «от Таллина до Новосибирска»¹⁹, кроме того «номера нелегально переправлялись за границу; некоторые материалы были перепечатаны в западных изданиях»²⁰, как, например, в немецком журнале «Посев» и во французском журнале «Вестник РХД».

Легенды из «Строгих мотивов»

«Строгие мотивы», опубликованные в № 10 журнала «37», содержат стихотворения, написанные с середины 60-х до середины 70-х годов. Впоследствии этот сборник никогда не переиздавался как самостоятельная книга и большинство стихов, включенных в него, при републикациях входит в раздел «Ранние стихи». Последние восемь стихотворений подборки в журнале «37»²¹ вошли в дальнейшем в книгу «Дикий шиповник», написанную в период с 1976 по 1978 годы. В момент публикации в журнале «37», в апреле 1977 г., были написаны только шесть легенд и стихотворение «Дикий шиповник», которое дало название будущему циклу. Книгу «Дикий шиповник» можно считать одним из самых интересных и загадочных явлений русской поэзии послесталинского периода. Владимир Биbihин посвятил много университетских лекций анализу этой книги и входящих в нее текстов²².

«Дикий шиповник» привлекает и волнует читателя красотой и сложностью поэтических образов, сопоставимых по своей силе с образами церковной поэзии, и значимостью того «духовного сообщения», которое заложено в этой книге. Опираясь на шесть легенд, представляющих собой ядро, ставшее основой всей книги, поэт указывает человеку путь «возвращения: к отцу, к родному дому, к потерянному раю, к прошлому»²³.

«Первая легенда» книги основана на событии из жизни католического святого Юлиана Гостеприимного (Странноприимца), одного из покровителей путешественников, чье житие, возможно, дошло до Седаковой во французской версии, переработанной Гюставом Флобером и переведенной Иваном Тургеневым. «Легенда вторая» воспекает трудную судьбу переселенцев и погорельцев, метафорически указывая тем самым на извилистые пути поисков Веры и Истины. «Легенда третья» посвящена св. Марии Египетской, чью память Церковь чтит в пятое воскресенье Великого поста и в четверг пятой недели Великого поста, поскольку она — символ покаяния и обращения. «Легенда четвертая» раскрывает смысл евангельской притчи

о сеятеле²⁴. В «Легенде пятой», связанной с традициями свято-отеческой литературы, поэтически прослежен процесс поиска истинного пути человека, его самоотречения и самосознания в вере. «Легенда шестая. Смерть Алексия, Римского Угодника» показывает последние минуты этого римского святого, его прощание с миром на пороге обретения мира нового, данного в образе Райского сада. Тема эта во всей своей целостности раскрыта в стихотворении «Дикий шиповник».

В позднейших публикациях²⁵ пятая и шестая легенды меняют названия: «Легенда пятая» называется теперь «Легендой шестой», а «Легенда шестая» называется «Легендой седьмой». Тем самым «Легенда пятая» в этих публикациях отсутствует, равно как и третья и четвертая легенды, тоже исключенные автором из книги. Таким образом, публикация в журнале «37» стала для этих текстов единственной. Читателям они доступны на сайте «Project for the Study of Dissidence and Samizdat» и в итальянской версии сайта О. Седаковой²⁶.

История других публикаций

В течение некоторого времени публикация в «37» оставалась единственным выступлением поэтессы в самиздатской литературной периодике. Ее имя снова появилось в журнале «Северная почта» № 1–2 от 1979 г. в статье, подписанной Александром Каломировым (псевдоним В. Кривулина). В этой статье ленинградский поэт определил место неофициальной ленинградской поэзии внутри истории литературы XX в., утвердил преемственность между модернизмом и поэзией 1970-х годов, наметил периодизацию неофициальной поэзии и перечислил важнейших деятелей разных ее направлений. В числе поэтов «третьей волны» вместе с Алексеем Цветковым, Игорем Бурхиным, Аркадием Драгомощенко и концептуалистами (Лев Рубинштейн и Дмитрий Пригов) названа и Ольга Седакова.

¹⁹ Там же.

²⁰ 37 // Долинин В.Э., Иванов Б.И., Останин Б.В., Северюхин Д.Я. Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е: Литературная энциклопедия. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 458.

²¹ Седакова О.А. Строгие мотивы // 37. 1977. № 10. С. 50–56.
²² Биbihин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. С. 268–434.

²³ Медведева Н.Г. «Тайные стихи» Ольги Седаковой. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2013. С. 42–43.

²⁴ Мф. 13:3–23; Мк. 4:3–20; Лк. 8:5–15.

²⁵ Самой полной является: Седакова О.А. Четыре тома. Том I. Стихи. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

²⁶ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olgasedakova.com/it/49/2086> (Дата обращения 25.07.2020).

В 1980 году в № 23 журнала «Часы» появляется новая публикация Седаковой: стихотворение «Триптих из баллады, канцоны и баллады», которое сегодня носит имя «Selva selvaggia». Этот текст входит в состав книги «Дикий шиповник» и написан не позднее 1978 года. Важно подчеркнуть, что журналы «37» и «Часы» (который регулярно издавался с 1976 по 1990 г.) ставили перед собой разные задачи. Целью журнала «37» было «создание некоего языка, способного описать актуальное состояние культуры и исторического момента в России с точки зрения личности, тогда как “Часы” ставили задачу “собираания грибов”, т. е. выживания в существующем культурном ландшафте»²⁷. Борис Останин объяснял, что для достижения этой цели редакторы «Часов» «отказывались от “элитарного” поведения “37” [и] стремились к широте»²⁸, даже в ущерб качеству опубликованных текстов, поэтому иногда «активно искали новых писателей и переводчиков»²⁹, иногда перепечатывали материалы, которые уже появлялись в «37». Так, например, в № 34 «Часов» за 1981 год была перепечатана подборка Седаковой из журнала «37», несмотря на то, что в 1978 поэтесса уже составила книгу «Дикий шиповник»³⁰. Этот факт, с одной стороны, указывает на недостаточную осведомленность издателей журнала «Часы», с другой — позволяет сделать предположение, что новая поэтическая манера Седаковой не была по-настоящему понята и оценена в Ленинграде. Сама Ольга Седакова рассказывала, что «те, кто привык к [ее] прежней манере, были неприятно удивлены», и реакция Кривулина была: «Но это почти мелодрама!»³¹ Вопреки этим отрицательным отзывам, по словам поэтессы, эту книгу «много читали, много переписывали... приезжали люди из самых далеких мест — с Сахалина, например, с Волги, из Минска — со своими рукодельными “Дикими Шиповниками”. Были среди них переписанные от руки, перепечатанные, с картинками, переплетенные в разные ткани...»³².

В последующие годы в «Часах» публиковались статьи о Седаковой без упоминаний публикации в журнале «37». Например, в 1982 году вышла рецензия на ее выступление в Клубе-81, а в 1983 г. ее наградили премией Андрея Белого, и через год была опубликована ее речь по случаю награждения. В 1982 году журнал «Обводный канал» в № 2 поместил цикл Ольги Седаковой «Стансы в манере Александра Попа».

В заключение важно напомнить, что значительным моментом в литературной карьере поэтессы стало появление в 1986 году в парижском издательстве ИМКА-Пресс томика ее

стихов под названием «Врата, окна, арки: Избранные стихотворения». Известие о намерении издать эту книгу оказалось для Седаковой полной неожиданностью. Случилось так, стихи ее, распространявшиеся в самиздате, дошли до Натальи Солженицыной, и она убедила издательство выпустить книгу стихов Седаковой. Сама поэтесса вспоминает: «Издатели и выбирали из разных рукописей состав сборника. Название его было взято из предыдущего самиздатского сборника, но несколько изменено. У меня было “Ворота, окна, арки”. В ИМКА — “Врата, окна, арки”»³³. В эту книгу вошли написанные после «Дикого шиповника» циклы «Тристан и Изольда» и «Старые песни», но стихи из публикации в журнале «37» в парижскую книгу не включены. Их отсутствие позволяет предположить, что либо редакторы ИМКА-Пресс не сочли необходимым включать их в свою книгу, либо этот номер журнала, равно как и другие машинописные копии «Дикого шиповника», были им неизвестны.

²⁷ Кривулин В.Б.

Цит. соч. С. 75.

²⁸ Цитцевитц Ж. фон.

Цит. соч. С. 128.

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ «Выбор стихов в самиздатском журнале «37» — это еще набросок к книге. Ее состав определился в следующем году [1978]» (Интервью с О. Седаковой от 24.01.2018).

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ «Выбор стихов в самиздатском журнале «37» — это еще набросок к книге. Ее состав определился в следующем году [1978]» (Интервью с О. Седаковой от 24.01.2018).

Библиографический список

Бибихин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009.

Козлов Д.С. Татьяна Горичева: Мне надоели подвальность и элитарность «Второй культуры» // Гефтер: [сетевой журнал]. 26.02.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/17640> (Дата обращения 25.07.2020)

Кривулин В.Б. «37», Северная почта // Самиздат (По материалам конф. «30 лет независимой печати. 1950–80 годы», Санкт-Петербург, 25–27 апр. 1992 г.) / Ред.-сост.: Долинин В., Иванов Б.. СПб.: Науч.-информ. центр «Мемориал», 1993.

Медведева Н.Г. «Тайные стихи» Ольги Седаковой. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2013.

Поликовская Л.В. 37 // Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР, 1950–1980-е: В 3 т. / Ред. В.В. Игрунов и М.Ш. Барбакадзе. Т. 3. М.: Междунар. ин-т гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 298.

Седакова О.А. Строгие мотивы // 37. 1977. № 10. С. 3.

Седакова О.А. Четыре тома. Том I. Стихи; Том II. Переводы; Том III. Poetica; Том IV. Moralia. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

37 // Долинин В.Э., Иванов Б.И., Останин Б.В., Северюхин Д.Я. Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е: Литературная энциклопедия. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Цитцевитц Ж. фон. Культура самиздата: Литература и андеграундные каналы в позднем Советском Союзе = The Culture of Samizdat: Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union. London; Oxford; New York: Bloomsbury, 2020.

Ольга Седакова

(реплика)

Я ничем не могу дополнить ту историю о публикации подборки стихов из книги «Строгие мотивы», которую изложил Д'Алесандро. Я очень мало представляю себе редакционную работу журнала «37».

Единственно могу заметить, что автор явно преувеличивает роль этой публикации в самиздатской судьбе моих сочинений. Среди широкого круга моих знакомых в Москве мало кто знал об этом журнале. Стихи же распространялись разными путями, так что моим «дебютом» назвать эту публикацию нельзя. Связь осуществлялась скорее от человека к человеку. Например, мой друг пианист приезжал в город Саратов с концертом, там знакомил кого-то из своих коллег со стихами, оставлял какой-то список. И в музыкальном училище, скажем, этот список размножался. Или этот человек-«источник» был архитектором. Или филологом, и получал свой экземпляр на студенческой конференции где-нибудь в Воронеже, например. Университеты в разных городах, консерватории и музыкальные училища, художественные вузы — так я представляю сеть распространения моих текстов. Эти читатели, как правило, ничего не знали о ленинградском машинописном журнале. Еще источником были тамиздатские публикации — в «Стрельце», в «Континенте», в «Вестнике РХД». Не могу, к сожалению, указать дат этих публикаций. Чаще всего в самиздатских изданиях встречались книги «Дикий шиповник» и «Старые песни».

Да, еще у тех, кто приходил на чтения (обычно в мастерских художников), сохранялись и размножались записи авторского чтения. Некоторые списки делались со слуха, и поэтому в них оказалось много разночтений.

Лепехин Максим Андреевич,
 Московский городской
 педагогический университет,
 аспирант кафедры русской
 литературы

Lepexhin Maksim,
 Moscow City University,
 Faculty of Russian Literature,
 Graduate Student
 mlepehin33@gmail.com

УДК 94(470) + 82.09
 ББК 63.3(2)63+ 83.3(2)

«Транспонанс»: стратегии продвижения провинциального самиздатовского журнала в советском литературном поле

“Transponans”:
 The Promotion Strategies
 of Provincial Samizdat
 Magazine Within the Field
 of Soviet Literature

Аннотация: Статья посвящена стратегиям поведения провинциального авангардного журнала «Транспонанс» внутри неподцензурного сегмента советского литературного поля. Этот сегмент виделся редакции журнала, образовывавшей движение трансфуристов, гетерогенным и иерархически устроенным. По их мнению, участники столичных неофициальных сцен вытесняли наиболее радикальных авангардистов, к которым относили себя трансфуристы, из и без того узкого публичного поля. В статье проанализированы две взаимосвязанных стратегии, с помощью которых трансфуристы хотели утвердить свои позиции внутри литературного поля: во-первых, они заявляли о своем первенстве в авангардном движении, публикуя молодых поэтов-авангардистов, над которыми они устанавливали шефство; во-вторых, они высказывали мысль о необходимости децентрализации литературного процесса, слишком завязанного, как им казалось, на Москве и Ленинграде.

Ключевые слова: советский самиздат, авангардная поэзия, литературное поле, неподцензурная поэзия, социология литературы.

Summary: The article describes the strategies the provincial avantgarde magazine “Transponans” used in order to promote itself within the uncensored segment of the field of Soviet literature. The editorial office of the magazine, that formed transfurists poetry movement, tended to see this segment as heterogeneous and hierarchical. They thought that poets from metropolis forced the most radical avant-gardists out of the public field, that was already extremely narrow. The article discusses two interconnected strategies, that transfurists applied to strengthen their positions within the field of literature: first, they declared their primacy as the leaders of avantgarde movement by publishing young avantgarde poets and establishing patronage over them; second, they came up with an idea that the literary process, that was associated primarily with Moscow and Leningrad, had to be decentralized.

Keywords: Soviet samizdat, avantgarde poetry, field of literature, uncensored poetry, sociology of literature.

Трансфуристы внутри поля советской неофициальной культуры

Журнал авангардной поэзии «Транспонанс», главная публичная платформа поэтов-трансфуристов, выходил с 1979 по 1987 год и выдержал 36 выпусков; из литературных самиздатских журна-

лов, выходявших в СССР, больше было только у ленинградских «Часов» (70 выпусков на конец 1987 года). В «Транспонансе» публиковались поэты из Москвы (Дмитрий Пригов, Генрих Сапгир), Ленинграда (Владимир Эрль) и других, не столичных, городов. Всё это свидетельствует о том, что «Транспонанс» был одним из самых важных самиздатских журналов в неподцензурном сегменте советского литературного поля. Тем интересней, что его главные редакторы, супруги Ры Никонова (настоящее имя — Анна Таршис) и Сергей Сигей (Сергей Сигов) решили разыграть карту маргинальности, они раз за разом повторяли такую мысль: участники столичных художественных сцен вытесняют трансфуристов на обочину и делегетимируют их точку зрения на развитие неофициального сообщества. Похожую ситуацию неравномерной представленности разных участников неофициального движения описывала Энн Комароми: например, у московских диссидентов, как отмечает Комароми, был доступ к международной публичной сфере, чего нельзя сказать об участниках самиздатского движения за пределами столиц; эта ситуация порождала сложные, разноуровневые и иерархические, сети взаимодействия и конфронтации внутри неофициального движения¹. Случай трансфуристов позволяет описать гетерогенное устройство одной из таких сетей, включающей в себя создателей и распространителей литературного периодического самиздата, а также его аудиторию.

Взаимодействие трансфуристов с другими поэтическими группами и сообществами можно описать в терминах социологии Пьера Бурдьё. Конечно, категории, предложенные Бурдьё, могут работать несколько иначе в ситуации советской неофициальной культуры — чтобы описать это, потребовалась бы отдельная статья, сейчас же нам хватит самого общего замечания. Трансфуристы, декларировавшие свою маргинальность, стремились увеличить свой символический капитал и укрепиться внутри литературного поля — поля, которое они представляли как полное противоречий и нередко враждебное им. Я опишу несколько стратегий, которые позволяли им сделать это, — я прослежу, как Ры Никонова и Сергей Сигей пытались взять шефство над молодым поколением художников и поэтов-авангардистов, заодно демонстрируя широту распространения авангардных идей; помимо этого, я проанализирую их призывы к созданию своеобразного «провинциального фронта искусств», который бы противостоял столичным неофициальным сообществам.

Одним из рефренов в статьях Никоновой стало обвинение москвичей и ленинградцев в пренебрежительном отношении к трансфуристам как к провинциалам — действительно, большую часть года супруги, как правило, проводили на юге страны, в городе Ейске. Такие обвинения выдвигались даже несмотря на то, что Никонова и Сигей продолжительное время учились и работали в Ленинграде (еще один участник «Транспонанса», Борис Констриктор, жил там постоянно) и были так или иначе включены в жизнь неофициальной среды; кроме того, после организации «Клуба-81» трансфуристы смогли провести в нем пять поэтических вечеров-перформансов.

Как бы то ни было, критика трансфуристов, безусловно, имела под собой основания, хотя бы потому, что жителям столиц было проще стать «видимыми», получить доступ, например, к выставочным площадкам. За право выставляться неофициальные художники наиболее активно боролись, начиная с середины 1970-х, после Бульдозерной выставки (1974). В Москве эта борьба увенчалась созданием Горкома графиков на Малой Грузинской, 28 (1975); в Ленинграде — выставками в ДК «Газа» (1974) и ДК «Невский» (1975), а затем и созданием ТЭИИ — Товарищества экспериментального изобразительного искусства, которое организовывало выставки независимых художников. Трансфуристы критиковали именно деятельность ТЭИИ — оно, по их мнению, намеренно не давало работам художников из провинции попадать на выставку².

В одном из разговоров с Сигеем Никонова делится своими интуициями по поводу схожей проблемы:

«У меня создалась даже целая теория географического искусства. Не важно вообще искусство: что сделано, как; важно — где. Выставился в Париже — замечательно, мастер!

¹ Komaromi A. Samizdat and Soviet Dissident Publics // Slavic Review. 2012. № 71. С. 70–90.

² Никонова Р. Интервью с интервалом // Транспонанс. 1986. № 32–33. С. 76. (Начиная с 28 номера трансфуристы переходят к новому формату журнала и перестают пользоваться пагинацией. Указанные номера страниц в таких номерах относятся к страницам оцифрованных версий журнала, которые можно найти на сайте университета Торонто. [Электронный ресурс]. URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3Aroot>)

Гений! То же самое ты же выставил в Бердянске — дурак; плетей, кретин <...> Даже некоммерческое искусство на самом деле зависит от того, где выставлено...»³

Слова Никоновой во многом совпадают с наблюдениями французской исследовательницы Паскаль Казанова, которая, опираясь на теорию Бурдье, показала асимметричное устройство мирового литературного пространства в первой половине XX века⁴. Согласно ее теории, писатели из «периферийных» регионов, Восточной Европы, Латинской Америки, были вынуждены приезжать в европейские города, если они хотели стать известными; только в столицах европейских стран писатель, заводя знакомства или придерживаясь иных тактик, мог получить достаточно символического капитала, чтобы сделаться «видимым». До определенной степени такая же ситуация сохранялась и в советской России: например, многие художники и поэты из Украины в 1970-е переезжали в Москву, где существовала уже сложившаяся художественная сцена.

Трансфуристы поставили своей целью исправить эту асимметрию, превратив пространство за пределами столиц в столь же символически значимое. Статьи, которые публиковались в «Транспонансе», позволяют судить о стратегиях трансфуристов, которые утверждали свои позиции внутри литературного поля в качестве равных, если не наиболее значимых, участников художественного процесса. Самая базовая стратегия — это напрямую противопоставить свое движение столичным сценам. Например, в 21 номере (1984) трансфуристы помещают коллективную декларацию «После бала» — в ней они выступают в роли варягов, которые колонизируют поэтические сообщества Москвы и Ленинграда:

«ни в москве ни в ленинграде поэты править бал не могут и позвать варягов тоже не решаются и потому *варяги* пришли сами и это транспоэты въ варяги варяги попасть легко довольно нарядиться в доспехи зауми и хотя нам говорят что авангард умер но мы больше доверяем тому греку который говорил что *варяги это периодически повторяющееся состояние и конца им быть не может*»⁵.

В следующем абзаце трансфуристы пишут, что «зачумь словно чума заразительна и ходит из варяг в греки и только и *проявляет поэзию*». Внешне эта декларация напоминает манифесты футуристов, однако ее интонация дает понять, что текст этот выполняет пародийную функцию, а направлен он против столичных поэтов, которые сводят авангардизм к наиболее

эпатажным его проявлениям. Действительно, ленинградские и московские поэты зачастую ассоциировали понятие «авангард» с футуризмом, считая его при этом эстетически устаревшим и идеологически дискредитированным. Так, в статье «Диссодорант» Никонова вступает в полемику с поэтом-эмигрантом Юрием Колкером, атакуя подобное восприятие авангарда:

«Да, сбрасывали с парохода. Да разве Пушкин сам никого не сбрасывал, не бранился? <...> А судить о явлении нужно не по родовым мукам становления, а тогда, когда оно встало на ноги, выросло, заполнило мир, дало этому миру, пожалуй, более сотни гениев...»⁶

Трансфуристы же занимались апологией авангарда, стремясь продемонстрировать его потенциал для обновления русской поэзии. Заметим, что в декларации варягов-трансфуристов не зовут, они приходят сами — иначе говоря, столичные поэты, по мнению трансфуристов, сами и не догадываются о том, что авангардизм в его трансфуристском изводе — единственный для них шанс стать современными.

Разговор об авангарде, впрочем, выходит за пределы вопросов эстетики. В той же статье Ры Никонова формулирует понятие «третьей культуры». «Третья культура» противопоставлена культуре первой, официальной, и второй культуре, неофициальной, которая всё больше срастается с первой. Например, членов ТЭИИ Никонова подозревала в сговоре с Главным управлением культуры (ГУКом), которое занималось, в том числе, распределением мастерских, покупкой картин и многим другим; наиболее сговорчивым художникам, как считала Никонова, ГУК могло оказывать преференции. К «третьей культуре» относятся все те, кто лишен доступа к публичности, оттеснен столичными «патриархами»; объединяет их тотальная маргинальность по отношению к «метрополии», в том числе — маргинальность эстетическая. Авангардизм становится синонимом «третьей культуры», политического сопротивления тому институциональному сближению неофициального и официального искусства, в котором трансфуристам виделись черты коллаборационизма:

³ Никонова Р., Сигей С. Килбоогешудярг // Транспонанс. 1986. № 31. С. 49.

⁴ Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004.

⁵ Декларация «после бала» // Транспонанс. 1984. № 21. С. 179. На месте курсива в этом и во всех последующих случаях в оригинале стоит разрядка.

⁶ Никонова Р. Диссодорант // Транспонанс. 1985. № 28. С. 45.

«Кроме несчастных, чьи портреты сияют на обложках западных изданий, есть еще и другие люди <...> Эти люди не имеют доступа ни к себе подобным, ни к выставкам, ни к мастерским. Что бы с ними ни случилось, об этом не узнает никто. Это люди “третьей культуры”. По мнению многих столичных диссидентов <...> это смерды, их место в “провинции”, и куда “они” лезут, совершенно непонятно. Однако третья культура нашла свой стиль <...> она поняла, что единственное ее спасение, гарант ее несъедобности для официоза — авангард»⁷.

Трансфуристы видели себя во главе этого движения, этой «третьей» культуры. «Транспонанс» же стал площадкой, на которой они планомерно утверждали свой авторитет в вопросах истории и практики авангардизма и в вопросах литературного процесса в целом.

Трансфуристы и молодое поколение авангардистов

Одним из способов самоутверждения стала публикация молодых поэтов, которых трансфуристы считали авангардистами и экспериментаторами. Такая публикация или упоминание в статье, с одной стороны, наделяли молодых поэтов большим символическим капиталом, с другой стороны, позволяла трансфуристам указать на свое первенство в авангардном движении, которое крепнет и пополняется новыми представителями.

Трансфуристы публиковали участников группы «Мухомор» (Константина Звездочетова, Свена Гундлаха) и художников и поэтов из Одессы, обосновавшихся в 1980-е в Москве (Леонида Войцехова, Олега «Перца» Петренко). Самой обширная публикация досталась Звездочетову — с 19 по 22 номер публиковались его проза под названием «Бурбон (макаронический мартиролог)». Первую публикацию сопровождает послесловие Сигея. В нем сразу же закладывается система отношений между двумя поколениями авангардистов, которая будет воспроизводиться и дальше: Сигей называет «Мухоморов» «популяризаторами авангарда», которые «просто учатся говорить более или менее общеупотребительно на том языке, который создавали поколения авангардистов и который все еще создается сейчас»⁸. Послесловие Сигея сопровождает небольшая заметка Ры Никоновой под названием «тавтология к заметке сигея». В ней она указывает Сигею, пускай и в иронической форме, на менторский тон его статьи: «Художник не смеет предьявлять художникам фразы типа “художник не смеет...”, “художник не должен”».

Сигей не сравнивает детально продукцию трансфуристов и «Мухоморов», отмечая только одну важную деталь, которую и те, и другие разделяют с остальными авангардистами, — стремление собраться в группу. Автор заметки из 19 номера, подписанной инициалами С.В.⁹, сравнивает уже конкретные произведения участников обеих групп — Звездочетова, с одной стороны, и Никоновой и Сигея, с другой. Он также ставит работы «Мухоморов» в подчиненное положение по отношению к работам трансфуристов: последние, согласно автору заметки, делали многое из того, что сейчас воспроизводят первые, еще в начале 1960-х¹⁰. В то же время из таких совпадений автор заметки делает важный вывод — авангардные идеи, впервые артикулированные трансфуристами, широко распространены в неофициальной среде, более того, они настолько сильны, что обретают независимую жизнь: «Это значит, что идея второго слоя культуры обладает универсальной значимостью и способна уже не только существовать независимо от творческого поголовья, но и пробуждать возникновение этого самого — нового слоя, основанного на повторном использовании»¹¹. Это наблюдение служит автору преамбулой для критики ленинградского сообщества (об этом см. ниже).

Параллель между трансфуристам и «Мухоморами» устанавливает и Дмитрий Пригов в 18 номере журнала. Описывая свое видение трансфуризма, Пригов соглашается с тем, что трансфуризм наследует тому, что сам он обобщенно называет конструктивизмом. Однако с течением времени, согласно Пригову, любой стиль в руках последователей превращается в пост-стиль: в собственную более «эклкктичную и барочную» версию¹². Так произошло с трансфуристами, такая же судьба ждала и работы «Мухоморов», которые, в свою очередь, обладали всеми чертами пост-стиля по отношению к московскому концептуализму. Пригов замечает, что такая художественная позиция «оценивает другие как ложные и недостаточные»¹³, — в ответ на это и во многом, надо думать, подыгрывая ему, трансфуристы пишут в послесловии, что «сам дмитрий пригов неизбежно

⁷ Никонова Р.
Указ. соч. С. 43.

⁸ Сигей С. Послесловие к публикации К. Звездочетова // Транспонанс. 1983. № 19. С. 41.

⁹ Пока что не удалось установить, кто скрывается за инициалами.

¹⁰ С.В. НьюЙорк и москва // Транспонанс. 1984. №22. С. 143.

¹¹ С.В. Указ. соч. С. 144.

¹² Пригов Д. Не всё ясно с первого взгляда // Транспонанс. 1983. № 18. С. 94.

¹³ Пригов Д.
Указ. соч. С. 96.

движется в своем творчестве именно к *транспозитизму* вне зависимости от того, осознает он это или нет»¹⁴.

Эта фраза действительно иронична, но за ней видится и важная для трансфуристов стратегия, цель которой — подтвердить широкое распространение собственной практики, имеющей серьезный эстетический и философский базис. При этом, заявляя, что Пригов как представитель московского концептуализма движется в сторону трансфуризма, они тем самым включают в сферу своего влияния и «Мухоморов», которые московскому концептуализму наследуют. Дрейф же молодых поэтов в сторону столичных сцен вызывает у трансфуристов раздражение. Это видно по предисловию Сигей к подборке Олега Перца. Сигей нападает на не понравившуюся ему тенденцию, распространенную в среде новой генерации поэтов. Тенденцию эту он называет «фольклорной», под ней он имеет в виду комическое описание «социальных типов», от лица которых говорит лирический герой. За обращение к фольклору, который противостоит сложившимся канонам искусства, Сигей раньше хвалил «Мухоморов», теперь же его интонация сменилась на противоположную¹⁵. Сигей заявляет, что перепечатывает наиболее удачные, на его взгляд, тексты Перца, и дает автору совет «не прельщаться обманчивым успехом книжки» — успех же книга имеет в московской среде:

«О подобных неуязвимых для критики произведениях говорить нелепо. Единственное, что заставляет этой писаниной возмущаться, так это сфера ее бытования: московские салоны “очарованы” подобной, с позволения сказать, поэзией»¹⁶.

Другими словами, Сигей предлагает Перцу не следовать московским эстетическим конвенциям, а развивать те черты своей поэтики, которые выделил сам Сигей.

Провинция vs метрополия — поиск союзников

Мнение молодых авангардистов использовалось и для нападок на столичные сообщества. Так, С.В. в своей заметке пишет, что в «жигане», одной из книг Звездочетова, «есть и вполне уместные эпатажные заявления», касающиеся критики ленинградской поэтической сцены:

«Вот тут уже ленинградским гениям и мастерам, столь далеким от каких-либо подлинных путей в искусстве стоит серьезно задуматься: мало того, что транспозы напали на них в своем манифесте “после бала”, так еще и звездочетов туда же — !»¹⁷

Наиболее последовательно эту грань политики трансфуристов в отношении молодежи раскрывает Ры Никонова в статье «Вавилонско-пизанские поэты». В этой же статье обозначается важный для трансфуристов тренд — стремление захватить в сферу своего влияния поэтов из нестоличных городов. Название статьи Ры Никонова берет из стихотворения Леонида Войцехова, его же стих «а туфли кто?» выбран в качестве эпиграфа. Под туфлями/судьями, чье право выносить суждения оспаривается, имеются виду столичные поэты — с помощью эпиграфа создается впечатление, что критикуют их и поэты новой генерации. Статья опубликована вслед за программным текстом «Диссодорант». Статья помещена в 28 номере «Транспонанса», что позволяет говорить о нем как о манифестарном: именно здесь трансфуристы последовательно повели речь о том, о чем раньше заговаривали только эпизодически и/или иронически, — о своих расхождениях со столичными сценами.

Никонова рассуждает о новых поэтах из Одессы, Москвы и Ленинграда (оговариваясь, что много достойных молодых поэтов есть и в других городах) и находит в их позиционировании себя внутри литературного поля черты их принадлежности к «третьей культуре». Молодые не заинтересованы в быстрой материальной прибыли, они готовы голодать, что выявляет в них настоящих авангардистов: «Этот стиль жизни характерен вообще для третьей культуры, весь авангардизм настоян на голоде, словно на дрожжах»¹⁸. Никонова не записывает в авангардисты всех молодых авторов, она предполагает, что кто-то из них «вклинится в символистскую тягомотину отлаженную машину ленинградского “почти-самиздата”», кто-то «рано прельстится барышами московской купили-продажи», кого-то «просто поглотит прорва провинции»; тем не менее, кто-то все же «останется у принципиально (разломанного) корыта авангардизма и будет хлебать из него “пустые” щи, ибо корыто это, словно скатерть-самобранка, неисчерпаемо»¹⁹.

¹⁴ Пригов Д. Указ. соч. С. 98.

¹⁵ Впрочем, «Мухоморов» в этом предисловии Сигей также критикует: косвенно, говоря, что поэты из Одессы проходят тот же путь, что и Мухоморы, и напрямую, приводя стихотворение Звездочетова в качестве примера неудачной, по его мнению, «фольклорной» тенденции.

¹⁶ Сигей С. Предисловие // Транспонанс. 1986. № 32–33. С. 66–67.

¹⁷ С.В. Указ. соч. С. 144.

¹⁸ Никонова Р. Вавилонско-пизанские поэты // Транспонанс. 1985. № 28. С. 52.

¹⁹ Там же.

В конце статьи Никонова развивает метафору, содержащуюся в ее названии. Она противопоставляет разноголосых и «наклоненных» влево молодых поэтов «крепко стоящим на ногах» поэтам старших поколений, проживающим в столицах. Кажущаяся «нормальность» последних, согласно Никоновой, скрывает за собой изъяс и кривизну — они «наклонены» по отношению «не к земной оси, а к небесной», то есть мы снова имеем дело с обвинениями в погоне за дешевым успехом и выгодой. Статья заканчивается словами о необходимости для поэтов знать друг о друге — имеются в виду, по всей видимости, поэты, готовые противостоять тому, что трансфуристам виделось гегемонией столичных неофициальных сообществ: «В таком ракурсе Вавилонская башня поэзии направлена именно вверх, к небу, и, чтобы она не разрушилась, нам, поэтам, необходимо взаимопонимание. Знание друг о друге»²⁰.

Судя по статье, опубликованной в сдвоенном 32–33 номере, трансфуристы задались целью организовать сообщество малоизвестных литераторов, не признанных в столицах. Так, в своем обзоре сборника рижских поэтов «Зачем», который Ры Никонова называет «криком в пустыне, где у авторов — создателей сборника — нет надежды ни на что»²¹, она вновь противопоставляет этих авторов столичным поэтам, но уже на новом основании — на этот раз она критикует последних за неискренность и недостаток настоящего чувства. Несколько предыдущих страниц Никонова посвятила критике поэтессы Ольги Седаковой — теперь же она припоминает Седаковой ее слова о том, что ни читатель, ни критик не в праве требовать от поэта «боли и крови». Никонова настаивает на том, что у поэтов из Риги «кровь и боль» — настоящие, в отличие от «раздутой или вовсе дутой» боли героев Седаковой; они — «поистине “ненужные люди”», чья «молодость проходит под знаком ненужности». Никонова завершает статью патетически — надеждой на то, что поэты из провинции перестанут быть изгоями в столичных сообществах, которым до сих пор неизвестные поэты нужны для обновления:

«И пусть рядом с необыкновенной культурностью и рафинированностью москвичей и ленинградцев появится, наконец, молчаливая прежде остальная Россия: рижане и одеситы, свердловчане и херсонцы и т. д. и т. д. Будем надеяться на то, что столичным хватит культуры принять этих изгоев без снобистских “культурологических” таможен. <...> А между тем, свежие силы и свежая кровь столицам ох как нужны. Ибо

академические, “вторые” журналы несколько (и давно, возможно, до рождения), закисли»²².

При этом трансфуристы постоянно валоризировали само понятие провинции. Это можно проследить по разделу библиографии 27 номера «Транспонанса». Все тексты в нем написаны Сигеем, который представляет себя специалистом по авангарду общемирового масштаба, тем самым деконструируя оппозицию локального-провинциального и глобального. Сигей рассматривает одну за другой зарубежные публикации о русском авангарде — почти в каждой из них он находит ошибки, которые берется исправить. Например, он критикует препринт романа Ильи Зданевича, который вышел в Беркли, где автор предисловия неправильно написал название пятой пьесы Зданевича; он исправляет ошибку автора из «международного журнала по вопросам визуальной культуры», «Interpressgrafik» — тот приписал стихотворение Алексея Крученых Варваре Степановой. Также Сигей использует преимущество, которое, за редким исключением, не было доступно западным славистам — доступ к личным архивам поэтов и литературоведов 10-х–50-х годов. По материалам архива Николая Харджиева он вносит поправки в «Элегию» Введенского, в тот ее вариант, который содержится в двухтомнике, выпущенном издательством «Ардис». Вслед за этим он пишет о каталоге к большой выставке визуальной поэзии, которая прошла в ФРГ, в городе Люденшайде. Сигей несколько раз подмечает переключки между эстетическими решениями западных авторов и трансфуристов, доказывая, что трансфуристы включены в мировой художественный процесс. Теперь, заручившись символической поддержкой зарубежных поэтов, он подытоживает свой обзор и проводит параллель между двумя провинциальными городами — Люденшайдом и Ейском — и вновь нападает на элитаризм столичных сообществ. Таким образом, на стороне трансфуристов, живущих далеко на юге страны, выступает, как уверяет Сигей, вся мировая авангардная поэзия; провинциальность служит категорией, подрывающей сложившиеся внутри литературного поля иерархии:

«что же такое этот люденшайд? столица чего? провинция какая? да и где это, попросту говоря? все эти вопросы

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Никонова Р. Сатира на часах // Транспонанс. 1986. № 32–33. С. 89.

²² Никонова Р. Указ. соч. С. 92–93.

в контексте современной культуры отдают идиотическим азиатским снобизмом, основанным на глубоко укоренившейся в сознании представителей “второй культуры” у нас идее собственной “столичности” <...> во всяком случае, в сентябре 1984 года столицей современной поэзии явно был люденшайд, “провинциальный городишко”»²³.

Таким образом трансфуристы выстраивали свои отношения с другими акторами внутри неподцензурного сегмента советского литературного поля, используя для этого свою главную публичную платформу — журнал «Транспонанс». Открытая конфронтация не была единственной их стратегией. Полемика с московскими и ленинградскими литераторами часто принимала и другие формы, менее ожесточенные формы. Например, они могли напечатать сдержанную рецензию на выпуск столичного самиздатского журнала, приглашая тот к диалогу. Эти формы еще предстоит обсудить.

Библиографический список

Декларация «после бала» // Транспонанс. 1984. № 21. С. 179.

Казанова П. Мировая республика литературы. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2004.

Никонова Р. Вавилонско-пизанские поэты // Транспонанс. 1985. № 28. С. 51–55.

Никонова Р. Диссодорант // Транспонанс. 1985. № 28. С. 42–50.

Никонова Р. Интервью с интервалом // Транспонанс. 1986. № 32–33. С. 75–77.

Никонова Р. Сатира на часах // Транспонанс. 1986. № 32–33. С. 83–93.

Никонова Р., Сигей С. килбоогещудярг // Транспонанс. 1986. № 31. С. 45–51.

Пригов Д. Не все ясно с первого взгляда // Транспонанс. 1983. № 18. С. 93–98.

С.В. НьюЙорк и москва // Транспонанс. 1984. № 22. С. 141–144. Опечатка?

Сигей С. Библиографические заметки // Транспонанс. 1985. № 27. С. 120–144.

Сигей С. Послесловие к публикации К. Звездочетова // Транспонанс. 1983. № 19. С. 41–44.

Сигей С. Предисловие // Транспонанс. 1986. № 32–33. С. 65–67.

Komaromi A. Samizdat and Soviet Dissident Publics // Slavic Review. 2012. № 71. С. 70–90.

²³ Сигей С. Библиографические заметки // Транспонанс. 1985. № 27. С. 142–143.

Струкова Елена Николаевна,
ГПИБ России, Москва,
заведующая Центром социально-
политической истории,
кандидат исторических наук

Strukova Elena Nikolaevna,
State Historical Public Library
of Russia, Moscow,
the head of the Centre of Social
and Political History,
PhD in history.
stru@shpl.ru

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63

Библиотека неуничтожаемого самиздата: структура и организация работы Одесской библиотеки самиздата (1967–1982)

Library of non-
destructible samizdat:
structure and
organization of the
Odessa samizdat library
(1967–1982)

Аннотация: статья посвящена истории подпольной Одесской библиотеки самиздата (1967–1982). На основе материалов самиздата и интервью с участниками событий рассматриваются принципы хранения нелегальных материалов, организация копирования и взаимодействие с читателями.

Ключевые слова: самиздат, Одесса, копирование, хранение подпольной литературы, инакомыслие, читатели.

Summary: the article is devoted to the history of the underground Odessa samizdat library (1967–1982). Based on the materials of samizdat and interviews with participants of events, the principles of storing illegal materials, organizing copying and interacting with readers are considered.

Keywords: samizdat, Odessa, copying, storage of underground literature, dissent, readers.

Нелегальные библиотеки появляются и существуют в те времена, когда в обществе ощущается дефицит информации. Советский Союз исключением не был. Но многие распространители самиздата не задумывались о том, что на самом деле они формируют библиотеку. На страницах «Acta samizdatica» этот вопрос был сформулирован А. Макаровым в статье «От личной коллекции самиздата к общественной библиотеке. Трудности границ и дефиниций»¹.

Здесь важно отметить, что подпольная библиотека в СССР явление редкое, но не уникальное. В стране существовал ряд подпольных библиотек, однако их функции, как справедливо отмечает А. Макаров, были различны. Если, например, частные библиотеки Ю. Авруцкого, Д. Маркова и Одесская библиотека самиздата были созданы с целью обмена информацией, то «Ленинградская коллекция самиздата» создавалась с целью сохранения уникальных материалов².

Случай Одесской библиотеки самиздата уникален не только потому, что она существовала фантастически долго: с 1967 по 1982 год. Ее начинали молодые марксисты — члены подпольного молодежного кружка. Сам подпольный кружок сформировался несколькими годами ранее. Одесские старшеклассники, «обдумывающие жизнь», искали ответы на вечные вопросы: много читали, собирались в компании, обсуждали прочитанное. И покупали книги для своих семинаров³. Среди читающих школьников заметно выделялся Вячеслав Игрунов: именно вокруг него сформировалась группа молодых марксистов, и именно он становится первым хранителем библиотеки.

Постепенно библиотека переросла рамки марксистского кружка и стала самостоятельным центром, в котором собиралась нелегальная и дефицитная литература. Книги из библиотеки самиздата распространялись не только в Одессе. По словам Игрунова, фонд библиотеки составлял 400–500 книг⁴. Эти книги Игрунов и его друзья получали через одесских, а затем и московских диссидентов⁵.

Инициатор создания библиотеки был арестован 1 марта 1975 года и согласно решению суда направлен на принудительное психиатрическое лечение⁶. Тогда библиотеку принял друг В. Игрунова физик Петр Бутов. Он хранил у себя библиотеку вплоть до своего ареста в 1982 году⁷.

Особенность Одесской библиотеки состояла в том, что она имела регламент: документ, определяющий, как она должна функционировать. Он был подготовлен организатором библиотеки В. Игруновым в 1972 году, распространялся в самиздате в качестве приложения к статье «К проблематике общественного движения»⁸ и назывался «Неофициальная литература. Некоторые вопросы практики»⁹.

Уже в XXI веке В. Игрунов тщательным образом собирал свидетельства о библиотеке, они опубликованы на его сайте, который, к сожалению, в настоящее время доступен только в интернет-архиве¹⁰. Также опубликовано несколько интервью В. Игрунова, в том числе и автору данной работы, в которых

¹ Макаров А. От личной коллекции самиздата к общественной библиотеке. Трудности границ и дефиниций // Acta samizdatica: Записки о самиздате: пилотный выпуск / Сост. Е.Н. Струкова, Б.И. Беленкин; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». М., 2012. С. 24–35.

² Там же, с. 30.

³ Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова (июль–август 2005 г.) // Центр социально-политической истории — филиал ГПИБ России. [Электронный ресурс]. URL: <http://filial.shpl.ru/news/biblioteka-samizdata-intervyu-v-igrunova> (Дата обращения 21.04.2020).

⁴ Вячеслав Игрунов: «Я был диссидент в диссидентстве». От библиотеки самиздата к заключению в психбольнице: как это делалось

в Одессе: [Интервью Глебу Мореву] // Кольта.ру. 18.12.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/dissidents/5746-vyacheslav-igrunov-yabyl-dissident-v-dissidentstve> (Дата обращения 08.07.2020).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Струкова Е.Н. Дело об одесской библиотеке самиздата // Библиография. 2012. № 2. С. 50–59.

⁸ ЭГО [Игрунов В.].

К проблематике общественного движения. [1972] // Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-chosenpubl/vchk-cv-chosenpubl-ego.html> (Дата обращения 21.04.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-chosenpubl/vchk-cv-chosenpubl-ego.html> (Дата обращения 21.04.2020).

он раскрывает историю Одесской библиотеки¹¹. И, наконец, полезным источником по истории Одесской библиотеки является «Хроника текущих событий», где публиковалась информация о суде над организатором библиотеки в 1976 году¹². Все эти материалы, а также ценные консультации организатора и автора библиотечного регламента В. Игрунова позволяют воссоздать достаточно полную картину работы подпольной библиотеки.

В данной статье рассматривается только сюжет, связанный с организацией работы библиотеки. Безусловно, структура подпольной библиотеки была достаточно сложной и ее описание выходит за рамки небольшой статьи в сборнике. Среди сюжетов, которые остаются за пределами данного исследования, но имели важное значение для функционирования библиотеки, стоит упомянуть источники ее пополнения и финансирования.

Сюжету, связанному с финансированием, посвящена работа «Библиотека и мастерская (Одесская библиотека самиздата Вячеслава Игрунова и мастерская народных промыслов Авраама Шифрина)». С докладом о детективной и драматической истории получения средств для тиражирования самиздата автор данной работы выступил на Чтениях памяти А.Б. Рогинского 30 марта 2019 года. В настоящее время этот материал готовится к публикации.

Не менее важный сюжет — источники поступления литературы в библиотеку. Именно от того, удастся ли организаторам собрать литературу, пользующуюся спросом, напрямую зависит, будет ли библиотека востребована читателями. В многочисленных свидетельствах и интервью сюжет этот достаточно запутан и противоречив. В настоящее время автору удалось описать события только на первом этапе существования библиотеки: 1967–1968 год. И эта работа продолжается. Отметим только, что в орбиту комплектования библиотеки были вовлечены московские диссиденты, студенты из ряда городов РФ, сионисты из Москвы, Ленинграда и Одессы, а также рабочие, библиотекари и даже один матрос.

Итак, библиотечный регламент — текст под названием «Неофициальная литература. Некоторые вопросы практики» — был опубликован в 1972 году. Обстоятельства, при которых появился этот документ, следующие: в 1972 году были арестованы московские диссиденты Петр Якир (июнь) и Виктор Красин (сентябрь), в ходе следствия они «раскаялись в содеянном», пошли на сотрудничество со следствием, в результате чего назвали более 200 человек, так или иначе связанных

с диссидентским движением¹³. Л.М. Алексеева, а за ней и многие другие исследователи справедливо считают это время «кризисом демократического движения»¹⁴.

В том же году в Одессе распространяется статья «К проблематике общественного движения», подписанная псевдонимом «ЭГО». Псевдоним «ЭГО» принадлежал В. Игрунову. Первоначально так должен был называться общественно-политический альманах, который собирались издавать организатор библиотеки и его приятель, молодой художник Виталий Сазонов. Псевдоним «Эго», возможно, подсказан¹⁵ поэмой одесского поэта Эдвиги Арзуняна «Я», распространявшейся в самиздате¹⁶. Но это только версия.

Статья двадцатитрехлетнего инакомыслящего автора была одним из ответов на вечный для русской интеллигенции вопрос «Что делать?». «ЭГО» пишет о необходимости духовного объединения интеллигенции (идея не новая — Е.С.) и создании новой культуры, которая не противопоставляется государству, но в то же время является для последнего «непостижимой». «Только непостижимость для государства новой культуры обеспечит ей самой возможность проникновения в культуру государственную, окутывания этой культуры новой. Неизвестный враг, как вирус, попадая в клетку, будет производить в рамках государства зерна нового, оставаясь при этом неуязвимым для него»¹⁷, — пишет «ЭГО».

Для изучения истории библиотеки самиздата в Одессе важен не столько сам документ, сколько приложение к нему, руководство к действию: «Неофициальная литература и некоторые

11 Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова...

12 Суд над Вячеславом Игруновым // Хроника текущих событий. Вып. 40. 20.05.1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (Дата обращения 21.04.2020).

13 Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР // Мемориал [старый сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/books/alexeewa> (Дата обращения 21.04.2020).

14 Там же.

15 Игрунов В. О Глебе Павловском и о том, как появилась статья «К проблематике общественного движения» // Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-memotalks/memories/vchk-cv-memotalks-memo-pavlovsk.html> (Дата обращения 21.04.2020).

16 Арзунян Э. Первая диссидентская поэма // Журнал «Самиздат». [1964]. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/e/edwig_a/ya.shtml (Дата обращения 21.04.2020). Однако В. Игрунов в частной переписке сообщил, что с поэмой Э. Арзуняна познакомился несколько позже.

17 ЭГО [Игрунов В.]. К проблематике общественного движения...

вопросы практики». Именно в этом приложении «ЭГО» объясняет, каким образом планируется распространение «новой культуры». В этом процессе главная роль должна принадлежать библиотекам как хранилищам информации, благодаря которым можно получить нужные сведения.

«Устойчивость получения информации зависит не только, даже не столько от устойчивости информационных коммуникаций, сколько от сохранности источников этой информации, от возможностей репродуцирования последней»¹⁸. Итак, сохранность оригинала и возможность его тиражирования (репродуцирования) являются важными для организации работы библиотеки.

«Одним из таких предложений, относящихся как раз к сфере хранения и распространения информации, является предложение создания вместо многих индивидуальных библиотек, частью не собирающихся специально, частью чрезвычайно несистематичных, и почти всегда недоступных широкому кругу лиц, но доступных КГБ, немногих кооперативных библиотек, обслуживающих широкий круг лиц», — отмечает автор¹⁹.

Главной причиной, по которой необходимо создавать библиотеки самиздата, являлась утрата документов предыдущего периода существования «Демократического движения» (или «ДД», как называет «ЭГО»). И, что для нас важно, он отмечает: «Естественным следствием “литературной политики” ДД явилось то, что теперь невозможно достать большей части документов периода 1965–68 гг. Литература, беспорядочно распространявшаяся, беспорядочно же собиралась отдельными людьми и столь же “беспорядочно” попадала в подвалы КГБ. Попытки изучения ДД, вследствие этого, в настоящее время натываются на непреодолимое препятствие — недостаток информации»²⁰.

Заметим, что «ЭГО» в первую очередь пишет о дефиците информации, а не о необходимости сохранения документов, хотя он и сожалеет об утрате материалов более раннего периода диссидентского движения. Но всё-таки для автора сохранность источников имеет второстепенное значение.

Библиотека создавалась в первую очередь как источник информации для тех, кому это важно сегодня, а не в качестве архива, цель которого сохранить материалы для будущих поколений.

Для истории самиздатских библиотек информация, содержащаяся в статье «Неофициальная литература. Некоторые вопросы практики», поистине бесценна. «ЭГО» предлагает

схему организации подпольной библиотеки: создание центрального архива и на его основе сети библиотек с обязательной распределенной ответственностью хранителей: «...просачивание информации о месте хранения литературы — явление неизбежное. В случае провокаторства такая библиотека может просуществовать очень недолгий срок. Для обеспечения восстановления утерянного необходимо наладить контакты между централизованными библиотеками и создать центральный архив (два, три...), фонды которого будут основой для репродуцирования литературы»²¹.

Далее неизбежен вопрос о том, кто и как будет хранить информацию, то есть об обязанностях библиотекаря. И здесь автор видит определенные проблемы. С одной стороны, «подобные предприятия могли бы стать, во всяком случае, формально, делом отдельных личностей, сосредоточивших на себе обязанности распространения литературы, всю меру ответственности, но и располагающими всеми правами распоряжения литературой». Но именно получение (или присвоение) таких полномочий может привести к появлению «маленьких Бонапартов» — владельцев библиотек, «князьков от оппозиции»²².

Опасения по поводу появления «князьков от оппозиции» имели достаточно весомые основания. Вспомним, с каким трудом получали литературу участники марксистского кружка, сколько было безрезультатных поездок в Москву, как закрывались перед ними двери «из конспиративных соображений». Всё это дало повод «ЭГО» сделать следующий вывод: «Именно монополия связей явилась одной из могущественных сил, вызвавших раздробленность ДД»²³.

Увы, механизма воздействия на монополию в условиях, когда степень своего участия в диссидентской деятельности каждый определял сам и каждый действовал под свою ответственность, быть не могло. Но библиотеку согласно принципам, изложенным в документе, удалось сформировать.

В 1982 году на обыске у последнего хранителя библиотеки Петра Бутова была найдена статья «ЭГО» «К проблематике общественного движения». На суде она стала пунктом

¹⁸ ЭГО [Игрунов В.].

К проблематике общественного движения.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

обвинительного заключения. В приговоре этот документ назван «антисоветским... в котором содержатся призывы к созданию целых библиотек антисоветских изданий и сбору средств на содержание таких библиотек»²⁴.

И именно этот драматический эпизод подтверждает важность документа «Неофициальная литература и некоторые вопросы практики» для создания той сети распространения самиздата, которую в итоге сформировали В. Игрунов и его единомышленники.

В организации работы библиотеки были две важные составляющие: «архив» и «репродуцирование». Замысловатым термином «репродуцирование» обозначалось изготовление копий, как для распространения, так и для архива²⁵. По словам В. Игрунова, ему удалось создать систему «неуничтожаемого самиздата»²⁶. И эту функцию библиотека выполняла на протяжении 15 лет, являясь источником распространения нелегальной информации и не запретной, но дефицитной в СССР литературы.

«Коротко техника организации библиотеки была такая: был человек, курьер, который доставлял литературу. До 1972 года эту роль играл Александр Рыков, который познакомил меня с Резаком. Это был один человек. Был техник, Резак, который всё фотографировал. Был один архивист, который пленки хранил, оригиналы. Словом, это была целая система. А чтение было построено таким образом: я давал нескольким людям, у каждого из которых была своя аудитория. Часто эти кружки, “звездочки”, имели вокруг себя еще некое окружение. Поэтому непосредственно в руки я давал, может быть, двум десяткам человек»²⁷. Такова первоначально была система организации библиотеки.

Функции архивиста, хранителя фотопленок, с которых копировались книги, в разное время выполняли разные люди. Первые хранители были близки к марксистскому кружку, с которого и начиналась библиотека. Самым первым хранителем архива Игрунов называет Дмитрия Гринюка, одноклассника участника марксистского кружка Анатолия Гланца. Гринюк не принимал участия в деятельности молодежной группы, но материалы хранил. Затем самиздат был передан одному из участников подпольного марксистского кружка Зусю Теперу: «Тепер жил в доме, отапливаемом углем. И в сарае, где хранился уголь, был закопан ящик, где собирался и хранился самиздат»²⁸. В интервью В. Игрунов также называет еще несколько фамилий: Георгий Горденцев, Виталий Сазонов, Валентина Прокопенко²⁹.

Долгое время архив находился у бывшей классной руководительницы В. Игрунова Дины Самсоновны Точилковской³⁰.

Самым надежным хранителем архива В. Игрунов считал Николая Помогайбо. Сведения об этом человеке весьма скудны. Он был отчислен с физического факультета Одесского университета, работал слесарем, был свидетелем восстания в Новочеркасске в 1962 году³¹.

Последним хранителем была подруга Таисии Коптевой и одноклассница В. Игрунова Муся Финкель³². В 1990-е годы в химической лаборатории, где она работала, из вытяжного шкафа была извлечена часть архива фотопленок и перевезена в Москву, где теперь и хранится в фонде Исторической библиотеки. Муся Финкель завершила дело своей классной руководительницы Дины Самсоновны Точилковской.

Коробка с фотопленками, которые буквально на наших глазах рассыпались от ветхости, была тем самым страховым фондом Одесской библиотеки. Эта коробка стала первым звеном в цепи событий, связанных с существованием Одесской библиотеки.

Архив фотопленок хранился отдельно. Но в целом, по свидетельству В. Игрунова, «была довольно разветвленная система хранения. Скажем, архив, где лежали исходники, был не в одном месте. Был пленочный архив — большую часть того, что мы имели, мы снимали на пленки, и они лежали отдельно. И была библиотека, которая состояла в основном из отпечатков. Конечно, многие книги мы не могли делать в отпечатках, потому что получалась такая толстая кипа. Какое-нибудь “Происхождение партократии” — это целый мешок или портфель. Но всё равно, и “Архипелаг”, и Авторханов, и многие другие книги распространялись в таком виде»³³. Фактически, архив состоял из двух частей: фотопленки и редкие издания.

²⁴ Приговор судебной коллегии по уголовным делам Одесского областного суда от 27 августа 1982 г. С. 10. (Личный архив П.А. Бутова).

²⁵ ЭГО [Игрунов В.]. К проблематике общественного движения...

²⁶ Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата. 31.01.2004 // Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-memotalks/talks/about-chronika-et-samisd.html> (Дата обращения 21.04.2020).

²⁷ Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата...

²⁸ Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова...

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата...

И конечно, конспирация в первые годы существования библиотеки соблюдалась неукоснительно: «Сами меры конспирации были очень простые. Во-первых, что-то хранилось в домах тех, к кому если я заходил, то было понятно, почему я туда захожу. Я захожу туда как бы не за литературой. Например, пленочный архив долгое время хранился в квартире моей классной руководительницы Дины Самсоновны Точилковской. Заходил я к ней очень редко, раз в несколько месяцев, а архив там себе лежал. Если надо что-то дополнить — я принес, дополнил, ушел. Были промежуточные архивы. Мой собственный архив лежал в квартире подружки моей младшей сестры Тани Зонарис, которая жила в соседнем доме. Сестра ходила, приносила мне на полчаса — на час поработать, я брал всё что нужно и отправлял обратно. Я сам не ходил туда никогда, только моя сестра бегала...»³⁴

Таким образом, фонд библиотеки был рассредоточен по разным хранителям, и о том, где хранится та или иная книга, знал только библиотекарь. При этом, по свидетельству В. Игрунова, около 90% фонда было переведено на фотопленки³⁵.

Что касается изданий, уже отпечатанных на фотобумаге, или машинописных экземпляров, то их, безусловно, сложнее хранить, чем архив фотопленок.

В. Игрунов старался следовать принципу «Если литература ко мне пришла, она должна сразу же уйти, в крайнем случае, ночь переночевать. Были кризисные ситуации, когда, скажем, рушился архив, и я должен был несколько чемоданов литературы принести к себе домой. Ничего хорошего из этого не выходило»³⁶.

Далее он приводит экстраординарный случай: «Однажды мой конфликт с матерью, которая это сразу обнаружила, привел к тому, что Олег Курса и я ночью по два чемодана пешком перли от моей квартиры на Фонтане в поселок Котовского — это очень много километров. Ночью, когда любой мент мог остановить и спросить, что это вы там за чемоданы прете. Шли проходными дворами, в темноте, медленно...»³⁷

Несмотря на то, что библиотекари старались не хранить литературу у себя дома, при обысках в их домах находили достаточно много запрещенных книг³⁸.

Однако именно архив фотопленок — «неуничтожаемый» архив самиздата — был всё-таки создан в Одессе и благополучно пережил Советский Союз.

Основная часть фотокопий для архива была сделана Валерием Резаком. Он был в то время студентом физического

факультета Одесского государственного университета, однокурсником Олега Курсы, Николая Помогайбо и Петра Бутова. Позднее был отчислен и закончил Гидрометеорологический институт.

В первые годы формирования фонда Одесской библиотеки самиздата литература также перепечатывалась и даже переписывалась. Фотокопии самиздата начинают появляться в 1970-е годы.

В. Резак был настоящим энтузиастом: он сдавал кровь, получил звание Заслуженного донора СССР. На вырученные деньги приобреталась новая литература³⁹.

По окончании университета Валерий Резак по распределению уехал работать на метеостанцию в поселок Золотое поле (Крымской области), где некоторое время продолжал свою деятельность, вплоть до ареста В. Игрунова в марте 1975 года. Давал показания на следствии по его делу⁴⁰. После этих событий отошел от активной деятельности.

Участники событий высоко оценивали деятельность В. Резака. В. Игрунов пишет о нем: «это совершенно героический человек, который произвел многие сотни книг»⁴¹.

Страховой фонд библиотеки также пополняли фото пленки из других источников, и в первую очередь от московских диссидентов. В 1974 году, когда комплектование фонда велось наиболее активно, одесситам были переданы несколько коллекций. В. Игрунов вспоминает: «Мне уже сдавали целые пленочные архивы: например, Леонард Терновский передал мне архив пленок; дальше Ирина Максимова и ее муж Виктор Сипачев, близкие друзья Горбаневской, с которыми она начинала размножать “Хронику”, тоже мне передавали огромное количество пленок. Это были самые лучшие в Москве пленки (например, пленки, которые я взял у Терновского, были заметно хуже)»⁴².

Таким образом, система «неуничтожаемого самиздата» включала в себя, по-видимому, около 500 наименований

34 Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата...»

35 Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова...

36 Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата...

37 Там же.

38 Суд над Вячеславом Игруновым...

39 Автобиография Вячеслава Игрунова...

40 Суд над Вячеславом Игруновым...

41 Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата...

42 Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова...

различных книг⁴³, более тысячи наименований периодических изданий и статей⁴⁴. Этот архив существовал на протяжении всего периода деятельности библиотеки.

Теперь несколько слов о том, как была построена система выдачи литературы. Безусловно, все, кто получал литературу из фонда Одесской библиотеки самиздата, не были знакомы с В. Игруновым, а кто и был знаком, не догадывался, от кого литература получена.

В. Игрунов выдавал из библиотеки книги нескольким людям, которых в одном из интервью назвал «узловыми». У каждого из них была своя аудитория — своеобразные кружки по интересам. Игрунов их также называл «звездочки»⁴⁵: «... чтение было построено таким образом: я давал нескольким людям, у каждого из которых была своя аудитория. Часто эти кружки, “звездочки”, имели вокруг себя еще некое окружение. Поэтому непосредственно в руки я давал, может быть, двум десяткам человек»⁴⁶.

Через «узловых людей» библиотекарю сообщали, что требуется та или иная книга. Издание передавалось для чтения через надежных людей. Они же и возвращали литературу библиотекарю.

Многие читатели даже не догадывались, из какого источника им принесли книгу. Круг распространителей был достаточно широк: молодежная коммуна (Глеб Павловский, Ольга Ильницкая и др.), студенты исторического факультета университета: Виталий Сазонов, Татьяна Белоконь, физического факультета — Петр Бутов, Николай Помогайбо, преподаватель университета Юрий Иосифович Зуев, активисты сионистского движения Исидор Моисеевич Гольденберг, Исай Авербух. Литературу из библиотеки читали украинские националисты, одесские диссиденты. Сложился круг психологов и психотерапевтов: Борис Херсонский, Виктор Лановой и многие другие⁴⁷.

Достаточно активно действовали распространители литературы в других городах, с которыми сотрудничала библиотека. В. Игрунов считал, что их было около 12. Существовал «небольшой филиал в Запорожье у Владимира Кириченко. Кроме того, мы многое поставляли по заказам: в Ригу, в Петербург, в Москву, иногда что-то делали для Украины — Киев, Львов, Симферополь, изредка Тирасполь. Отдельные экземпляры уходили куда-то дальше — скажем, в Читту или в Ереван, попадали и в Николаев, и в Херсон понемножку. Но основные

точки определялись так: Крым, Одесса, Запорожье, Киев, Новосибирск, Ленинград»⁴⁸.

Безусловно, количество читателей одесской библиотеки не учитывал никто. Точное число читателей Одесской библиотеки определить трудно: «У нас было около 2000 читателей. Персонально я, конечно, всех не знал, у нас была многоступенчатая система: библиотекарь передает книги какой-то дюжине людей, которые сами в свою очередь являлись центрами распространения. Из тех сведений, которые называли распространители, и складывалась эта цифра»⁴⁹. Конечно, никакого учета читателей в подпольной библиотеке не велось и нам неизвестно, как контролировался возврат книг в библиотеку.

Тем не менее, в Одессе была создана система распространения самиздата, имевшая четкую структуру. Впервые она была сформулирована в приложении к статье «ЭГО» «К проблематике общественного движения» в 1972 году, но формироваться начала несколько раньше, в конце 1960-х годов.

В круг распространения были вовлечены многие участники общественных кружков в Одессе, среди них не только инакомыслящие, но и те, кто интересовался малодоступной, дефицитной литературой.

Библиотека стала связующим звеном между разными направлениями инакомыслия не только в Одессе, но и в ряде других городов СССР.

43 Библиотека самиздата: Выставка по материалам Отдела специальных коллекций Центра социально-политической истории ГПИБ России // ГПИБ России. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.shpl.ru/readers/today_library_open/biblioteka_samizdata (дата обращения 22.04.2020).

44 Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова...

45 Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата...

46 Там же.

47 Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата...

48 Там же.

49 Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова...

Именной указатель

Авербух Исай (р. 1943, по другим данным 1942). По образованию историк и филолог, автор стихотворений, публиковавшихся в самиздате. Участник еврейского эмиграционного движения. Эмигрировал в Израиль в 1971 г. Автор работ по истории российского еврейства.

Авторханов Абдурахман Геназович (1907–1997) — советолог, писатель, публицист. Автор книг, распространявшихся в самиздате.

Арзунян Эдвиг (Эдуард Айронович) (р. 1936, Одесса) — член Союза журналистов СССР, автор публикаций самиздата. С 1989 г. проживает в США.

Белоконь (Иванова) Татьяна — в 1970-е гг. одна из распространителей самиздатской литературы в Одессе. Историк, автор работ по проблемам взаимосвязи Украины и России.

Бутов Петр Алексеевич (1946–2012). По образованию физик. Хранитель библиотеки самиздата. Арестован в 1982 г. Осужден на 5 лет лагерей и 2 года ссылки. В 1991 г. эмигрировал в Германию.

Гольденберг Исидор Моисеевич — филолог, участник еврейского эмиграционного движения. В 1970-е гг. эмигрировал в Израиль

Горбаневская Наталья Евгеньевна (1936–2013) — поэт, переводчик, участница диссидентского движения. Первый редактор «Хроники текущих событий». Участник демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. Политзаключенная (1969–1972). С 1975 г. в эмиграции.

Городенцев Георгий, протоиерей (р. 1950). Окончил химический факультет Одесского государственного университета. Хранитель материалов Библиотеки самиздата. С 1982 г. — священнослужитель Русской православной Церкви.

Гринюк Дмитрий — одноклассник Анатолия Гланца, хранитель Библиотеки самиздата.

Езерская Белла Самойловна (р. 1929) — журналист, театральный критик, эссеист. По образованию филолог. В 1956–1970 гг. работала библиотекарем в Одесской областной библиотеке имени В.И. Ленина. Активный распространитель самиздата. Эмигрировала в США в 1976 г.

Зонарис Татьяна — хранитель личного архива В. Игрунова.

Зув Юрий Иосифович — доцент Одесского государственного университета, кандидат философских наук, распространитель самиздата.

Игрунов Вячеслав Владимирович (р. 1948) — участник диссидентского движения. Основатель Одесской библиотеки самиздата. Арестован в 1975 г. Отправлен на принудительное психиатрическое лечение. Активный участник общественных движений времен перестройки, депутат Государственной думы РФ (1994–2003).

Ильницкая Ольга Сергеевна (р. 1951) — писатель, поэт и журналист. Автор произведений, распространявшихся в самиздате. Читатель и распространитель литературы из Одесской библиотеки самиздата.

Кириченко Владимир — распространитель самиздата, проживал в Запорожье.

Коптева (Бутова) Таисия — жена П.А. Бутова. В 1991 г. эмигрировала в Германию.

Красин Виктор Александрович (1929–2017) — советский правозащитник и диссидент. Неоднократно арестовывался. После третьего ареста, в 1973 г. признал себя виновным и публично раскаялся в своей деятельности. Эмигрировал в США в 1975 году.

Курса Олег Борисович (1947–2011). По образованию физик. Участвовал в создании Одесской библиотеки самиздата. С 1974 г. жил в Твери. С 1999 г. до весны 2002 г. работал в аппарате партии «Яблоко».

Лановой Виктор — психолог, психотерапевт. Распространитель самиздата.

Максимова Ирина Родионовна (1937–2012) — активный распространитель самиздата, машинистка «Хроники текущих событий». Жена В.А. Сипачева.

Матизен Виктор Эдуардович (р. 1949). По первому образованию математик. Кинокритик, президент Гильдии киноведов и кинокритиков России (2003–2011). В 1970-х гг. — активный распространитель самиздата в Новосибирске.

Павловский Глеб Олегович (р. 1951) — политолог, политтехнолог и публицист. В 1970-х–80-х гг. — автор и активный распространитель самиздата. Один из редакторов журнала «Поиски».

Помогайбо Николай — студент физического факультета Одесского государственного университета. Один из участников создания Библиотеки самиздата.

Прокопенко Валентина — хранитель материалов Библиотеки самиздата.

Резак Валерий Федорович (р. 1945). По образованию физик. Участвовал в создании Одесской библиотеки самиздата. После окончания Одесского государственного университета работал на метеостанциях в Крыму. В 1970-е гг. активно размножал самиздат.

Рыков Александр — активный участник формирования Библиотеки самиздата в первые годы ее существования. В середине 1970-х гг. переехал в Москву.

Сазонов Виталий Захарович (1947–1986) — художник-нонконформист. В конце 1960-х гг. — студент Одесского государственного университета, хранитель и распространитель самиздата. С 1980 г. в эмиграции.

Сипачев Виктор Александрович (1937–2012) — распространитель самиздата. Муж И. Максимовой, однокурсник Н. Горбаневской. Учился на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Был отчислен за участие в протестах против вторжения советских войск в Венгрию. После службы в армии закончил химический факультет университета.

Тепер Зузь — математик по образованию. Один из распространителей самиздатской литературы в Одессе. Возможно, в эмиграции в США.

Терновский Леонард Борисович (1933–2006) — писатель и врач. Участник правозащитного движения, член Московской Хельсинкской группы. С 1978 г. участвовал в деятельности Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях при Московской Хельсинкской группе. Арестован в 1980 г. Реабилитирован в 1991 г.

Точилковская Дина Самсоновна — учитель средней школы, классный руководитель В. Игрунова. Хранитель Библиотеки самиздата.

Финкель Муся — одноклассница В. Игрунова, подруга Т. Коптевой. Хранитель Библиотеки самиздата.

Херсонский Борис Григорьевич (р. 1950) — поэт и публицист. Клинический психолог. В 1970-е гг. — один из распространителей самиздата в Одессе.

Якир Петр Ионович (1923–1982) — публицист, участник правозащитного движения. Сын репрессированного командарма Гражданской войны И.Э. Якира. Первый раз арестован после расстрела отца как «социально-опасный элемент». Неоднократно арестовывался. Под давлением КГБ в 1973 г. публично раскаялся в своей деятельности.

Библиографический список

Автобиография Вячеслава Игрунова // Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <http://igrunov.ru/cv/vchk-cv-biogr> (Дата обращения 21.04.2020).

Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР // Мемориал [старый сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/books/alexeewa> (Дата обращения 21.04.2020).

Арзунян Э. Первая диссидентская поэма // Журнал «Самиздат». [1964]. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/e/edwig_a/ya.shtml (Дата обращения 21.04.2020).

Арест Бутова // Хроника текущих событий. Вып. 64. 30.06.1982. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (Дата обращения 21.04.2020).

Библиотека самиздата: Выставка по материалам Отдела специальных коллекций Центра социально-политической истории ГПИБ России // ГПИБ России. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.shpl.ru/readers/today_library_open/biblioteka_samizdata (Дата обращения 21.04.2020).

Вячеслав Игрунов: Беседа о «Хронике текущих событий» и библиотеке самиздата [31 января 2004 г.] // Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20190416031411/http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-memotalks/talks/about-chronika-et-samisd.html> (Дата обращения 21.04.2020).

Вячеслав Игрунов: «Я был диссидент в диссидентстве». От библиотеки самиздата к заключению в психбольнице: как это делалось в Одессе: [Интервью Глебу Мореву] // Кольта.ру. 18.12.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/dissidents/5746-vyacheslav-igrunov-ya-byl-dissident-v-dissidentstve> (Дата обращения 8.07.2020).

Игрунов В. О Глебе Павловском и о том, как появилась статья «К проблематике общественного движения» // Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-memotalks/memories/vchk-cv-memotalks-memo-pavlovsk.html> (Дата обращения 21.04.2020).

Макаров А. От личной коллекции самиздата к общественной библиотеке. Трудности границ и дефиниций // Acta samizdatica: Записки о самиздате: пилотный выпуск / Сост. Е.Н. Струкова, Б.И. Беленкин; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». М., 2012. С. 24–35.

Одесская библиотека самиздата: 1967–1982: Интервью В. Игрунова (июль–август 2005 г.) // Центр социально-политической истории — филиал ГПИБ России. [Электронный ресурс]. URL: <http://filial.shpl.ru/news/biblioteka-samizdata-intervyu-v-igrunova> (Дата обращения 21.04.2020).

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Одесского областного суда от 27 августа 1982 г. С. 10. (Личный архив П.А. Бутова).

Струкова Е.Н. Дело об Одесской библиотеке самиздата // Библиография. 2012. № 2. С. 50–59.

Суд над Вячеславом Игруновым // Хроника текущих событий. Вып. 40. 20.05.1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (Дата обращения 21.04.2020).

ЭГО [Игрунов В.]. К проблематике общественного движения. [1972] // Персональный сайт В. Игрунова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igrunov.ru/cv/vchk-cv-chosenpubl/vchk-cv-chosenpubl-ego.html> (Дата обращения 21.04.2020).

Белякова Надежда

Алексеевна,
Институт всеобщей истории РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук

Beliakova Nadezhda,

Institute of World History, Russian
Academy of Sciences,
Senior Scientific Fellow, PhD
beliacovana@gmail.com

УДК 94(470)+281.93 (091)

ББК 63.3(2)63)+86.372г

Самиздат для тамиздата, или Как Холодная война повлияла на развитие нового жанра православного самиздата

Samizdat to Tamizdat,
or How the Cold War
influenced the Evolution
of a New Genre
of Orthodox Samizdat

Аннотация: Настоящая публикация знакомит читателя с православным самиздатским текстом, имевшим хождение в СССР в 1968 году. Это письмо, критикующее политику церковного руководства, адресовалось преимущественно западному читателю, хотя и ставило своей целью консолидацию оппозиции главе Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополиту Никодиму (Ротову). Публикуемое письмо показывает взгляд изнутри православной духовной корпорации на ограничения, наложенные на приходское духовенство и епархиальное начальство так называемыми хрущевскими антирелигиозными реформами.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православный самиздат, холодная война, митрополит Никодим (Ротов), 50-летие восстановление патриаршества в России, диссидентское движение в русском православии, хрущевская антирелигиозная кампания.

Summary: This publication presents the Orthodox samizdat text which circulated in the USSR in 1968. This letter, criticizing the policy of the Orthodox Church leadership, was addressed mainly to the Western reader, although it aimed to consolidate the opposition to the head of the Department of external Church relations of the Moscow Patriarchate, Metropolitan Nikodim (Rotov). The published letter shows the view of the Orthodox clerical corporation on the restrictions imposed on the parish clergy and diocesan authorities during Khrushchev's anti-religious reforms

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox Samizdat, Cold War, Metropolitan Nikodim (Rotov), dissents in Russian Orthodoxy, antireligious campaign.

В начале 1960-х годов в среде советских христиан разных деноминаций распространяется практика написания массовых протестных писем. Первыми в этом жанре были, судя по всему, евангельские христиане-баптисты, которые стали в своих общинах составлять, распространять и направлять в высшие советские инстанции письма с протестами против действий власти, позднее названных «хрущевской антирелигиозной кампанией». Эти письма старались передавать иностранцам, посещающим СССР. Так, например, англиканский пастор Майкл Бордо, основавший позднее известную «антисоветскую организацию» Кестон колледж, вспоминал, что толчком для понимания специфики религиозной ситуации в СССР

стали полученные им письма от верующих из Почаева¹. Письма были часто единственным каналом для легитимного общения с властью, и они же становятся важным средством коммуникации сквозь железный занавес для информирования «западной общественности», заинтересованной в получении «альтернативной» информации из стран победившего социализма². Объемы писем из религиозной среды, поступавших из СССР, были настолько существенны, что в «Архиве самиздата» они занимают несколько томов.

Религиозная проблематика и положение верующих в СССР неизменно занимали важное место в информационном противостоянии Советского Союза с Западом. К концу 50-х годов наметились новые направления и тенденции советской церковной дипломатии³. Их возникновение обычно связывают с именем митрополита Никодима (Ротова), деятельности которого посвящено публикуемое нами письмо. Несмотря на обилие документов, хранящихся в архивах, и целый ряд мемуарных источников⁴, исследования, посвященные Никодиму и «никодимовцам», составившим позднее ядро руководства в РПЦ, практически отсутствуют. Недостаёт также исторических исследований, рассматривающих жизнь православного сообщества 1960-х — начала 1980-х годов. Их место в историографии занимают клише, сложившиеся в период холодной войны⁵ или заимствованные из политологических исследований. Современным историкам известны имена нескольких православных активистов, сочинения которых имели хождение в самиздате. Самые знаменитые из них — тексты православного активиста Бориса

¹ Шлихта Н. Как учредить «антисоветскую организацию»: к истории Кестонского института и письма верующих из Почаева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 244–262.

² Белякова Н.А. «Сообщаем о преступлении против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 640–658.

³ Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130–149.

⁴ Августин (Никитин), архимандрит. Церковь плененная. Митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.

⁵ См. например, ставший классическим сборник: Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1–2. М.: Пропилеи, 1995.

Талантова⁶, архиепископа Ермогена (Голубева)⁷, публициста Анатолия Эммануиловича Левитина-Краснова⁸.

Наибольший политический резонанс вызвало в свое время протестное письмо священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана 1965 года⁹. Это письмо распространилось в самиздате, однако наиболее растиражированным оно оказалось в тамиздате¹⁰.

Празднование в 1968 году 50-летия восстановления патриаршества в Русской церкви было важным символическим актом и актуализировало множество тем и сюжетов: Поместного Собора 1917–1918 годов и значимости восстановления патриаршества после революции¹¹, тему судьбы патриаршества в советский период. В этом же году отмечалось 20-летие знаменитого Всеправославного совещания, на котором была подтверждена важная роль РПЦ на международной арене. Празднование 1968 года стало возможностью в новых политических условиях по-новому выстраивать линию РПЦ. Этому событию был посвящен 30-минутный документальный фильм, предназначенный преимущественно для западной аудитории.

В Советском Союзе это празднование тоже не осталось незамеченным. Попавшая в «Архив самиздата» справка архиепископа Ермогена (Голубева) «К пятидесятилетию восстановления патриаршества (историко-каноническая и юридическая справка)»¹² опубликована, и ее текст доступен. Ниже мы приводим еще один документ на эту тему, который ранее не публиковался.

Письмо подписано собирательным понятием «Верующий», однако совершенно очевидно, что возник текст внутри корпорации духовенства. Письмо состоит из нескольких тематических блоков, достаточно разнородных, что позволяет осторожно предположить коллективное авторство. Мы четко видим следующие блоки:

Празднование было организовано не для «русских верующих людей»;

Главной структурой РПЦ является Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС) и лично митрополит Никодим;

Положение об управлении Русской церкви, принятое в 1961 году, ставит священника в положение наемника.

Основная идея письма заключалась в том, что в СССР продолжается грубая борьба атеизма с религией, а предлагаемая иностранным гостям усилиями митрополита Никодима и его команды картинка церковного благополучия и интенсивной религиозной жизни скрывает трагическую ситуацию. Мы видим, что описываемые в послании повседневные ограничения

на священническое служение, сводят его к требоисправлению. Эти наблюдения вряд ли могли удивить православную аудиторию внутри Советского Союза. Судя по всему, письмо было призвано привлечь внимание потенциальных «западных» партнеров, заинтересованных в условиях всё обостряющейся информационной войны в получении сведений о религиозной жизни СССР из альтернативных источников. Возможно, авторы рассчитывали, что текст будет опубликован в тамиздате, как это произошло с запиской архиепископа Ермогена или некоторыми письмами Б. Талантова¹³. Духовенство надеялось

6 *Останин Е.С.* Борис Талантов и борьба верующих против уничтожения Федоровской церкви г. Кирова в 1962–1963 гг. // Сборник материалов V Межрегиональной церковно-научной конференции «Обретение святых». Киров: Лобань, 2014. С. 154–160; *Останин Е.С.* Братство вятских христиан в начале 1960-х гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2018. С. 142–147; *Чикилина С.Б.* Борис Талантов и братство вятских христиан как опыт церковного сопротивления «хрущевским» гонениям на РПЦ // Сретенские чтения. Материалы XXIII научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2017. С. 269–278.

7 *Бычков С.С.* Освобождение от иллюзий. М.: Тэттис Паблишн, 2010.

8 *Белякова Н.А.* «И священник становится добрым гостем в советском обществе...»: Религиозная жизнь Москвы и Подмосковья весной 1990 года в описании А.Э. Левитина-Краснова // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 215–225.

9 Открытое письмо Святейшему Патриарху священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина. [Электронный ресурс]. URL: <http://yakov.works/acts/20/1960/19651125.html> (Дата обращения 28.08.2020).

10 См. о нем: Священник Георгий Эдельштейн: «Идея письма

Патриарху буквально носилась в воздухе». К 40-летию Открытого письма священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина Патриарху Алексию (Симанскому). Часть первая. [Электронный ресурс]. URL: www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=39122 (Дата обращения: 28.08.2020); *Мень А.* Несколько слов о деле двух московских священников. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/politika/men.html> (Дата обращения: 28.08.2020).

11 *Белякова Н.А.* Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: опыт изучения в России и за рубежом // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 379–403.

12 См. Архив самиздата. Т. 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://samizdat.memo.ru/samizdat/sdspage/tom/11/page/3> (Дата обращения: 28.08.2020).

13 *Талантов Б.В.* Бедственное положение православной церкви в Кировской области и роль Московской патриархии // Вестник РСХД. 1967. № 83. С. 29–64; *Ермоген (Голубев), архиеп.* К 50-летию восстановления патриаршества: Историко-каноническая и юридическая справка // Вестник РСХД. 1967. № 86. С. 66–79. В более поздний период практика создания самиздата для распространения в тамиздате существовала в православной среде, см. *Белякова Н.А., Емельянов К.С.* Духовные поиски, тамиздат и самиздат в условиях Холодной войны: судьба Зои Крахмальниковой // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 9 (53). [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001597-5-1> (Дата обращения: 28.08.2020).

отменить Положение 1961 года¹⁴, и эта надежда оставалась до собора 1971 года¹⁵.

Однако помимо внешнего адресата, которому нужно было показать «лживость» картинки, представляемой митрополитом Никодимом, у письма явно имелся и внутренний адресат. Ими, как мы понимаем, были епископы РПЦ, не входившие в клан митрополита Никодима (Ротова). Возможно, это письмо было частью плана создания внутри епископата оппозиции митрополиту Никодиму, способной не допустить его в будущем к занятию патриаршего престола (в том, что предстоит скорая смена престарелого патриарха Алексия (Симанского), никто не сомневался). Очевидно и то, что автор письма не относится к кругу приверженцев митрополита Пимена (Извекова), которому также даются нелестные характеристики. Интересно, что из всего круга лиц, приближенных к Московской Патриархии, упоминается только семья Остаповых, что дает основания предположить личное знакомство автора с ними: «Д.А. Остапов и его сын — протоиерей Алексей Данилович Остапов». Речь идет о Данииле Андреевиче Остапове, келейнике и секретаре патриарха Алексия (Симанского) и его сыне¹⁶.

Публикуемый текст «анонимного письма» был обнаружен в фонде Уполномоченного Совета по делам религий по Черновицкой области Украинской ССР. Этот текст явно вызвал тревогу у местного Уполномоченного П. Подольского, которому епископ сообщил о посылке. Епископом Черновицким и Буковинским был на тот момент Феодосий (Процюк), назначенный на эту кафедру только в октябре 1967 года.

Уполномоченный скопировал текст и отправил его вышестоящему начальству, а епархиального архиерея заставил написать рапорт на имя Патриарха. В сопроводительной записке Председателю Совета по делам религий В.А. Куроедову и Уполномоченному Совету по делам религий по Украинской ССР К.З. Литвину сообщалось, что получивший письмо епископ Феодосий «с данным письмом никого из духовенства не знал, никому другому из служителей культа области подобное письмо не поступало»¹⁷.

В рапорте епископа Феодосия сообщалось, что «17 февраля с. г. я получил пакет в авиаконверте, судя по почтовому штемпелю, опущенный в городе Туле. Содержимое пакета — заметка в машинописи на семи страницах...»

Публикуемый документ дает возможность посмотреть на православный самиздат как в плане внешнеполитической

повестки, так и с точки зрения понимания внутренней конфликтности и неоднородности православной духовной корпорации конца 1960-х годов.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей.

Копия

Пятидесятилетие восстановления

Патриаршества в Русской Православной Церкви

На столе лежит «Программа празднования 50-летия восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви».

Празднество это происходило в г.г. Москве и Загорске в период с 26-го мая по 2-е июня 1968 года. Само собой разумеется, что этот юбилей является праздником Русской Церкви, даже исключительно Русской Церкви, торжеством восстановления свободы русского Православия.

Пятьдесят лет минуло с тех пор, как русские иерархи, русское духовенство и миряне, собравшись на соборе, торжественно восстановили Патриаршее управление Русской Церковью. Развитие своего церковного сознания с того времени русские верующие люди естественно и непреложно связывали с бытием во главе церкви Патриарха.

Известно, что восстановление Патриаршества явилось целой эпохой в жизни Русской Церкви, событием мировой христианской истории. Память об этом событии тем более дорога для русской верующей души.

Пройденный русской Патриаршей Церковью пятидесятилетний путь — тоже эпоха, значение которой нельзя переоценить, потому что на грани полувека живет создается благодетельность события, его преемственность и историческое значение.

¹⁴ Симон (Истюков), иером. Борьба за права Церкви после окончания хрущевских гонений (на примере служения архиепископа Павла (Гольшева) на Новосибирской кафедре в 1964–1972 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (29). С. 204–223. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10111

¹⁵ Васильева О.Ю. Поместный Собор 1971 г.: вопросы и размышления // Альфа и Омега. 2006. № 1/45. С. 167–184.

¹⁶ См. воспоминания о нем: Митрополит Питирим. Воспоминания. Продолжение. Леся Остапов и его отец. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/051201102316.htm> (Дата обращения: 28.08.2020).

¹⁷ Сопроводительное письмо Уполномоченного СДР по Черновицкой области П. Подольского № 33-5. ГАЧО. Ф. Р-623. Оп. 2. Д. 233. 1969 г. Л. 47.

Русские православные люди, естественно, поэтому рассматривали этот юбилей как праздник, как торжество воскресения своей Церкви. Им казалось непреложным, что на этом празднике встретятся в церковном единении Патриарх и преемники тех же церковных сил (иерархи, духовенство и миряне), волею и усилием которых пятьдесят лет тому назад было восстановлено Патриаршество.

Но увы! Юбилейный праздник был не для русского православного человека! О нем — главном госте и участнике торжества, никто не подумал.

Разумеется, нечего говорить об отсутствии на празднике мирян и среднего духовенства, если русские Епископы не участвовали в этом торжестве. Более того, русские Епископы, и правящие, и состоящие на вынужденном покое, не только не были приглашены для участия в юбилее, но даже не были извещены о проходивших торжествах и узнали о них только из сообщений в газетах — факт горчайший и вряд ли имевший прецедент в истории.

Праздник был для иностранцев: в нем принимали участие делегации от иностранных Православных Церквей, во главе с Патриархом Иерусалимским и делегаты инославных Церквей.

Кстати заметить отсутствие в числе приглашенных Константинопольского патриарха. Опасались ли его приезда на юбилей, опасаются ли вообще его посещения нашей страны? Неизвестно и непонятно. Во всяком случае, это неспроста.

Конечно, никто не против гостей — представителей Церквей-сестер. Они, напротив, несомненно желанные гости, но это вовсе не значит, что нужно забыть о виновниках торжества, своих же русских людях.

Правда, на юбилее были и русские Архиереи — пятнадцать человек, тенденциозно подобранных из тех молодых Епископов, умеющих приспосабливаться к любым условиям, независимо от интересов Церкви. Приглашение их мотивировано тем, что они должны сопровождать иностранных гостей; были незаменимые и «присяжные» участники всех юбилеев и торжеств: Д.А. Остапов и его сын протоиерей Алексей Данилович Остапов. Вот и весь юбилейный кворум.

К юбилею долго и старательно готовились.

Священный Синод — сиречь Митрополит Никодим — создал специальную юбилейную комиссию, во главе с самим Митрополитом Никодимом.

Любопытно, что в состав Комиссии первоначально не был включен Крутицкий Митрополит Пимен, только позднее, решением Патриархата, он был дополнительно кооптирован в состав комиссии (ЖМП. 1967. № 2).

Чтобы было больше блеска, благоустривалась Троице-Сергиева Лавра. За счет Лавры ремонтировались давно недействующие храмы возле Лавры. Всюду наводили порядок, расходовали церковные средства, чтобы создать видимость внешнего церковного эффекта. Одним словом, все было предпринято, чтобы покорить воображение иностранных гостей порядком и масштабом русской церковной жизни. Недаром, один из иностранных гостей в приветственном слове выразил мысль, что с Русской церковью может соперничать только Ватикан.

Что же случилось? Чем объяснить такое игнорирование русского духовенства и мирян на их собственном празднике?

Может быть, здесь была непреодолимая случайность или непредвиденные обстоятельства? Почему сделан прямой вызов русскому церковному сознанию? Нет, здесь не было игры случая; все сделано с заранее обдуманной намерением, волею современного злого гения Русской Церкви. Все зависело от него, единственного фактического руководителя русской церковной судьбы. Этот человек — митрополит Никодим — в нем разгадка. М. Никодим боялся соприкосновения русских Епископов с иностранными гостями. Это соприкосновение грозило разоблачением его личности — темной и загадочной.

Русские верующие люди ни на минуту не сомневаются в том, что М. Никодим трудится не в интересах Церкви. Он талантлив и энергичен. Но и талант и энергию он расходует на вредительство нашей Святой Церкви.

Конечно, не ему состязаться с непоколебимой силой Церкви, во главе которой стоит Христос Спаситель; которую по ЕГО слову не одолеют врата ада, потому что Христос пребывает с нами до скончания века. М. Никодим способен лишь причинять вред правильному течению и развитию Русской Церкви. Это и есть церковное вредительство, подрывающее церковный авторитет и дезориентирующее церковных людей.

М. Никодим распространяет за границей заведомо ложные сведения о жизни Русской Православной Церкви, представляя ее в розовом цвете. Тогда как в действительности русская церковная жизнь находится в самых тяжелых условиях, регламентируется и ограничивается гражданскими властями, прямо заинтересованными в ликвидации Церкви.

Но это затруднение в жизни Церкви ничуть не смущает М. Никодима, и он везде и всюду с энергией, достойной лучшего применения, лжет о русском церковном благополучии, поддерживая свою ложь внешней помпой, расходуя на это огромные суммы денег, собираемые с церквей.

Очевидно, расхождение между лживыми декларациями М. Никодима и церковной действительностью живо сознается и болезненно переживается верующими людьми, но все молчат, молчит и Патриархия, отдав всю церковную жизнь в руки единственного действующего отдела Московской Патриархии — Отдела Внешних Церковных Сношений, то есть тому же М. Никодиму. В анналах этого отдела создаются фикции о церковном благополучии.

Епархиальная жизнь находится в положении полнейшего застоя. Епархиальные архиереи живут и действуют в полном отрыве, централизованная церковная жизнь полностью отсутствует. Патриархия ничем, кроме перемещения Епископов с кафедры на кафедру, не руководит. Вот пример из практической жизни Патриархии во время пребывания там в качестве управляющего делами Митрополита Пимена (ныне Митрополита Крутицкого). Обращавшийся к нему за советом Епархиальный Архиерей получал почти неизменный ответ: «По этому вопросу, Вам, Владыка, следует обратиться в Совет по делам Русской Православной Церкви», то есть отсылал за советом к безбожникам, а сам уклонялся от решения самых простых вопросов церковной практики.

Как правило, сессии свящ. Синода проходят под председательством Святейшего Патриарха, при участии трех титулярных Митрополитов и трех Епархиальных Архиереев, по очереди вызываемых для присутствия в Синоде. Действительно на сессиях участвуют только такие Архиереи, которые послушны М. Никодиму, откровенно подчиняющие свою волю воле М. Никодима. Они льстят его ложному авторитету, когда говорят ему, между прочим: «В общем, Владыко, Ваше дело решать, а наше — расписываться».

Часто вопросы, подлежащие решению Священного Синода, разрешаются опросным порядком, т. е. никаких заседаний не происходит, члены Синода сносятся по телефону, а затем решения такого рода скрепляются подписями, иногда постфактум. Кандидаты на замещение Архиерейских кафедр являются в большинстве случаев лица, приближенные к М. Никодиму, часто несоответствующие достоинству Епископа, и не

имеющие опыта священства. Одни из них — прямо со школьной скамьи, едва окончившие Духовную академию, стационарно или заочно, другие срочно расторгнувшие формально брачный союз с женой, вроде многосемейного епископа Венского и Австрийского Мелхиседека, призванного тоже к Епископству с 3-го курса духовной академии.

Также сомнительные и приносящие вред авторитету Церкви хиротонии совершаются с грубым нарушением канонической дисциплины, в силу которой призвание того или иного лица к Архиерейству должно происходить с согласия всех в данное время правящих Архиереев Поместной Церкви. Но здесь считается достаточным, когда кандидатура выдвинута М. Никодимом и согласована с Советом по делам религий.

Спрашивается, зачем же нужны новые кадры Епископов, так скоропалительно и с нарушением канонов назначенных на кафедры? Уж не для того ли, чтобы на грядущем избрании Патриарха М. Никодим мог располагать лишними голосами в свою пользу, чтобы на этом будущем посту активизировать антицерковную, разрушительную для церкви деятельность?

А сколько губительного для жизни Церкви принесло постановление «Собора Правящих Архиереев Русской Православной Церкви» 1961-го года? Это Постановление, навязанное Епископам, фактически передало руководство всей приходской жизни в руки исполнительных органов церквей. Теперь миряне стоят во главе прихода; священнику отведена узкая полоска для его деятельности; он лишь наемное лицо, совершитель богослужений и треб. У него отнята основная его функция — апостольство. А то, что осталось у приходского священника, оно зависит от произвола исполнительного органа — нанимателя. А произвол этот преследует священника на каждом шагу. От всякого приходского старосты зависит, будет ли священник совершать очередное богослужение, положенное на данный день, даже в дни двунадесятых праздников. Воля старосты — закон для священника. Последнему всегда грозит опасность отобрания регистрационного удостоверения, если даже повод к этому основан на мелкой обиде, на пустяковом инциденте между священником и каким-нибудь членом исполнительного органа. В обращении со священником члены исполнительного комитета допускают вольность, намеренно рассчитанную на унижение пастырского достоинства, подчеркивая зависимость священника от их власти. Отношения между священником и исполнительным органом вовсе не те, какие

должны существовать между духовными чадами и духовным отцом. Принцип найма, не защищенный нормами закона, ставит священника в положение беззащитного наемника, всегда зависимого от воли нанимателя.

При таком порядке управления жизнью Церкви само собой понятно, как мал авторитет Архиерея. Епархиальный Архиерей — это какая-то непризнанная промежуточная инстанция без власти и отношений к исполнительным органам. Вероятно, поэтому местные Уполномоченные Совета по делам религий внушают членам исполнительных органов мысль, что Архиерей и Епархиальное управление для них — ничто; что они всецело зависят от уполномоченного и подчиняются только ему и районному Совету депутатов трудящихся. Неслучайно, поэтому, некоторые местные уполномоченные прямо запрещают членам исполнительных органов обращаться к Архиерею по церковным делам, а Архиереев иногда упрекают в том, что они неправомерно поступают, вызывая членов исполнительных органов к себе.

Настоятель храма лишен права присутствовать на собрании «двадцатки» своей церкви даже в качестве пассивного (без права обсуждения и голоса) созерцателя происходящего, зато полноправными участниками этих собраний являются безбожники — представители районных властей, финансовые инспектора и пр. И это в условиях отделения Церкви от Государства!

Всем известно, в каком трудном положении находятся священники и прихожане при крещении младенцев и требах на дому. Крещение священник совершает только по предъявлении восприемниками специального ярлыка, подтверждающего регистрацию крещаемого исполнительными органами. Чтобы такой ярлык был получен, необходимо присутствие при регистрации отца и матери крещаемого. Временное отсутствие отца преграждает совершение крещения, даже и в том случае, когда ребенок находится в опасности смерти. Священник бессилён совершить таинство крещения в подобных случаях, хотя и сознает свою ответственность перед Богом за допускаемое им отступление от правил Церкви.

Из треб на дому священник может совершать только напутствование больных: причащение и соборование. Все остальные требы: панихиды по умершим, домашние молебны, освящение квартир и др., священник совершать не может, под страхом отобрания у него справки о регистрации, т. е. увольнения с должности.

Верующий человек лишен возможности пригласить священника для служения панихиды на могилах своих близких. Это воспрещено священнику. Церковная проповедь священника ограничена строгими рамками. Он не может касаться в проповеди не только социальных вопросов, но и упоминать о чуде, под страхом лишения опять же справки о регистрации, без которой он не может получить другого священнического места по всей стране.

В Русской Православной Церкви совершенно отсутствует подготовка псаломщиков, руководителей церковных хоров, крайняя нужда в которых ощущается повсеместно.

В стране имеется всего три духовных семинарии (Москва, Ленинград и Одесса). Они не могут выпускать достаточного количества на священнические места. Недостаток пастырей также является неопровержимым фактом. Вместо отыскания дополнительных источников к подготовке будущих пастырей Церкви, Отдел Внешних Церковных Сношений Московской Патриархии, — т. е. тот же М. Никодим учредил так называемую «Аспирантуру», доселе неизвестное для Русской Церкви заведение, для окончивших академию, желающих «продвинуться» и побывать за границей. Что из себя представляет «Аспирантура» можно судить по характеристике, данной ей одним из представителей, работающим в «аспирантуре» по совместительству с гражданским учебным заведением. Вот что он сказал о ней: «Наша цель вышибить из ваших голов все то, что вам внушали в духовных школах в течение восьми лет».

Комментарии, ввиду такой характеристики, излишни. Понятно поэтому, почему лучшие выпускники духовных школ, созревшие в религиозном и богословских отношениях в эту пресловутую и сомнительную «аспирантуру» не идут.

В стране нашей много глубоковерующей церковно-светской талантливой интеллигенции, стремящейся к литературно-богословскому творчеству, но путь для них закрыт, недосягаем; они и мечтать не могут о литературном сотрудничестве на богословском поприще.

Вот весьма неполная картина современной русской церковной действительности. Но даже и при своей неполноте она очень далека от тех ярких красок, которыми изображает ее М. Никодим и его оруженосцы.

Для чего же бесстыдная ложь и вероломство? Чему они служат?

Их цель — обман заграничного общественного мнения, затушевание печальной действительности, чтобы ввести

в заблуждение всех не знающих истинного положения русской церковной жизни, чтобы облегчить атеизму борьбу с Церковью. Все эти Никодимы, Ювеналии и иже с ними правильно поняли свою задачу и идут в одной шеренге с теми, кто поднял руку на Христа и Его Церковь.

Чтобы усыпить общественное мнение христианского мира, иностранным гостям преподносится пышная, заведомо ложная изнанка горькой церковной жизни. Иностранцы видят переполненные людьми храмы, феерические кортежи на сотнях автомашин, роскошь автомашин, лживые лицемерные тосты, звон бокалов, и готовы верить лжи, в обмен на которую выброшены колоссальные суммы церковных денег, по копейкам и пятакам жертвуемых в храмы богомольцами.

Переполненные храмы — далеко не лучший показатель церковного благополучия, напротив, это свидетельство того, как мало храмов осталось у верующих.

Все, что видели иностранные гости на юбилейном празднике — все это дымовая завеса, плотно скрывающая весь трагизм русской церковной жизни. Поняли ли они, как их обманывали?

ВЕРУЮЩИЙ

Государственный архив Черновицкой области. Ф. Р-623. Оп. 2. Д. 233. Л. 48–56.

Библиографический список

Августин (Никитин), архимандрит. Церковь плененная. Митрополит Никодим (1929–1978) и его эпоха (в воспоминаниях современников). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та., 2008.

Белякова Н.А. «Сообщаем о преступлении против правосудия...»: обращения и жалобы верующих в брежневском СССР // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 640–658.

Белякова Н.А. «И священник становится добрым гостем в советском обществе...»: Религиозная жизнь Москвы и Подмосковья весной 1990 года в описании А.Э. Левитина-Краснова // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 215–225.

Белякова Н.А. Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: опыт изучения в России и за рубежом // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 379–403

Белякова Н.А., Емельянов К.С. Духовные поиски, тамиздат и самиздат в условиях Холодной войны: судьба Зои Крахмальниковой // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 9 (53). [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001597-5-1>

Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130–149.

Бычков С.С. Освобождение от иллюзий. М.: Тэттис Паблিশн, 2010.

Васильева О.Ю. Поместный Собор 1971 г.: вопросы и размышления // Альфа и Омега. 2006. № 1/45. С. 167–184.

Ермоген (Голубев), архиеп. К 50-летию восстановления патриаршества: Историко-каноническая и юридическая справка // Вестник РСХД. 1967. № 86. С. 66–79.

Мень А., прот. Несколько слов о деле двух московских священников. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/politika/men.html> (Дата обращения: 28.08.2020).

Останин Е.С. Борис Талантов и борьба верующих против уничтожения Федоровской церкви г. Кирова в 1962–1963 гг. // Сборник материалов V Межрегиональной церковно-научной конференции «Обретение святых». Киров: Лобань, 2014. С. 154–160.

Останин Е.С. Братство вятских христиан в начале 1960-х гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. 2018. С. 142–147.

Открытое письмо Святейшему Патриарху священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина. [Электронный ресурс]. URL: <http://yakov.works/acts/20/1960/19651125.html> (Дата обращения 28.08.2020).

Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1–2. М.: Пропилеи, 1995.

Симон (Истюков), иером. Борьба за права Церкви после окончания хрущевских гонений (на примере служения архиепископа Павла (Голышева) на Новосибирской кафедре в 1964–1972 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (29). С. 204–223.

Талантов Б.В. Бедственное положение православной церкви в Кировской области и роль Московской патриархии // Вестник РСХД. 1967. № 83. С. 29–64.

Чикилина С.Б. Борис Талантов и братство вятских христиан как опыт церковного сопротивления «хрущевским» гонениям на РПЦ // Сретенские чтения. Материалы XXIII научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов / Ред. О. Сидорова. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2017. С. 269–278.

Шлихта Н. Как учредить «антисоветскую организацию»: к истории Кестонского института и письма верующих из Почаева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 244–262.

Эдельштейн Г., прот.: «Идея письма Патриарху буквально носилась в воздухе». К 40-летию Открытого письма священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина Патриарху Алексию (Симанскому). Часть первая. [Электронный ресурс]. URL: www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=39122 (Дата обращения: 28.08.2020).

Мартин Барбара,
Базельский университет,
Швейцария,
научный сотрудник кафедры
истории, PhD

Barbara Martin,
University of Basel, Switzerland,
Department of History, postdoctoral
researcher, PhD

УДК 94(470)+281.93 (091)
ББК 63.3(2)63)+86.372г

«Мы перепечатывали всё...»: Православный самиздат и тамиздат в СССР в 1970-е–1980-е гг.¹

«We typed everything»: Orthodox samizdat and tamizdat in the 1970s–1980s

Аннотация: Статья предлагает обзор русских православных неподцензурных изданий, распространявшихся в самиздате и тамиздате в позднем СССР. Также рассматриваются практики чтения, копирования и распространения религиозной литературы.

Ключевые слова: самиздат, тамиздат, православие, Советский Союз, диссиденты, интеллигенция, подпольная литература, холодная война, эмигранты, книгоиздание.

Summary: This article offers an overview of Russian Orthodox uncensored publications circulated in samizdat and tamizdat in the late USSR. It also examines reading, copying and circulation practices of religious literature.

Keywords: samizdat, tamizdat, Orthodoxy, Soviet Union, dissidents, intelligentsia, underground literature, Cold War, emigrés, book publishing.

За семьдесят лет правления советская власть ни гонениями на верующих, ни атеистической пропагандой, ни заменой религиозных обрядов на светские не добилась полного искоренения религии. С 1970-х годов часть советской молодежи, особенно в среде интеллигенции, находилась в активных поисках альтернативного мировоззрения, приобщаясь к различным религиозным духовным учениям в диапазоне от эзотерики и восточных религий до баптизма и православия. Именно это поколение и явилось основной движущей силой религиозного возрождения на постсоветском пространстве в 1990-е годы.

До перестройки тема религиозности среди интеллигенции рассматривалась прежде всего в качестве проявления инакомыслия, например, в исследованиях Дж. Эллис или Л. Алексеевой². В постсоветское время религиозности разных близких к православию групп, от русских националистов до хиппи, были посвящены публикации таких авторов, как Н. Митрохин и И. Гордеева³. О ленинградских православных семинарах и кружках писали О.В. Чепурная и Ж. фон Цитцевитц⁴. Однако процесс обращения и воцерковления русской православной интеллигенции и ее роль в постсоветском религиозном возрождении до сих пор не изучены. Этот пробел и призван восполнить проводимый автором настоящей статьи исследовательский проект о православном религиозном возрождении среди русской интеллигенции в Москве и Ленинграде в 1970-е–1990-е гг., первые итоги которого представлены ниже.

¹ Статья написана в рамках проекта, финансируемого швейцарским национальным фондом (SNSF). Автор выражает благодарность Н.А. Беляковой и О.А. Устинову за комментарии к первой версии этого текста и всем свидетелям, давшим согласие на использование их интервью.

² Эллис Дж. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон: ОРІ, 1990; Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. С. 188–204.

³ Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003; Митрохин Н.А. Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранатура в СССР в 1953–1985 годах // Новое литературное обозрение. 2020. № 3(163);

Gordeeva I. Tolstoyism in the Late-Socialist Cultural Underground: Soviet Youth in Search of Religion, Individual Autonomy and Nonviolence in the 1970s–1980s // Open Theology 3, no. 1 (September 26, 2017). С. 494–515; Gordeeva I. Christian Samizdat on Religious Seeking of the Soviet Countercultural Youth in the 1970s to Mid 1980s // Mikeschin I. (ed.) Eight Essays on Russian Christianities. Saint-Petersburg: Saint Petersburg Center for the History of Ideas. Politekhnik Service, 2020. P. 79–107.

⁴ Чепурная О.В. Независимые религиозные объединения в Ленинграде в 1960–1980-е годы. Социокультурный анализ: Диссертация на соискание степени кандидата культурологии. М.: РГГУ, 2004; Von Zitzewitz J. Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar 1974–1980: Music for a Deaf Age. London: Routledge, 2016.

В данной статье предлагается краткий обзор неподцензурной православной печати, изданной как на Западе, так и в СССР, на основе интервью с православными верующими из московской и ленинградской интеллигенции, воцерковленными до Перестройки, архивных материалов из самиздатских фондов и опубликованных сборников самиздата. Рассматриваются следующие вопросы: какие самиздатские и тамиздатские тексты, журналы и книги имели наибольшее распространение среди интеллигенции и какую роль они играли в духовном пути новообращенных? Какие связи верующие имели с Западом? Как они передавали тексты через «железный занавес» и как доставали тамиздатскую и эмигрантскую религиозную литературу? И какую роль православный самиздат и тамиздат сыграл в религиозном возрождении в СССР?

1. Предварительные замечания

Главной преградой для новообращенных христиан из интеллигенции был книжный «голод». Все респонденты этого исследования отмечали отсутствие доступной широкому читателю религиозной литературы. Подавляющее большинство из них выросло в неверующих семьях, впитывало атеизм вместе с марксизмом-ленинизмом в школе и только в зрелом возрасте начало ставить под сомнение господствовавшее в обществе атеистическое мировоззрение. Первое знакомство с верой происходило, как правило, в процессе изучения антирелигиозной литературы, из которой можно было почерпнуть некие сведения о православии, например, о церковных праздниках, или посредством чтения Евангелия, которое родственники хранили дома, несмотря на запреты. Однако после первых контактов с церковной средой они начинали искать и читать уже непосредственно религиозную литературу.

Дореволюционные издания трудов по русской религиозной философии, которые представляли для молодежи особый интерес, можно было иногда обнаружить на полках библиотек или даже на блошиных рынках. Но чаще всего их приходилось доставать незаконным путем на «черном рынке». Многие из респондентов уже читали различные книги в самиздате и тамиздате еще до прихода в церковь, имели связи с диссидентскими кругами, и для них не представляло труда получить неподцензурную литературу религиозного содержания.

Более того, новообращенная интеллигентная молодежь группировалась вокруг известных священников, таких как

о. Александр Мень, о. Дмитрий Дудко, о. Всеволод Шпиллер и других, или участвовала в подпольных религиозных семинарах, где шел активный обмен литературой, а также сама издавала религиозные журналы.

Следует сделать оговорку: разграничение феноменов самиздата и тамиздата не так просто, как кажется на первый взгляд. Несмотря на то, что самиздат, в отличие от тамиздата, был внутрисоюзным явлением, связь с Западом играла в его распространении немаловажную роль. Религиозная литература, изданная на Западе, могла переводиться или перепечатываться в СССР. Обмен также шел в обратном направлении: самиздатские тексты и журналы переправлялись на Запад, где они могли печататься в тамиздате и даже переводиться. Экземпляры могли в свою очередь попадать в Советский Союз.

2. Православный самиздат

Внутри православного самиздата можно выделить несколько основных жанров: религиозные и богословские тексты, фило-софско-религиозные тексты, литературные произведения на религиозные темы; исторические и политические письма и очерки о Русской Православной Церкви; правозащитные тексты в защиту верующих. Они распространялись в индивидуальном формате, формате открытых писем и петиций, в формате журналов. Эти тексты имели и разные ориентации: от либеральной, близкой к экуменизму, до националистической и антисемитской.

К непосредственно религиозным текстам можно отнести молитвословы, жития святых, писания Отцов Церкви, а также проповеди и другие произведения советских священников. Эти тексты, по рассказам очевидцев, играли существенную роль в их религиозной практике. Е.В. Белякова вспоминает об интенсивном обмене религиозной литературой в молодежных религиозных кружках. Так, например, она перепечатала «Часослов». В Новодевичьем монастыре был магазин издательского отдела Московской патриархии, где можно было приобрести молитвословы, но продавщица согласилась продать только два экземпляра. Хотя в таких магазинах опасались контактов с молодежью, и разрешалось отпускать литературу только духовным лицам, сочувствующая кладовщица дала ей почитать номер ежегодника Московской Патриархии «Богословские труды»⁵.

⁵ Интервью с Е.В. Беляковой. 10.01.2020 // Личный архив автора.

Проповеди и произведения о. Дмитрия Дудко, о. Александра Меня или о. Сергия Желудкова издавались на Западе и распространялись в СССР наряду с текстами таких популярных зарубежных проповедников, как о. Александр Шмеман или митрополит Антоний Сурожский. Е.В. Белякова вспоминает, что один из ее знакомых записывал на магнитофон проповеди о. Всеволода Шпиллера и эти записи распространялись среди верующих. Другая ее знакомая ксерокопировала на работе религиозные тексты, которые потом перепечатывались на машинке, в частности тексты митрополита Антония. А ее муж переплетал сборники религиозных текстов о. Александра Шмемана⁶.

Из богословских трудов большой популярностью пользовались произведения русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв.: В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, о. Павла Флоренского, о. Георгия Флоровского, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и других. Т.М. Горичева переводила для участников ее религиозно-философского семинара и западных богословов, в том числе Й. Ратцингера, К. Ранера, П. Тиллиха⁷.

О. Яков Кротов, священник Украинской автокефальной православной церкви, будучи в те годы прихожанином о. Александра Меня, вспоминает: «Я был “самиздатчиком” в приходе. Этим отчасти я зарабатывал еще и на жизнь. Так, работая в Исторической библиотеке, я сделал пятитомное собрание сочинений Флоренского. “Столп и утверждение истины” ксерокопировали, он был у всех. А я извлек его статьи из “Богословского вестника”, и мы перепечатали их на машинке, вписывая греческие слова. Бердяева я перепечатал всего. Это было порядка 6 тысяч страниц на машинке»⁸. Самиздатские издания религиозных философов, осуществленные «ИМКА-Пресс», или журнал «Путь», которые Кротов брал из личной библиотеки о. Александра Меня или у знакомых, он ксерокопировал. Работая в Центральном государственном архиве древних актов, он также иногда доставал редкие тексты через знакомых из других учреждений. Таким образом, ему удалось получить через знакомого, работавшего в Архиве Октябрьской Революции, на несколько дней «Новое Средневековье» Бердяева: «Его было очень трудно найти, потому что за него реально могли посадить <...>. Книга считалась, как сейчас бы сказали, “токсичной”. Ее не было ни в каком виде <...>. И вот с меня она пошла опять циркулировать в самиздате»⁹.

Однако самиздатом занималась не только молодежь. Существовали связующие звенья и между разными поколениями

верующих, и со средой реэмигрантов, которые могли рассказать о Зарубежной Православной Церкви. Е.В. Белякова возила в Пюхтицкий монастырь богословские труды самиздатского автора Н.Е. Пестова, участника православного кружка 1920-х гг., напечатанные его внучкой и широко им раздаваемые. В Пюхтицах Белякова передавала эти тексты монахине Силуане (в миру — Н.А. Соболева), реэмигрантке из дворянской семьи, через которую шел поток религиозной литературы и самиздата.

Из исторических и политических текстов о РПЦ можно назвать известное «Великопостное письмо» А.И. Солженицына Патриарху Пимену (1972) или инициированный им сборник «Из-под глыб» (1974), письма священников о. Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана (1965), а также письма и статьи Б.В. Талантова, содержащие критику РПЦ. Сюда можно отнести и тексты А.Э. Левитина (Краснова), участника и впоследствии историка обновленчества, ставшего острым критиком жизни Церкви. Распространялись и анонимные тексты с критикой РПЦ и официальной политики по отношению к религии.

Самиздатские тексты правозащитного характера были самыми распространенными в самиздатских коллекциях на Западе. Поскольку защита прав советских верующих являлась главной темой для таких западных организаций как Keston College (Англия), Glaubeinderzweiten Welt (Швейцария) или Russia Cristiana (Италия), то в их собраниях преобладали именно материалы правозащитного характера. То же самое относится и к самиздату, собранному радио «Свобода». В этих коллекциях, например, широко представлены обращения Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, созданного о. Глебом Якуниным в 1976 году, а также различные обращения и открытые письма к мировой общественности, ООН, Всемирному Совету Церквей от диссидентствующих священников и мирян.

Н. Митрохин пишет о «серьезном технологическом прорыве» в изготовлении подпольной религиозной литературы в конце 1970-х гг., обеспечившем значительное увеличение тиражей: переход от самиздата и копирования фотоспособом к ксерокопированию, несмотря на жесткий контроль КГБ на

⁶ Там же.

⁷ Интервью Т.М. Горичевой. 19.01.2020 // Личный архив автора.

⁸ Интервью о. Якова Кротова. 21.02.2020 // Личный архив автора.

⁹ Там же.

¹⁰ Митрохин Н.А. Советская интеллигенция в поисках чуда...

копировальную технику¹⁰. Член Христианского Комитета Защиты Прав Верующих В.В. Борщёв после того, как скрылся от ареста в феврале 1980 года, работал в подпольном издательстве, созданном В.В. Бурдюгом на нелегальных квартирах. Десятки тысяч экземпляров молитвословов, житий святых, трудов святых отцов и Евангелия, опубликованных этим издательством, распространялись по стране. Борщёв соблюдал жесткую конспирацию: выходить на улицу разрешалось только ночью. Тем не менее, когда на этапе обрезки экземпляров Евангелия те оказались слишком толстыми для их оборудования, Бурдюг предложил провести эту операцию в соседней типографии, где его знакомый работал сторожем. «И в выходные дни приехали на машине, привезли эти экземпляры Евангелия, зашли в типографию, встали к станкам, а в соседнем цеху работали люди, то есть это, конечно, опасно было, тем не менее, мы встали к станкам, поставили под обрезку Евангелие, включили и провели обрезку — и готовы. И так мы обошлись»¹¹.

Заметным явлением было и издание самиздатских и тамиздатских журналов разными религиозными семинарами и кружками. На их страницах печатались философско-религиозные тексты и литературные произведения на религиозные темы, богословские тексты, очерки по истории церкви или даже статьи с политической окраской. История таких изданий, как «37», «Мария», «Община» или «Вече», уже освещалась. Поскольку создание молодежных религиозных кружков запрещалось, издание их членами собственных журналов жестко наказывалось. При этом долговечность таких печатных органов зависела от степени политизированности авторов и от их связей с Западом: последний фактор мог в зависимости от обстоятельств либо ставить редакторов под удар, либо защищать их от преследования или смягчить их приговор.

Двадцать один выпуск литературно-философского самиздатского журнала «37» вышел в Ленинграде между 1976 и 1981 годами тиражом от 15 до 200 экземпляров. Расходились они в разные города СССР и за границу и перепечатывались в других изданиях. Однако более политизированные издания репрессировались более жестко: редакторы православного феминистского журнала «Мария» были вынуждены эмигрировать на Запад в 1980 году после первого выпуска; от журнала «Община» остался лишь один выпуск, поскольку все номера были конфискованы КГБ, а члены Христианского Семинара, издававшие журнал, арестованы. Та же участь постигла в 1974 году

и редактора журнала националистической ориентации «Вече» В.Н. Осипова. Он утверждал, что во время апелляции его приговора к 8 годам заключения, обвинители делали упор именно на том, что его печатали на Западе. «Вот, видите, чего он хотел: славы на Западе хотел!»¹²

3. Распространение православного тамиздата и эмигрантских изданий в СССР

В 1970-х годах тамиздат и эмигрантские издания стали подпольно распространяться в СССР. Среди них религиозная литература занимала немаловажную часть. Издательство «Жизнь с Богом» (Брюссель) даже специализировалось на издании религиозной литературы для верующих в СССР. Миряне и священники в свою очередь присылали свои статьи и книги для публикации на Западе. Перевозом религиозной литературы и тамиздата в СССР занимались разные западные и эмигрантские организации.

3.1. Тамиздатские и эмигрантские издания

Главными издательствами христианской литературы для советских верующих были «Жизнь с Богом» и «ИМКА-Пресс» в Париже. Первое было основано католической русской эмигранткой И.М. Посновой в Брюсселе после войны. Первой целью Посновой было духовное окормление русских военных беженцев, но вскоре она стала ориентироваться на верующих в Советском Союзе. Среди авторов, напечатанных издательством «Жизнь с Богом», был о. Александр Мень. В 1968 году в Брюсселе вышла под псевдонимом его знаменитая книга о жизни Христа «Сын человеческий». С 1970 по 1983 год были опубликованы еще 6 томов из серии «История религии. В поисках пути, истины и жизни». О. Александр Мень также давал Посновой список книг, которые он ей рекомендовал издавать, чтобы отвечать потребностям советских христиан¹³.

Основанное в 1921 году под эгидой христианской молодежной ассоциации YMCA (Young Men's Christian Association) издательство «YMCA-Press» под руководством Н.А. Бердяева утвердилось в качестве ведущего издателя религиозной литературы для русских эмигрантских читателей. После того как

¹¹ Интервью В.В. Борщёва. 06.03.2020 // Личный архив автора.

¹² Интервью В.Н. Осипова. 11.02.2020 // Личный архив автора.

¹³ Андреев Г., Юдин А. Жизнь с Богом. Брюссель — Москва. М.: Духовная библиотека, 2013. С. 102.

А.И. Солженицын доверил «Имке» публикацию своих произведений, издательство пережило возрождение.

Помимо трудов русских религиозных философов, особой популярностью среди молодых православных верующих пользовался издаваемый Н.А. Струве журнал «Вестник Русского [Студенческого] Христианского Движения»¹⁴. В начале 1970-х годов «Вестник» превратился из тонкой брошюры в «толстый журнал» и стал, по словам С.С. Бычкова, «печатным органом» молодежных общин о. Александра Меня и о. Всеволода Шпиллера, в котором верующие печатались под псевдонимами. О. Георгий Кочетков вспоминал: «Мы действительно ждали каждый номер и не хотели пропустить ни один из них. Мы читали всё, от начала до конца. Потому что был такой голод духовный, что без этого просто было нельзя. Мы чувствовали, что через “Вестник” открывается какой-то другой мир»¹⁵. Ив Аман, французский культурный атташе в 1970-х годах, переправлял на Запад материалы для «Вестника» через дипломатические каналы. А когда он сам ездил в Европу, то забирал у Е.В. Барабанова, прихожанина о. Александра Меня, более крупные рукописи и передавал их Н. Струве¹⁶.

Религиозные тексты печатались в таких эмигрантских изданиях «третьей волны», как «Континент», основанный В.Е. Максимовым в 1974 году, и в журналах «Посев» и «Грани», издаваемых антисоветской организацией Народно-Трудовым Союзом (НТС). С 1972 года НТС стал выпускать журнал «Вольное слово», где перепечатывались самиздатские материалы, в том числе и по религиозной тематике. Среди них был самиздатский сборник «Надежда. Христианское чтение» З.А. Крахмальниковой¹⁷. НТС занимался и переправкой своих изданий в СССР через курьеров, посещавших СССР под видом туристов¹⁸. Можно упомянуть и журналы «Атеизм и религия в СССР», издаваемый в Мюнхене Т.А. Ходоровичем, и «Русское возрождение», основанный в 1978 году в Париже и Нью-Йорке с задачей «стать собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988–1988)». Однако об их распространении в СССР нам неизвестно.

3.2. Техника распространения

Те, кто имел личные контакты с иностранцами, могли получать от них нужную религиозную литературу. Так о. Александр Борисов состоял в переписке с бельгийским католическим священником и профессором генетики о. Антуаном Эленсом из Намюра. Отец

Антуан «специально изучил русский язык и привозил делегации из Бельгии, и при этом он всем членам делегации, а там было по 30–40 человек, раздавал по одному Евангелию издательства “Жизнь с Богом” на русском языке, и его можно было провозить под предлогом изучения русского языка. Когда они приезжали, он у всех собирал и потом приносил»¹⁹. Привозом книг в СССР занимались не только иностранцы, но и русские церковные иерархи, пользуясь тем, что их багажи не досматривались; среди них митрополит Никодим (Ротов)²⁰. Н.М. Виноградова (сестра Анувия) ездила во Францию и в ФРГ в начале 1980-х годов по научной работе и тоже привозила обратно религиозную литературу, которую она получала бесплатно в магазине православной литературы²¹.

Распространением Библии и Евангелия в СССР занимались и западные организации. Многие респонденты помнят, что Библию раздавали протестанты. И.М. Чапковский принимал участие в работе известной организации «Open Doors», основанной нидерландским священником А. ван дер Бийлом (известным под прозвищем «Брат Эндрю») и занимавшейся распространением Евангелия в «Восточном блоке». Представитель от организации приезжал в СССР на машине с двойным дном, где были спрятаны сотни экземпляров Нового Завета. Чапковский знал пароль и место встречи и потом занимался распространением этих экземпляров, соблюдая конспирацию и пытаясь выходить на новых людей. Так как он знал только двух священников, которые согласились брать эти книги, приходилось их раздавать незнакомым, с которыми он завязывал знакомство, например, в поезде: «Переходит разговор, что-то такое скажешь, приведешь цитату [из Евангелия]. “Да, говорит, великая книга”. — “А у тебя

¹⁴ Слово «студенческий» было опущено в 1970-х годах по предложению Солженицына. См. *Карташёв А.В., Струве Н.А. 70 лет издательства «YMCA-Press»: 1920–1990.* Париж: YMCA-Press, 1990.

¹⁵ *Кочетков Г.* «О восприятии «Вестника» интеллигенцией в СССР» // Конференция ««YMCA-Press» в истории русского книгоиздания за рубежом». 16–17 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/bez-avtora/ymca-press-v-istorii-russkogo-knigoizdaniya-za-rubezhom/slushat>

¹⁶ Интервью И. Амана. 13.11.2019. // Личный архив автора.

¹⁷ По словам Н. Беляковой и К. Емельянова, неизвестно,

циркулировал ли сборник в самиздате. *Belyakova N., Emelyanov K.* Spirituality, Tamizdat and Samidat During the Cold War: the Case of Zoja Krakhmal'nikova // *Istoriya* 2016. V. 7. Issue 9 (53). С. 19.

¹⁸ *Долинин В.* Журнал «Посев» и религиозное движение в России. 1970–1980-е гг. // *Охапкинские чтения.* Альманах № 2. СПб., 2018. С. 20–28.

¹⁹ Интервью о. Александра Борисова. 09.01.2020 // Личный архив автора.

²⁰ *Андреев Г., Юдин А.* Указ. соч. С. 20.

²¹ Интервью Н.М. Виноградовой. 01.02.2020 // Личный архив автора.

есть?» — «Нет». — «На тебе». И видно — он думает, что это ангел с неба спустился»²².

Итальянский священник о. Романо Скальфи из организации Russia Christiana тоже помнил радость женщины, довольно грубо одернувшей его в киевской церкви, которой он представился и подарил Евангелие: «Женщина залилась слезами и стала уверять меня, что будет каждый день молиться обо мне»²³. Дж. Паравичини, еще будучи студенткой, помогала этой организации, которая занималась доставкой христианской литературы в СССР, в частности в сотрудничестве с издательством «Жизнь с Богом»: «Когда мы приезжали [в Москву], то пытались как могли провезти под одеждой [религиозную литературу], а на обратном пути самиздатские тексты»²⁴.

Другой организацией, занимавшейся распространением религиозной литературы в СССР, была Action Chrétienne des Etudiants Russes (ACER) в Париже, при которой русский эмигрант Кирилл Ельчанинов основал в 1961 году «Отдел Помощи Верующим в СССР». У организации была большая сеть корреспондентов среди дипломатов, туристов и грузоперевозчиков, привозивших с собой в СССР религиозную литературу²⁵.

Заключение

В отсутствие широкодоступной религиозной литературы в СССР самиздат и тамиздат играли важную роль для новообращенных христиан из интеллигенции. Чтение и публикация собственных текстов в самиздатских журналах или в «Вестнике РХД» способствовали не только расширению их богословского образования, но и развитию собственных концепций. В этих изданиях верующие могли обсуждать актуальные для них духовные и социально-политические вопросы, связанные с церковными проблемами, а в некоторых случаях формировались как самостоятельные духовные писатели. Этот опыт оказался особенно востребованным после тысячелетия крещения Руси в 1988 году. А установленные ими каналы связей с Западом, действовавшие подпольно до перестройки, смогли впоследствии играть немаловажную роль в религиозном возрождении в России.

²² Интервью И.М. Чапковского. 24.01.2020 // Личный архив автора.

²³ Андреев Г., Юдин А. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Интервью Дж. Паравичини с автором, М., 10.03.2020 // Личный архив автора.

²⁵ Cyrille Eltchaninoff // ACER-MJO. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acer-mjo.org/fr/cyrille-eltchaninoff>.

Библиографический список

Источники

Игрунов В.В. (ред.-сост.). Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР. 1950-е–1980-е. Т. 3. После 1973 года. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005.

Интервью И. Амана. 13.11.2019.

Интервью Е.В. Беляковой. 10.01.2020.

Интервью о. Александра Борисова. 09.01.2020.

Интервью В.В. Борщёва. 06.03.2020.

Интервью Н.М. Виноградовой. 01.02.2020.

Интервью Т.М. Горичевой. 19.01.2020.

Интервью о. Якова Кротова. 21.02.2020.

Интервью В.Н. Осипова. 11.02.2020.

Интервью Дж. Паравичини. 10.03.2020.

Интервью И.М. Чапковского. 24.01.2020.

Кочетков Г. «О восприятии «Вестника» интеллигенцией в СССР» // Конференция «YMCA-Press» в истории русского книгоиздания за рубежом». 16–17 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/bez-avtora/ymca-press-v-istorii-russkogo-knigoizdaniya-za-rubezhom/slushat>

Литература

Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012.

Андреев Г., Юдин А. Жизнь с Богом. Брюссель — Москва. М.: Духовная библиотека, 2013.

Долинин В. Журнал «Посев» и религиозное движение в России. 1970–1980-е гг. // Охапкинские чтения. Альманах № 2. СПб., 2018. С. 20–28.

Карташёв А.В., Струве Н.А. 70 лет издательства «YMCA-Press»: 1920–1990. Париж: YMCA-Press, 1990.

Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Митрохин Н.А. Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах // Новое литературное обозрение. 2020. № 3(163).

Чепурная О.В. Независимые религиозные объединения в Ленинграде в 1960–1980-е годы. Социокультурный анализ: Диссертация на соискание степени кандидата культурологии. М.: РГГУ, 2004.

Эллис Дж. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон: OPI, 1990.

Belyakova N. Emelyanov K. Spirituality, Tamizdat and Samizdat During the Cold War: the Case of Zoja Krakhmal'nikova // Istoriya 2016. V. 7. Issue 9 (53).

Cyrille Eltchaninoff // ACER-MJO. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acer-mjo.org/fr/cyrille-eltchaninoff>.

Gordeeva I. Tolstoyism in the Late-Socialist Cultural Underground: Soviet Youth in Search of Religion, Individual Autonomy and Nonviolence in the 1970s–1980s // Open Theology 3, no. 1 (September 26, 2017). С. 494–515.

Gordeeva I. Christian Samizdat on Religious Seeking of the Soviet Countercultural Youth in the 1970s to Mid 1980s // Mikeschin I. (ed.) Eight Essays on Russian Christianities. Saint-Petersburg: Saint Petersburg Center for the History of Ideas. Politekhnik Service, 2020. P. 79–107.

Von Zitzewitz J. Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar 1974–1980: Music for a Deaf Age. London: Routledge, 2016.

Гордеева Ирина

Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Москва, доцент, кандидат исторических наук, с августа 2020 г. — исследователь Центра современной истории в Потсдаме (стипендия фонда Gerda Henkel, проект “Peace on Earth: Exploring the Soviet Independent Peace Movement and World of Transnational Solidarity of the late 1970s — 1980s”).

Gordeeva Irina,

St. Philaret’s Christian Orthodox Institute, lecturer in the Department of History, PhD
In 2020 she starts the project “Peace on Earth: Exploring the Soviet Independent Peace Movement and World of Transnational Solidarity of the late 1970s — 1980s” (Gerda Henkel scholarship) to be held at the Center for Contemporary History (ZZF Potsdam).
gordeeva@zzf-potsdam.de

УДК 94(470)+28 (091)

ББК 63.3(2)63)+86.37г

История религиозно-общественного журнала «Ясная Поляна», 1988–1991

The history of the religious and public journal “Yasnaya Polyana”, 1988–1991

Аннотация: Статья посвящена истории независимого религиозно-общественного журнала «Ясная Поляна», который стал одним из немногих пацифистских периодических изданий периода новой политической прессы. Работу по изданию журнала вел молодой толстовец из Риги Георгий Мейтин (род. 1958), тесно связанный с сообществом советских хиппи и знакомый с толстовцами старших поколений. Публикации журнала воспроизводили структуру и тематику толстовской периодики первой трети XX в. Они включали в себя отрывки из статей и писем Л. Толстого, материалы по истории и теории ненасилия, статьи на тему общинной жизни, отказов от военной службы по

мотивам совести, вегетарианства, новости антимилитаристского движения в СССР и т. п. «Ясная Поляна» активно распространялась в среде толстовцев, религиозной общественности, хиппи и анархистов, она сыграла значительную роль в формировании умонастроений молодежи в период перестройки.

Ключевые слова: пацифистский самиздат, религиозный общественный самиздат, толстовское движение, вегетарианское движение, советские хиппи, журнал «Ясная Поляна», Георгий Мейтин.

Summary: The article traces the history of the independent religious and public journal “Yasnaya Polyana”. This magazine became one of the few pacifist periodicals of the period of the new political press. The production of the magazine was carried out a young Tolstoyan from Riga Georgy Meitin (born 1958), who was closely associated with the Soviet hippie community and was familiar with the older generations of Tolstoyans. The publications of the journal reproduced the structure and themes of Tolstoy’s periodicals of the first third of the 20th century. They included excerpts from Tolstoy’s articles and letters, materials on the history and theory of nonviolence, articles on community life, conscientious objection to military service, vegetarianism, news of the anti-militarist movement in the USSR, etc. “Yasnaya Polyana” was actively disseminated among the Tolstoyans, the religious community, hippies and anarchists; it played a significant role in shaping the outlooks of young people during perestroika.

Keywords: pacifist *samizdat*, religious *samizdat*, Tolstoyan movement, vegetarian movement, Soviet hippies, magazine “Yasnaya Polyana”, Georgii Meitin.

В конце XIX — первой трети XX в. в России существовала толстовская пацифистская периодика, представленная эмигрантскими изданиями 1898–1905 годов, легальной прессой революционного периода 1917–1922 годов, а также подпольным «самиздатом» 1920-х — первой половины 1930-х годов. Несмотря на недолговечность этих изданий и нерегулярность выхода в свет, их тематика соответствовала мировому уровню развития общественной мысли в области теории и практики ненасилия. Между журналами, выходившими в разное время, прослеживается идейная преемственность, а круг постоянных авторов и читателей может быть соотнесен с сообществом тех, кто называл себя толстовцами или «свободными христианами» («лицами

свободно-религиозного мировоззрения»). В совокупности эти особенности свидетельствуют о том, что толстовская периодика была призвана играть важную роль в создании пацифистского общественного движения сначала в Российской империи, а затем в СССР. Более того, пацифистские издания толстовцев носили транснациональный характер, представляя собой редкий для того времени пример мышления и солидарного действия этического и эмоционального сообщества пацифистов разных стран мира поверх национальных границ, их сознательной сетевой самоорганизации с целью распространения идей ненасилия.

Редакции периодических органов, издательства, книжные лавки, читальни и информационные бюро, созданные толстовцами, стали опорными пунктами самоорганизации российского пацифистского движения, которое ставило перед собой цель радикального изменения международных, социальных и межличностных отношений в духе любви и ненасилия с помощью всемирной ненасильственной революции братства. Особенно активной и эффективной деятельностью российских пацифистов была в период Первой мировой войны и первых лет советской власти, в то время, когда они еще имели возможность легально критиковать политику большевиков.

Пацифистское движение в СССР уничтожалось в несколько этапов, первый удар был нанесен в начале 1920-х годов, а окончательно подавлено оно было в ходе Большого террора. С тех пор на несколько десятилетий в Советской России у сторонников ненасилия не осталось возможностей для публичных выступлений. Организаторы пацифистского движения — толстовцы — на долгие годы исчезли из общественной жизни. Те из них, кто выжил после репрессий, сосредоточились на деле сохранения памяти о своем движении (спасали архивы и писали воспоминания), но к общественной борьбе и публичным выступлениям не стремились. В 1970-е годы единственным документом толстовцев, распространявшемся в самиздате, было антисталинское письмо толстовца Б.В. Мазурина (1901–1993) писателю Леониду Леонову (1899–1994).

Лишь в середине 1970-х годов историю толстовского движения открывают для себя диссиденты: после неожиданной встречи с толстовцами писатель М. Поповский (1922–2004) начинает собирать материалы о толстовских земледельческих общинах и пишет о них книгу, параллельно историки А. Рогинский (1946–2017) и Д. Зубарев (р. 1946) собирают и публикуют воспоминания толстовцев¹.

Перечисляя тех, кто помогал ему составить сборник о толстовцах, Рогинский, среди прочих, назвал имя Георгия Мейтина (р. 1958). Этот человек открывает уже совершенно новую страницу в истории толстовского движения, связанную с распространением толстовских идей в среде советской контркультуры конца 1970-х — начала 1990-х годов.

Прямого цензурного запрета на распространение религиозно-этических и общественных работ Толстого в СССР не существовало, однако эта часть его наследия, а вместе с ней и история толстовского движения, были надежно спрятаны от широкой публики за ленинским каноном восприятия Льва Толстого как «гениального художника» и «смешного» мыслителя, в соответствии с которым определялись содержание и тиражи собраний сочинений Толстого, проблематика толстоведения и режим доступа к архивным фондам толстовцев, десятилетиями находившимися «в описании». Таким образом, в позднесоветский период разузнать что-то о толстовстве, как и о теории и практике ненасилия в целом, было не так-то просто. Тем не менее, в это время в среде культурного андеграунда стали появляться молодые люди, которые интересовались идеями Л. Толстого. Среди них можно назвать таких непохожих друг на друга людей, как таллинские хиппи Андрей Мадисон (Макабра) (1952–2009) и Александр Дормидонтов (Сассь) (р. 1950), минский хиппи Андрей Лемешонок (р. 1958), львовский хиппи Александр Лобачев (Лобач) (1953–2011), куйбышевский хиппи Владимир Соломко (Ленский), студент Тартуского университета, ленинградец Александр Карев (1959–1981), рижане Георгий Мейтин (Гарик) и Владимир Якушонок (р. 1968), в Москве — собиратель неофициального искусства и легендарный деятель подпольного художественного рынка москвич Владимир Мороз (р. 1929), хиппи Юрий Попов (Диверсант) (1954–1999), участники арт-группы «Мухоморы», хиппи и художник Вячеслав Демин (р. 1960), хиппи-нудист из Томила Виктор Смирнов (Вандерфул, Фуля) (р. 1950), художник, хиппи и активист советского низового движения за мир Александр Рубченко (Рулевой) (1960–2018), уроженец Цюрупинска, выходец из баптистов, хиппи и член Группы Доверия Степан Гура (1962–?), сибирский анархист Игорь Подшивалов (1962–2006).

¹ Янов В.В. Краткие воспоминания о пережитом / Публ. И. Кривина // Память. М., 1977 — Париж, 1979. Вып. 2. С. 83–159. Муратов М.В. Итоги (1912–1954) / Публ. С. Линдина //

Память. 1982. М., 1981 — Париж, 1982. Вып. 5. С. 315–335; Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е гг. / Сост. А.Б. Рогинский. М.: Книга, 1989.

В сентябре 1978 года около трех десятков представителей контркультурной молодежи прибыли в Ясную Поляну на празднование 150-летнего юбилея со дня рождения Льва Толстого. Среди участников «паломничества» были и такие, которые в то время считали себя последователями Толстого — Лемешонок, Карев, Лобачев и Мейтин. Также имели серьезные причины для поездки в Ясную Поляну молодые люди из круга «Антареса» Ильи Смирнова (р. 1958) (будущие «Мухоморы») и христианской общины Александра Огородникова (р. 1950). «До сих пор я не понимаю, каким образом родился и распространился в разных городах призыв почтить память дедушки Льва Николаевича, — вспоминает участник событий Илья Смирнов. — Это какая-то социальная мистика»².

7 и 8 сентября в Ясную Поляну начинают приезжать хиппи из разных городов СССР, при приближении к усадьбе их встречает милиция. Георгий Мейтин вспоминал об этом событии так: «За ворота нас не пускала милиция — говорили, что вид у нас “уж больно несоветский”... Впрочем, попасть на территорию усадьбы не было самоцелью. Хорошо было то, что сюда поехали люди, которым в той или иной степени были близки идеи ненасилия и свободного поиска истины... Всё же я предпринял еще одну попытку: пригладил волосы, оставил брезентовую сумку и с прибывающими обычными посетителями таки прошел. Углубился по аллею в парк, но вскоре меня заметили бдительные люди в штатском, и я был выпровожен назад... Всё же вскоре нас окружили и отвели в пункт милиции в домике у каменных ворот. Там переписали наши документы и сказали, чтобы по-хорошему уходили»³.

Молодые люди разбили лагерь близ усадьбы, но очень скоро появились сотрудники КГБ, которые проверяли документы, вели беседы с молодыми людьми и убедительно просили их уехать, чтобы не «портить праздник советским людям и иностранным журналистам»⁴. Часть непрошенных гостей уехала, не дожидаясь 9 сентября. Благодаря этой поездке толстовцы Лобачев, Мейтин и Лемешонок познакомились друг с другом.

Делегация из Ленинграда, возглавляемая А. Каревым, оказалось более удачливой: они приехали 9 сентября и благодаря приличному внешнему виду и студенческим билетам сумели пройти на территорию усадьбы⁵.

Со своими, отнюдь не тусовочными целями, приехали в эти дни в Ясную Поляну молодые радикалы из группы «Антарес», которая в то время переживала кризис. По воспоминаниям Смирнова, они запланировали встречу с А. Огородниковым и его друзьями по религиозно-философскому семинару, чтобы обсудить

возможности «сотрудничества» левого подполья и религиозных диссидентов. Смирнову также запомнились «шеренги ментов», «массы молодежи», «запах плана» и разговор у костра с необычным диссидентом Огородниковым⁶.

Судьбы «идейных» участников хиппового «слета» в Ясной Поляне сложились по-разному. Студент Тартуского университета Карев умер молодым, так и не став исследователем религиозно-общественных движений, как мечтал, «Мухоморы» самореализовались в творческой области, Андрей Лемешонок стал православным священником. Навсегда сохранили взгляды, близкие толстовским, двое — Александр Лобачев и Георгий Мейтин. Александр и Георгий много путешествовали в поисках тех людей, которых они могли бы назвать единомышленниками. Они обошли пешком и объехали автостопом почти весь СССР и познакомились с множеством религиозных общин и отдельными богоискателями. На «старых» толстовцев они вышли только около 1982 года, когда Георгию с помощью знакомой киевской баптистки удалось получить адрес В.Е. Ювченко (1935–?). В архиве Лобачева — Ювченко, хранящемся в «Мемориале», можно найти свидетельства глубокого уважения толстовцев старшего поколения к молодым людям, самостоятельно обнаружившим почти подпольную религиозно-этическую традицию.

В 1987 году в СССР началась эпоха «новой политической прессы»⁷. Среди новых периодических изданий, еще сохранявших в себе черты самиздата, было несколько журналов антимилитаристской и пацифистской направленности. Первым таким изданием был бюллетень «День за днем» Группы Доверия (выходил с января 1987 года под ред. Н. Храмова), в 1988 году от него отделился бюллетень «Доверие» (под ред. И. и С. Кривовых и Ю. Краснорутского), с января 1988 года Юрий Попов (Диверсант) печатал на пишущей машинке «журнал Системы» «Свобода», в Пскове значительное пацифистское содержание

² Смирнов И. [Воспоминания]. Архив Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете / Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. FSO 01-158 Smirnov. Л. 33.

³ Мейтин Г. Stop. Flat. [Неопубликованные воспоминания].

⁴ Вишня [Вишне-ский В.]. Настоящая история львовских мотопиппи // Хіппі у Львові: Альманах. Львів, 2011. С. 108.

⁵ Карев А. Письмо А. Ноландту от 13 сентября 1978 г. Архив В. Резункова. Письма А. Карева.

⁶ Смирнов И. Указ. соч. Л. 33, 33-2. Вскоре после поездки Огородников был арестован, в связи с чем участники разговоров у костра вызывались на беседы в КГБ.

⁷ Трукова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М.: ГПИИР России, 2005. С. 9.

присутствовало в журнале В. Никольского (Юфо) (р. 1953) и Н. Евдокимовой «12: Журнал независимых мнений» (выходил с марта 1988 года) и чуть позже в журнале псковских школьников «Переадика» (1989–1990, ред. Д. Цветков и С. Кривов).

Первый номер самиздатского журнала толстовского и пацифистского направления «Ясная Поляна» вышел в марте 1988 года в городе Риге. Редактором журнала был участник поездки в «Ясную Поляну» Георгий Мейтин, толстовец, тесно связанный с сообществом советских хиппи и известный среди них под именем Гарик Рижский⁸. В качестве адреса для связи был указан его домашний адрес. Большую часть своей редакторской работы он осуществлял в одиночку в котельной, где работал кочегаром. Финансирование журнала складывалось из личных денег Георгия и пожертвований читателей⁹. На первых порах с журналом помогал молодой рижский пацифист Владимир Якушонок (род. 1968).

Георгий родился в Риге в 1958 году. В старших классах открыл для себя идеи ненасилия Толстого и стал его последователем. Он пережил одновременно и религиозный, и этический переворот: «Постепенно я стал приходить к убеждению о недопустимости насилия. Я стал внимательно всматриваться в жизнь и замечать, что насилие не уничтожает зло, а наоборот, увеличивает. В то же время всё больше открывалась мне взаимосвязь и единство жизни в Боге. Я стал видеть в людях и во всем то же начало, что и во мне, то, что всех и всё объединяет»¹⁰.

Пацифистские убеждения потребовали согласования жизни с новыми ценностями: Георгий стал вегетарианцем, постепенно учился поступать по совести — вместо автоматического подчинения коллективу в старших классах вступил в конфликт с учителем начальной военной подготовки, отказался платить взносы в ДОСААФ¹¹, после школы сумел избежать призыва в армию, отказался от получения высшего образования, долгое время занимался физическим трудом, работал в котельных — сначала в угольных, а затем в газовых, путешествовал по стране автостопом.

В позднее советское время люди с необычными взглядами легче всего находили свой круг общения в среде культурного андеграунда. Георгий познакомился с рижскими хиппи — М. Бомбиным (1951–2011), И. Свиклан и Ю. Новоселовым, и, хотя «*Sex, Drugs & Rock'n'Roll*» — это совсем не его лозунг, он сумел рассмотреть, что его новые друзья — «красочные и светлые»¹², и постепенно влился в Систему, посещая летние лагеря хиппи и обмениваясь с ними самиздатом.

В Риге вокруг Георгия возник небольшой кружок молодых людей, которые читали Л. Толстого и обсуждали идеи ненасилия. КГБ случайно обнаружил самиздатскую рукопись воспоминаний Георгия «Два лета», после чего пацифистов вызвали на «беседы» в КГБ, и они открыто заявили о своем негативном отношении к военной службе, о приверженности ценностям ненасилия, а также о том, что они верят в Бога. Четверо из пяти были вегетарианцами, но не все считали себя толстовцами. По следам этих событий в рижской газете «Советская молодежь» была напечатана статья «Заблудшие овечки или...»¹³. В статье рассказывалось о том, что в Риге обнаружена группа пацифистов, не желающих служить в армии. Автор статьи сокрушался — куда смотрят школа и комсомольская организация и выражал возмущение, что в школе этих молодых людей так и не научили правильному пониманию Толстого.

Поездки по стране с целью знакомства с верующими людьми, общение с хиппи, толстовцами и представителями различных религиозных течений, чтение работ Толстого и других мыслителей, самиздата и литературы по истории толстовства и религиозно-общественных движений открывали для Георгия всё новые и новые страницы забытой в Советском Союзе истории ненасилия. С началом перестройки, ощущая актуальность ценностей ненасилия для страны, Георгий решает выпускать религиозно-общественный журнал «Ясная Поляна».

Первые номера журнала печатались на машинке в количестве примерно 30 экземпляров. С 1989 года «Ясная Поляна» выходила на ротاپринте, тираж ее достиг 3 тыс. экземпляров¹⁴.

⁸ Справочник периодического самиздата / Сост. А. Суетнов. М.: Из глубин, 1990. С. 111 (фотография редактора журнала).

⁹ Н. Храмов перечислял журнал среди тех немногих, которые распространялись бесплатно (*Храмов Н. Ротапринтная революция? // Независимый библиограф. № 2. Справочник периодического самиздата / Сост. А. Суетнов. М., 1989. С. 28*). Это не исключает таких случаев, когда распространители самиздата могли продавать журнал, делясь частью выручки с редактором.

¹⁰ Мейтин Г. [От редактора] // Век XX и мир. 1989. № 1. С. 32.

¹¹ Мейтин Г. Размышляя о жизни // Ясная Поляна. 1988/1989. № 5. С. 29–30.

¹² Мейтин Г. Stop. Flat. [Неопубликованные воспоминания]

¹³ Соловьев А., Трофимов В. Заблудшие овечки или... // Советская молодежь. (Рига), 10.03.1982.

¹⁴ Периодичность выходы журнала была следующей: № 1 (март 1988), № 2 (апрель–май 1988), № 3 (июль–сентябрь 1988), № 4 (октябрь–ноябрь 1988), № 5 (декабрь 1988 — январь 1989), № 6 (февраль–апрель 1989), № 7 (май–август 1989), № 8 (сентябрь–ноябрь 1989), № 9/10 (декабрь 1989 — апрель 1990), № 11 (1990), № 12 (1991). Первый номер журнала был помещен в прозрачные папки с рисунком фонаря и надписью “Riga”.

В связи с большим интересом к журналу в 1989 году его первые малотиражные машинописные номера были переизданы в сокращенном виде в форме дайджеста, в который вошли первые четыре номера за 1988 год.

Появление журнала толстовского профиля, как и в целом начавшийся в перестройку процесс возвращения памяти о толстовском движении, воодушевили старых толстовцев. М.И. Горбунов-Посадов (1908–1991), толстовец во втором поколении, писал в частном письме от 23 июня 1988 года: «Сейчас ситуация несколько напоминает 1861 г., я как-то никак не могу поверить, что доживу до такой поры. Сейчас, в частности, начал, как вы знаете, выходить сборничек “Ясная Поляна” (молодец Георгий) и есть вероятность выхода в издательстве “Книга” сборника статей о с/х коммунах наших единомышленников. Кроме того, в журнале “Новый мир” № 9 печатается часть воспоминаний Мазурина о коммуне. Вряд ли он ожидал, что при жизни дождется этого»¹⁵.

В первом номере в жанре автоинтервью Георгий разъяснил читателям направление журнала:

«— *Ясная Поляна*. Кроме того, что здесь жил и творил великий писатель, какие еще ассоциации вызывает это название?

— Еще это было место, куда приходили и приезжали люди различных сословий, бедные и богатые, знаменитости и совсем безвестные, и не только поклонники литературного таланта Льва Николаевича Толстого. Но *Ясная Поляна* стала местом своеобразного паломничества искателей истины со всех концов света: из России и Японии, из Американских Соединенных Штатов и Англии... Это были люди различных народов и языков, различного воспитания, различных обычаев, различных убеждений. И седой старец старался найти со всеми общий язык, найти то, что близко каждому, что всех объединяет»¹⁶.

Поясняя связь журнала с толстовством, Георгий отметил, что его направление можно считать толстовским, но «все не обязательно». Издание как раз и было создано для того, чтобы прояснить, что же такое толстовское движение — в широком смысле, которое Георгий описал следующим образом: «Пожалуй, можно сказать о ненасилии, свободном поиске истины и, конечно же, о том, что все люди — братья. Не ограниченное определенной формой, оно проявлялось то в движении земледельческих коммун во всем мире, то в ненасильственном сопротивлении и во многом другом. В лихолетье 30–40-х годов физически почти уничтоженное в России, оно в то же время

некоторыми своими сторонами расцвело на индийской земле в форме гандизма, сатьяграхи. В определенной степени оно проявилось и в движении американских негров под руководством Мартина Лютера Кинга»¹⁷.

В первом номере журнала были напечатаны отрывки из высказываний Толстого на тему земледельческих коммун, статья молодой рижанки о жестокости системы воспитания в детских домах, эссе бывшего баптиста из Запорожья, прошедшего лагеря и отлученного в 1979 году от баптистской церкви «за толстовство», П.С. Салимонова (1910–1988) об учении Христа, статья самого Мейтина «Исповедую ненасилие», выдержки из журнала канадских духоборов «Искра» за 1973 год и другие материалы. В разделе «История: Воспоминания и документы» было опубликовано заявление о реабилитации толстовца Д.Е. Моргачева (1892–1978), стихи толстовцев 1930-х годов и письмо Б.В. Мазурина историку З.В. Калиничевой.

Во втором выпуске (май 1988 года) были помещены отрывки из писем читателей, среди которых были толстовцы Ю. Егудин и А. Лобачев и псковский хиппи В. Никольский, специально для «Ясной Поляны» написал статью «старый» толстовец И.Я. Драгуновский (1908–?), статья редактора журнала «Выбор совести», обращение Группы за установление доверия между Востоком и Западом с призывом восстановить право на отказ от военной службы по мотивам совести, освободить всех осужденных за отказ от военной службы и учредить альтернативную гражданскую службу, новости о протестах в высших учебных заведениях страны против военного обучения, проповедь Мартина Лютера Кинга.

13 ноября 1988 года М.И. Горбунов-Посадов писал киевскому толстовцу Ювченко: «Да, Мейтин действительно молодец. В одиночку предпринял такое важное дело. Я уже получил № 4. “Интересность” от выпуска к выпуску не снижается»¹⁸.

Таким образом, сформировалась тематика публикаций журнала: отрывки из статей и письма Льва Толстого, публицистические материалы по вопросам истории и теории ненасилия, материалы по истории толстовского движения из личных архивов и старых изданий, которые долгое время были недоступны

¹⁵ Архив Международного Мемориала. Фонд А. Лобачева — Е. Ювченко. Короб 1.

¹⁶ [Мейтин Г.] «Ясная Поляна». По поводу выхода журнала // Ясная Поляна. № 1. 1988. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 2.

¹⁸ Архив Международного Мемориала. Фонд А. Лобачева — В. Ювченко. Ящик 2.

советскому читателю¹⁹, история ненасильственного протеста (гандизм, движение Мартина Лютера Кинга), общинная жизнь, отказы от военной службы по мотивам совести, альтернативная гражданская служба, этические проблемы нонконформизма, свобода совести, вегетарианство, смертная казнь²⁰, антиграничные настроения, всеобщее братство людей, новости антимилитаристского движения в СССР, борьба с употреблением наркотиков и другими вредными привычками. За редким исключением, к которым можно отнести, пожалуй, только проблему смертной казни и злоупотребления наркотиками, эти проблемы в СССР не обсуждались публично с 1920-х годов.

Журнал «Ясная Поляна» первым из всей перестроечной прессы начала публикацию материалов по истории толстовского движения, их можно было найти и в основном разделе, и в «Разделе истории» или «Архиве», здесь же печатались статьи и документы по истории мирового пацифизма. Помимо уже упомянутых текстов Д.Е. Моргачева, Б.В. Мазурина и И.Я. Драгуновского, «Ясная Поляна» опубликовала стихи толстовцев, отрывки из их переписки, публицистику И.И. Горбунова-Посадова (1864–1940), воспоминания Е.Ф. Шершеневой (1905–1979) о Московском вегетарианском обществе, рассказ крестьянина А.И. Кудрина (1884–1916) об его отказе от военной службы, Декрет Совнаркома от 4 января 1919 года, заявление Н.А. Шестоперова военно-полевому прокурору с описанием мотивов отказа от военной службы, материалы Общества истинной свободы в память Л.Н. Толстого, включая критический по отношению к советской власти доклад исследователя сектантства М.В. Муратова (1892–1957) от 11 мая 1919 года, биографический очерк Б.В. Мазурина «Иван Баутин», материалы о расстрелянном большевиками отказчике от военной службы В.Е. Таракине (ок.1899–1919), статью В.Ф. Булгакова (1886–1966) «Духоборцы», воспоминания толстовца А. Шевченко «О моей жизни» и другие. Исторические материалы Георгий получал через толстовцев М.И. Горбунова-Посадова, И.Я. Драгуновского, П.С. Салимонова, В.Е. Ювченко, М.И. Перпер (1918–2001), Ю. Егудина, А.Г. Гросбейна (1895–1991), А. Мозгового (1906–?), А.В. Шевченко, А.С. Бойчука, Л. Левинскаса.

«Ясная Поляна» ставила перед собой цель «знакомить читателей с общественными движениями, основывающими свою деятельность на благоговении перед жизнью»²¹. В ней печатались заметки о таких организациях и движениях, как Интернационал противников войны, Международное содружество примирения, канадские духоборы, Greenpeace, Группа Доверия,

группа Свободная инициатива, Транснациональная радикальная партия, латышское экологическое движение и другие. Материалы по истории зарубежного пацифизма XX в. Георгий получал от членов Группы Доверия А. Рубченко и Н. Храмова, также он перепечатывал материалы других пацифистских и антимилитаристских изданий — «День за днем», «Свобода», «12: Журнал независимых мнений», «Переадика»; некоторые из этих изданий, в свою очередь, перепечатывали материалы из «Ясной Поляны».

Уникальной была рубрика «По пути демилитаризации» («Милитаризм и шаги демилитаризации»), в которой публиковались новости из разных городов страны о протестах учащейся молодежи против начальной военной подготовки и милитаризации образования, уклонениях и отказах от военной службы²².

В каждом выпуске Георгий помещал небольшую заметку «от редакции» или «редакция отвечает на вопрос», и почти всегда — пространную статью, раскрывающую тот или иной аспект теорий ненасилия. В первом номере это было автоинтервью и автобиографическая статья «Исповедую ненасилие» (рассуждения о ненасилии как идеале, а не догмате), во втором — заметка «Выбор совести» (о перестройке, «новом мышлении», мирных инициативах и отказах от военной службы по совести), в третьем — «Шаг с надеждой» (о борьбе с наркотической зависимостью), в четвертом — «Выйти из строя» (о пацифистском нонконформизме), в пятом — «Размышляя о жизни» (об индивидуализме, коллективизме и неповиновении), в седьмом — «Не осуждай человека» (об отношении к другим людям и особенно тем, чьи взгляды нам не близки). Георгий отличался недогматическим отношением к идеям Толстого: обращаясь к забытой традиции и стремясь возродить ее, он критически осмысливал ее, адаптировал к современности, признавал многообразие путей к истине.

Среди корреспондентов, отрывки из писем которых были опубликованы в «Ясной Поляне» — А. Бойчук (Киевская область), В.Е. Ювченко (под псевдонимом Ю. Владев, Киев), М. Панченко (Киев), В. Киселев (Киев), М. Юнгер (Киев), П.С. Салимонов,

¹⁹ Это были материалы из «Вегетарианского обозрения» и «Искры» — газеты канадских духоборов. В личной беседе Георгий также упомянул, что при работе над журналом источником вдохновения для него служили периодические издания «Свободного слова» конца XIX — начала XX в.

²⁰ Например, в № 5 была опубликована статья Арсения

Рогинского «Смертная казнь и интеллигенция в России», написанная в Ленинграде в 1987 году.

²¹ Ясная Поляна. 1990. № 8. С. 2.

²² Материалы об отказах в то время можно было найти в бюллетенях «День за днем», «Доверие», «12» и «Бюллетене христианской общественности».

С. Тимофеев (Рига), В. Гончарова (Волгоград), В. Лыткин (Новосибирск), В. Габедава (Тбилиси), А. Переберин (Новосибирский Академгородок), Д. Григорьев (Новгородская обл.), Е. Карамышева (Новосибирск), Д. Иванютенко (Новосибирск), М. Казаков (Москва), А. Мадисон (Таллинн), В. Назаров (Покров — Новочеркасск), О. Бобин (Карелия, г. Олонец), А. Шевченко (Бахчисарай) и другие²³. Это была своего рода традиция толстовской пацифистской периодики, заложенная еще в начале XX века: предоставлять слово не только и не столько властителям дум, знаменитостям, интеллектуалам, но прежде всего — обычным людям, богоискателям и самостоятельным мыслителям из народа. По свидетельству редактора, он получал отклики даже из тюрьмы²⁴.

Некоторые из авторов писем в «Ясную Поляну» были (или стали позднее) «широко известны в узких кругах». Например, в третьем номере было опубликовано письмо молодого человека по имени Дмитрий Жвания (р. 1961), бывшего фаната ЦСК из Ленинграда, который писал, что он и его друзья устали от насилия и пришли к выводу, «что изменить окружающих можно только через совершенствование. Пускай это длительный процесс, даже очень, пускай он идет мучительно долго, но он надежен»²⁵. Чтение «Ясной Поляны», однако, не пошло Жвании впрок: вскоре он перешел от мирного анархизма к троцкизму и стал сторонником террористической борьбы²⁶.

Серьезные критические рецензии на материалы журнала Георгий получал от Андрея Мадисона — таллиннского хиппи, интересовавшегося идеями Л. Толстого («для меня Толстой всегда был великим примером поисков, сомнений, мучений, честности и открытости») и религиозно-общественными движениями²⁷. О журнале Мадисон писал: «Лейтмотивные слова большинства материалов так или иначе — свобода и Бог. И их предикаты»²⁸. Особенно его интересовали коммунитарные идеи, материалы о которых можно было встретить в журнале: «Меня давно влечет коммунитарная жизнь (и описательно — просто радостно читать о благожелательном сожитии, и как возможный житейский опыт — просто пока не нашлась подходящая компания, зато в нашем доме постоянно кто-нибудь бывает, и я счастлив, когда совершенно исчезает деление на хозяев и гостей)»²⁹.

В 9/10 и 11 выпусках «Ясной Поляны» Георгий опубликовал второй вариант своих воспоминаний «Два лета»³⁰. В них он рассказывал о том, как во время своих путешествий автостопом летом 1979 и 1980 годов задерживался милицией, попадал в спецприемники, подвергался насильственной стрижке

и при этом пытался относиться к тем, кто его преследовал, в соответствии со своей верой в то, «что в каждом человеке есть доброе, что все — братья, все — дети Божьи»³¹.

В 1991 году, накануне распада Советского Союза, делать журнал в одиночку было уже очень тяжело — и физически, и финансово, и морально. По словам Георгия, «время самиздата прошло», а на профессиональном уровне выпускать журнал у него «нет ни сил, ни способностей»³². Последние два номера выходили уже в формате ежегодника. В письме к А.В. Шевченко от 27 сентября 1991 года Георгий писал о прекращении выпуска журнала: «Издание “Ясной Поляны” действительно закончилось, но, как мне иногда приходится слышать, журнал — уже независимо от меня — продолжает свою работу: его читают в разных городах, и кто-то бросает курение, кто-то перестает поедать трупы животных, кто-то даже отказывается от военной службы и, я надеюсь, что кто-то располагается к примирению»³³. В том же году Советский Союз прекратил свое существование, и редактор «Ясной Поляны» и его читатели оказались гражданами разных стран.

«Ясная Поляна» оставила заметный след в истории общественных движений периода перестройки. В среде позднесоветских анархистов интерес к работам Толстого был очень высок, поэтому неслучайно в конце 1980-х — начале 1990-х

²³ Большинство писем остались неопубликованными и хранятся в личном архиве Г. Мейтина.

²⁴ Мейтин Г. Письмо В.Е. Ювченко от 23 октября 1991 г. Архив Международного Мемориала. Фонд А. Лобачева — В. Ювченко. Короб 2.

²⁵ Из почты «Ясной Поляны» // Ясная Поляна. 1988. № 3. С. 4.

²⁶ Жвания Д. Путь хунвейбина: (хроники последней русской революции). СПб.: Амфора, 2006.

²⁷ Мадисон известен как автор статьи «Левый Лев: Лев Толстой как хиппи, панк и анархист». См. Мадисон А. Левый Лев: Толстой как хиппи, панк и анархист // Мадисон А.О. Отражение. СПб., 2004. С. 87–112.

²⁸ Мадисон А. Письмо Г. Мейтину от 24 апреля 1989 г. Л. 2, 1. (Личный архив Г. Мейтина).

²⁹ Мадисон А. Письмо Г. Мейтину от 21 ноября 1989 г. Л. 2. (Личный Архив Г. Мейтина).

³⁰ Как упоминалось выше, первый вариант воспоминаний был изъят КГБ в 1982 г., написанные заново в 1985–1986 годах воспоминания ходили в самиздате и были еще до появления в «Ясной Поляне» опубликованы в альтернативной печати нескольких городов, например, в рижском журнале «Третья модернизация» (1987, №№ 1, 2) и, предположительно, в журнале В.В. Калининского «Дилетант» (Владивосток). Позднее «Два лета» перепечатывались в № 2 «Даугавы» за 2004 (с. 70–119).

³¹ Мейтин Г. Два лета // Ясная Поляна. 1990. № 11. С. 60.

³² Мейтин Г. Письмо В.Е. Ювченко от 23 октября 1991 г. Архив Мемориала. Фонд А. Лобачева — В. Ювченко. Короб 2.

³³ Мейтин Г. Письмо А.В. Шевченко от 27 сентября 1991 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7192461> (Номер в Госкаталоге: 6999901; номер по ГИК (КП): КП-25686).

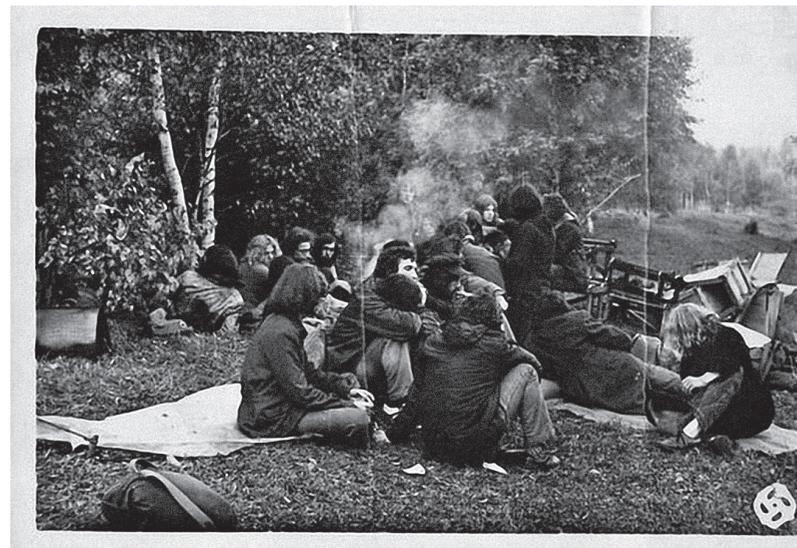

Хиппи в Ясной Поляне.
около 7–8 сентября 1978 г.
Фото Г. Порицкого (Грега)

годов именно в анархистских кругах «активно циркулировал» журнал Георгия³⁴. О своем тесном знакомстве с журналом нам рассказали москвичи П. Рябов и К. Букетов, С. Шевченко (в то время принадлежал к донецкой группе анархо-синдикалистов) и А. Дубовик (альянс казанских анархистов). По свидетельству последнего, в их группе не только читали журнал и комплектовали им свою библиотеку, но и распространяли его вместе с другими анархистскими журналами, считая его своим, анархистским.

Таким образом, журнал был единственной площадкой, которая соединила несколько поколений и религиозно-общественных направлений сторонников ненасилия в СССР в деле возрождения памяти, обсуждения дискуссионных проблем и восстановления прерванных в СССР традиций толстовского и пацифистского движения.

Легендарный редактор «Ясной Поляны» Георгий Мейтин и по сей день живет в Риге. После прекращения выпуска журнала общественной деятельностью он не занимался. И хотя «старые» толстовцы уже ушли в иной мир, более молодое поколение читателей журнала прекрасно помнит Георгия. Любое упоминание его имени порождает массу добрых воспоминаний о том безвозвратно ушедшем и почти забытом времени, когда в нашей тогда еще общей стране многие люди считали себя приверженцами ценностей ненасилия, прислушивались к голосу своей совести, верили в силу ненасильственного протеста, а также в то, что все люди — братья, а потому отношения между людьми должны быть мирными.

Лагерь хиппи в Ясной Поляне,
около 7–8 сентября 1978 г. На переднем
плане крайний слева — Г. Мейтин (Гарик).
Фото Г. Порицкого (Грега)

Г. Мейтин (Гарик) (в центре),
остриженный в спецприемнике.
Рига, Межапарк, лето 1979 г.

³⁴ Тарасов А.Н. Революция не всерьез: Штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. С. 245–246.

Г. Мейтин (Гарик) и его рижские друзья-пацифисты. Рига, площадь у Домского собора, 1981 г.

Георгий Мейтин (Гарик), Лена Губарева (Лой) и Стас Мигалантьев. Таллин, 1 мая 1980 г. (архив Г. Мейтина)

Г. Мейтин (Гарик) в лагере хиппи на р. Гауя, лето 1987 г. (архив А. Иванова)

Г. Мейтин (Гарик) и А. Герасимова (Умка). Рига, 2009. Фото Л. Золнеровичса

Рогаар Ева,
Иллинойский университет
в Урбане-Шампейне,
аспирант исторического
факультета

Eva Rogaar,
University of Illinois at Urbana-
Champaign, Department of History,
PhD candidate
rogaar2@illinois.edu,
evarogaar@gmail.com

УДК 94(470)+29 (091)
ББК 63.3(2)63)+86.38г

Малотиражная российская мусульманская печать в конце 1980-х – начале 2000-х годов

Russian small- circulation Muslim publications between the late 1980s – early 2000s

Аннотация: Малотиражные мусульманские газеты конца 1980-х — начала 2000-х годов — важный материал для изучения развития мусульманского сообщества в позднесоветский и постсоветский периоды. Публикации этих изданий представляют разнообразные точки зрения на развитие мусульманского сообщества и его роль в социальных и общественных вопросах того времени. Они демонстрируют, как различные исламские организации старались знакомить широкую аудиторию мусульман и немусульман с религией и находить в исламе ответы на вопросы о достойной жизни в быстро меняющемся мультирелигиозном немусульманском обществе.

Ключевые слова: Советский Союз, постсоветская Россия, общество, мусульманская печать, ислам, новые мусульмане, духовность, идентичность.

Summary: Russian small-circulation Muslim newspapers from the late 1980s — early 2000s are an interesting lens for examining the development of the Russia's Muslim community in the late Soviet and post-Soviet period. These publications provide various points of view on the development of the Muslim community and on its role in social and societal questions of this period. They demonstrate how Muslim organizations sought to introduce a wide audience, Muslims as well as non-Muslims, to Islam and to find in this religion answers to questions about how to live a moral life in a rapidly changing multi-religious, non-Muslim society.

Keywords: Soviet Union, post-Soviet Russia, society, Muslim press, Islam, new Muslims, spirituality, identity.

Мусульманская печать и духовный поиск в постсоветской России

Мусульманская печать конца 1980-х — начала 2000-х годов является богатым источником исторических данных, а также информации о развитии мусульманского сообщества в России и российского общества в целом. Это время, с одной стороны, характеризовалось страхом и неуверенностью из-за нестабильной политической, экономической и социальной ситуации в России конца 1980-х и раннего постсоветского периода. В идеологическом и моральном вакууме того времени люди заново учились управлять своей жизнью, искали ответы на новые общественные вопросы и нуждались в моральной поддержке. После десятилетий «государственного атеизма» ситуация со свободой слова и вероисповедания коренным образом изменилась. Начиная с периода перестройки, преследования верующих прекратились и многие идеологические запреты были полностью сняты. Интерес к различным духовным практикам, религии и оккультизму существовал и раньше¹, но во время перестройки и в постсоветский период возможности его удовлетворения значительно увеличились. Свобода слова, совести и вероисповедания

¹ Менцель Б., Хагемейстер М., Глацер Розенталь Б. (сост.). Нью-эйдж России: Оккультные и эзотерические измерения. Мюнхен; Берлин: Отто Сагнер, 2012.

легализовали многие уже существующие религиозные, духовные и идеологические объединения и открыли пути для создания новых. Общественная, духовная, интеллектуальная жизнь в этот период характеризовалась текучестью, нестабильностью, но и широкими возможностями развития².

В конце 1980-х — начале 2000-х годов возникали многочисленные организации, в том числе религиозные, выпускавшие собственные газеты, журналы и другие периодические издания³. Ислам и мусульманские организации не являлись в этом смысле исключением: в российском обществе происходило настоящее «возрождение» ислама или «реисламизация» — интенсивное развитие религиозных институтов, проявившееся в росте числа мечетей, численности служителей ислама, общего количества граждан, считающих себя верующими, рост интереса к исламской культуре⁴, развивалась сеть мусульманских организаций. В годы, когда интернет еще не получил широкого распространения и не стал основным поставщиком информации⁵, печатная периодика, наряду с теле- и радиопрограммами, были важным источником знаний об исламе для широкой аудитории и оказывали значительное влияние на общество.

Помимо дискуссий на богословские темы и важнейшей информации о направлении работы и сотрудниках различных мусульманских организаций, эти издания также дают представление о путях распространения и популяризации ислама среди широкой аудитории мусульман и немусульман, а также о роли, которую сыграл ислам в современном постсоветском обществе на фоне политических, социальных и экономических реформ и проблем. Центрами мусульманской печати в эти годы были (и остаются ими до сих пор) Казань, Грозный, Махачкала, Уфа, Нижний Новгород, Москва, Ижевск, Екатеринбург, Саратов⁶.

Газеты, ставшие материалом этой статьи, были в основном малотиражными и печатались в Европейской части России, прежде всего в Москве, поскольку там вопрос о жизни мусульман как религиозного меньшинства в немусульманских регионах России стоял особенно остро. Многочисленные проблемы ислама и жизни мусульман освещались такими известными изданиями конца 80-х — начала 90-х годов, как «Мусульманский вестник» под руководством муфтия Саратовской области хазрата Мукаддаса Бибарсова (Саратов, с 1989 г.), «Ат-Тавхид» («Единобожие») Гейдара Джемаля (Москва, с 1990 г.), «Аль-Вахдат»

(«Единство») — газета Исламской партии возрождения (Москва, с 1991 г.), «Мусульманский курьер» (главный редактор — Ильдар Мухамеджанов) (Москва, с 1991 г.), «Знамя ислама» (Москва, с 1998 г.), «Всё об исламе» под редакцией Али Вячеслава Полосина (Москва, с 2003 г.) и др. Тираж этих газет варьировался в пределах от 999 до 35 тыс. экземпляров.

Аудитория и основные характеристики

Разумеется, каждое издание и организация имеют свои идеологические особенности, определяемые их политической принадлежностью, связями с официальными мусульманскими структурами (или независимостью от них). Тем не менее, материалы всех этих изданий имеют много общего, и данная статья в первую очередь сосредоточена на сходных характеристиках, что помогает лучше понять, как эти газеты позиционировали себя перед аудиторией и каким образом они представляли ислам в качестве одного из факторов жизни отдельных людей и общества в целом. Все газеты, о которых мы будем говорить, нацелены на широкую аудиторию и являются русскоязычными (часто с использованием отдельных арабских слов). Это связано с тем, что для широкой читательской аудитории, которой они адресованы, русский язык, несмотря на различие коренных языков «этнических мусульман» России, является единой, объединяющей «лингва франка».

Первые номера данных газет являются для нас особенно показательными, поскольку на их страницах конкретно сформулированы цели этих изданий и организаций, которые

² Джонсон Дж. Религия после коммунизма: вера, идентичность и советское наследие в России // Религия и идентичность в современной России. Возрождение православия и ислама. Алдершот: Ашгейт, 2005. С. 1–25.

³ Исхаков Р.Л. Периодическая печать мусульманской России // Журналистика и массовые коммуникации. 2012. № 4. С. 36–45; Бейссингер М. Национализм и распад Советского коммунизма // Современная европейская история. 2009. № 3. С. 333–334; Степанянц М. Этно-религиозная идентичность в современной России // Религия и идентичность в современной России. Возрождение православия и ислама. Алдершот: Ашгейт, 2005. С. 26; Пруцкова А.С. Современная религиозная печать России (1990–2006): Каталог. Москва: ExLibris, 2007.

⁴ Кобзев А., Организация татарами-мусульманами новых религиозных объединений в 1980-х — начале 1990-х гг. // Власть. 2012. № 11. С. 126.; Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. Москва: Московский Центр Карнеги, 1998.

⁵ Сибгатуллин А. Исламский интернет. М.; Нижний Новгород: Медина, 2010.

⁶ Исхаков Р.Л. Указ. соч. С. 36–45.

они представляют. Например, издатели газеты «Аль-Вахдат» (газеты Исламской партии возрождения) заявляют: «Сегодня нам возрождать дух ислама, отстаивать его, опровергать разные домыслы об исламе и мусульманах, разрушать веками лепившийся образ “враждебного к цивилизации”, “несовместимого с наукой” ислама. Мы будем сотрудничать со всеми мусульманами, будем добиваться объединения их на основе Корана и Сунны, независимо от мазхабов и личных предпочтений. Ислам один, едина и Умма, разногласия второстепенны <...> Мы не собираемся быть судьями, у нас нет предубеждений, мы предоставим страницы нашей газеты самым полярным мнениям, попытаемся осветить самые животрепещущие проблемы мусульман с разных точек зрения...»⁷ Таким образом, авторы «Аль-Вахдат» и других газет стремятся объединить мусульман разных течений и мазхабов, разрешая или предотвращая противоречия (идеологические, этнические) в мусульманской среде и в российском обществе. Они стараются поддерживать диалог с немусульманами и знакомить их с исламом, а также бороться с негативными стереотипами, представляющими ислам отсталой и опасной религией. Издатели и авторы также стремятся делать свои газеты демократичными, привлекая читателей к активному участию в диалоге, и периодически обвиняют другие организации и издания в том, что они недостаточно обращают внимание на потребности «обычных людей»⁸.

В газете «Мусульманский вестник» под редакцией М. Бибарсова предлагается более активный подход к распространению ислама в России и роли отдельных мусульман в этом процессе: «Главными целями общества являются распространение путем пропаганды и агитации исламской веры, повышение культурного уровня и социальной активности мусульман, увеличение их вклада в экономический, культурный и духовный прогресс общества, гармонизация межнациональных отношений, укрепление разносторонних связей с другими объединениями, обществами других городов и регионов страны»⁹. Автор, таким образом, поощряет читателей быть преданными, активными гражданами своей страны и при этом убежденными мусульманами, активно и глубоко изучающими свою религию.

Все рассматриваемые газеты заинтересованы в привлечении к дискуссии людей разных верований и национальностей, в преодолении религиозных и этнических границ и укреплении взаимопонимания в мультирелигиозном и мультиэтническом российском обществе. Издатели газеты «Знамя ислама» подчер-

квивают, что «возрождение духовных ценностей ислама в России позволяет мусульманам всех субъектов нашей страны чувствовать себя уверенно в многонациональном российском и мировом обществе»¹⁰.

Такой подход, представленный и во многих других публикациях, соответствует утверждению Ф.Г. Вагаповой о том, что «спецификой современных мусульманских СМИ является та особенность, что целью их работы является не простое удовлетворение права общества на информацию, а использование журналистики как инструмента выполнения собственной миссии на Земле и/или пропаганды ее. Просветительско-образовательная гуманитарная функция мусульманских СМИ особо значима социальной адресованностью, гражданской позицией журналиста, интегрированностью в журналистское сообщество России, продвижением толерантного информационного пространства и информационной безопасности»¹¹. Поэтому, по мнению Вагаповой, такое объединение гражданской активности, толерантности и преданности религии характерно именно для мусульманских СМИ в постсоветской России. Действительно, кажется, что мусульманские газеты больше, чем другие религиозные издания того времени, поощряют своих читателей не только думать о себе, своей семье и работе над собой, но и бороться за справедливость, инклюзивность и благополучие общества, частью которого они являются, со всеми его различными этническими и религиозными компонентами¹². Такой взгляд на место ислама

⁷ К читателю // Аль-Вахдат = Единство. 1991. № 2. С. 1.

⁸ Например, В добрый путь, ИПР! // Нур-ул Ислам: специальный выпуск. Август 2001.

⁹ «Исламский призыв»: Саратовское исламское культурно-просветительное общество // Мусульманский вестник: Спецвыпуск. 1990. С. 1, 4.

¹⁰ Международная исламская конференция «Роль мусульман в духовном возрождении России», посвященная 95-летию Московской Соборной мечети и 5-летию Духовного управления мусульман европейской части России // Знамя Ислама. 1999. № 3. С. 1–2.

¹¹ Вагапова Ф.Г. Мусульманские СМИ: Этико-правовые аспекты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 431.

¹² Автор статьи, наряду с мусульманскими изданиями, рассматривает и сравнивает другие религиозные и духовно-просветительские издания 1990-х — 2000-х годов, например, «Амвон» (православный журнал), «Братский вестник» (журнал Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов), «Буддизм России», «Чаша», «Ясная Поляна» (журнал Толстовского общества), «Информационный вестник» (журнал Христианского социального движения), «Харе Кришна», «Христианская газета», «Путь к себе» (буддийский журнал), «Слово», «Святая Русь» (православный журнал), «Вестник Еврейского агентства в России», «Вестник христианской демократии» и др.

и мусульман также подтверждает идею о лояльном исламе как об одной из «традиционных религий» в России¹³.

Другая важнейшая общая характеристика рассматриваемых газет — доступность языка, используемого для объяснения основ ислама. Исключением является лишь газета «Ат-Тавхид», ориентированная на сугубо интеллектуальную аудиторию. Эти русскоязычные газеты не только предоставляют читателям — как этническим мусульманам, так и новообращенным, а также немусульманам, — обширную информацию об исламе и мусульманском мире. Они делают это последовательно, шаг за шагом, не требуя от читателей никаких предварительных знаний об исламе. «Мусульманский вестник», например, сообщает базовые факты об исламских организациях за границей и значении праздника ураза-байрам. Газета «Знамя ислама» в специальной рубрике знакомит с основами ислама, представляет мини-словарь арабской лексики.

Газеты, о которых мы говорим, обращены к аудитории, не располагающей глубокими религиозными знаниями. Эти издания «берут читателя за руку», чтобы ввести его в мир ислама. Они рассказывают о проблемах, с которыми мусульмане сталкиваются в России и других странах, о взаимодействии ислама с внутренней и внешней политикой разных стран. В литературных разделах публикуются образцы поэзии и прозы мусульманских авторов. В целом, эти издания стремятся предоставлять всеобъемлющую информацию о разных сферах жизни мусульман и основах ислама, о месте ислама в России, а также о том, что значит быть одновременно гражданином Российской Федерации и членом всемирной уммы, подчеркивая, что эти две «идентичности» не противоречат друг другу).

Роль ислама в духовном и моральном возрождении России

Одной из самых распространенных тем в рассматриваемых газетах 1980-х — 2000-х годов является духовный и моральный кризис, охвативший современную Россию и Европу. По словам авторов газеты «Мусульманский курьер», «на Западе людям понравился ислам и обеспечиваемые им порядок и спокойствие после того, как они потеряли всякие надежды на свое общество, страдающее от повышенного уровня преступности, крушения семейных уз, распространения алкоголизма и употребления наркотиков <...> Постоянно растет число людей, сомневающих в системе ценностей своей культуры, ставятся важные вопросы

о ситуации, переживаемой западным нравственным наследием, и о том, как можно сохранить и закрепить это наследие»¹⁴. Ислам представляется той внешней силой, которая способна содействовать восстановлению утраченной системы моральных ценностей.

Россия также нуждается в духовном и моральном возрождении, которое может оказать ей именно ислам. Стоит заметить, что, по мнению авторов, помимо насилия, алкоголизма и наркомании, современные трудности и проблемы страны вызваны и другими внутренними факторами. «Невежество делает человека равнодушным к окружающему миру. А равнодушные — наивысшая жестокость по отношению к согражданам. И одна из причин всему, что происходит вокруг нас, — это падение нравственности, духовное опустошение. Поэтому надо его остановить <...> Необходимо хотя бы в общих чертах ознакомить наших людей с сущностью мусульманской религии, раскрыть ее притягательную силу, жизненность и необходимость овладевать ее канонами <...> Ислам — это от начала до конца призыв к знанию, овладению истиной, борьба с невежеством»¹⁵.

Авторы этих публикаций убеждены в том, что причинами духовного и морального кризиса в современном мире являются не какие-то абстрактные силы, конкретные пороки: его вызывает отсутствие знаний и желания учиться. Соблюдая правила ислама, люди постоянно учатся и поэтому способны замечать и решать существующие в обществе проблемы. Ислам пропагандируется как религия, внушающая людям стремление активно участвовать в судьбе своей страны, быть ее деятельными и критически мыслящими гражданами.

Обеспокоенность состоянием общества и взаимоотношениями людей выражает также Д. Мухетдинов в своей статье «Чем больна Россия? Социально-мусульманская модель спасения страны», опубликованной в газете «Медина аль-Ислам» (Нижний Новгород). По словам автора, «пытаясь вычлнить из ряда наиболее существенных проблем, стоящих перед Россией,

¹³ Бустанов А.К., Кемпер М. Язык «традиционного ислама» в текстах Валиуллы Якупова // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 123–139.

¹⁴ Почему женщины Великобритании принимают ислам? // Мусульманский курьер. 2000. № 10. С. 5.

¹⁵ бин Мухаммад А. Современность и вера // Путь ислама. 1992. № 1. С. 4.

самую главную, мы неизбежно должны делать сложный выбор между равновеликими, существенно необходимыми отраслями жизнедеятельности общества. Как мусульмане, верящие в исключительность предназначения человека, выбранного Господом в качестве Его наместника на земле, мы называем «проблемой номер один» в современной России не большую экономику, не всевластие олигархического бюрократизма, не усиление полицейского режима в стране и даже не рост межнациональной вражды или исламофобии — но убийственный по отношению к рядовому человеку, асоциальный курс либерал-реформаторов во власти, ведущий к деградации народа и к его физическому уничтожению»¹⁶. По словам Мухетдинова, в России десятки миллионов людей погружены в беспросветное существование за чертой прожиточного минимума, а молодежь, «лишенная малейшей надежды на достойную жизнь, отдана на откуп маргинальным силам, предана в руки наркодельцов и сутенеров и даже не мыслит себя без алкоголя и наркотиков». По мнению автора, мусульмане могли бы играть важную роль в решении таких болезненных общественных вопросов, но, учитывая современную политическую ситуацию, он не питает надежд на то, что положение скоро изменится. Тем не менее, он призывает мусульман стремиться к этому¹⁷.

Важно заметить, что изображение ислама как религии современной и гибкой, которая способствует критическому мышлению и дает людям конкретные ответы на острые общественные и личные вопросы, в корне противоречит стереотипному представлению об исламе как религии устаревшей, сопротивляющейся современности и прогрессу и мешающей людям думать самостоятельно. Российские СМИ нередко, как прежде, так и сегодня, представляют мусульман, особенно мусульман-неофитов, как потенциальную угрозу для безопасности российского общества, а мусульманок, особенно новообращенных, как женщин, лишенных свободы и независимого мнения¹⁸. В газетах, о которых мы говорим здесь, ислам, наоборот, предстает динамичным, призывающим людей — женщин и мужчин — быть мыслящими, заинтересованными и активными гражданами современного общества.

В рассказах новообращенных мусульман такое понимание ислама часто контрастирует с отношением к другим религиям, особенно к русскому православию. Многие люди, прежде чем принять ислам, проходят долгий путь духовного поиска, изучают и сравнивают разные религии. Автор статьи

в газете «Всё об исламе» рассказывает, что она выросла «без Бога», а Библией и христианством заинтересовалась в 1970-е годы. «С одной стороны — красота обрядов, их величавость, грандиозность, пышность, что-то, напоминающее сцену из опер, а с другой — нет импульсов для прозрения, интеллектуального прорыва в понимании Божественного. Этого-то как раз и не происходило»¹⁹. Она поняла, что существует «высший разум, высший центр знаний», но не смогла найти его в христианстве и в Библии. Долгожданная истина открылась ей только при чтении Корана в переводе Валерии Пороховой. Чтение Корана и изучение арабского языка помогли ей окрепнуть духом и научили справляться с трудностями, которые она испытывала в жизни²⁰.

По мнению авторов указанных публикаций, ислам развивает в людях критическое мышление, способность к сопоставлению и анализу, делая его тем самым религией справедливости и антиколониальной борьбы в России и во всем мире. Многие мусульманские издания, за исключением, пожалуй, журнала «Ат-Тавхид» Гейдара Джемаля, смотрят на Иран как на успешный пример государства, созданного на базе исламской революции. Многие публикации посвящены и другим государствам, сообществам и организациям исламского мира, борющимся за свои права и свободу²¹.

¹⁶ Мухетдинов Д. Чем больна Россия? Социально-мусульманская модель спасения страны // Медина аль ислам. 2006. № 1. С. 5. (Публикация Духовного управления мусульман Нижнего Новгорода и Нижегородской области).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сапожникова Г.

Почему русские принимают ислам (21.10.2003). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/23141/24151> (Дата обращения 19.03.2014); Сулейманов Р. Русские мусульмане в постсоветской России: причины неофитства, положение в исламской среде, реакции государства и общества (10.12.2012). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article27336.htm> (Дата обращения 19.03.2014); Силицына Е. Джihad-майдан: Почему русские мусульмане участвуют в революциях в СНГ (07.05.2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20180507/1519927562.html> (Дата обращения 05.09.2018).

¹⁹ Беляева Т. Мир я открыла заново // Всё об исламе. 2002. № 4–5. С. 22.

²⁰ Там же.

²¹ аль-Хомейни Р. Серьезно подумайте об исламе // Мусульманский вестник. 1991. № 3. С. 1.

Лозунги борьбы с несправедливой властью, отстаивания прав и свобод всех этнических и религиозных меньшинств значительно отличают исламскую периодику издания от других религиозных изданий интересующего нас времени. Эта позиция мусульманских газет и журналов вызвала симпатии к ним многих молодых жителей России, в том и числе и русских.

Говоря о положении исламских женщин, газеты подчеркивают, что в исламе женщины живут лучше и спокойнее, чем на Западе и в России среди этнических русских. В газете «Мусульманский вестник», например, издатели обращают внимание на необходимость узнать больше о жизни в мусульманских странах и понять, что мусульманам там не нужно бояться за свою жизнь или жизнь своих родственников. Уровень преступности там низкий, а поскольку мужчины в этих странах в основном с уважением относятся к женщинам, последние могут свободно ходить там по улице и везде чувствовать себя в безопасности²². По словам газеты «Аль-Вахдат», Исламская партия возрождения постоянно стремится улучшить, насколько это возможно в рамках российского общества и законодательства, жизнь мусульман в России и повысить роль женщин в семье, исходя из того, что они прежде всего являются матерями и только потом активными участницами общественной и экономической жизни²³. Ислам, таким образом, помогает женщинам быть хорошими супругами и матерями, выполнять свою роль в семье, а мужчинам — быть достойными мужьями, отцами, сыновьями, друзьями и соседями. Такой образ ислама предполагает, что в этой религии заложены основы крепких семейных, межэтнических и межрелигиозных отношений, которые в настоящее время находятся в современном мире под угрозой деградации.

Новообращенные мусульмане в мусульманских газетах

В конце 1980-х — начале 2000-х гг. с расширением свободы слова, совести и вероисповедания, число русских, принимающих ислам, также увеличивалось. В газетах, рассматриваемых в этой статье, новообращенные мусульмане принимают активное участие. Во-первых, практически все издания регулярно дают слово мусульманам-неофитам России и других (в том числе и европейских) стран. В качестве неофитов в российском контексте воспринимаются прежде всего русские, но встречаются и истории этнических мусульман, ранее не исповедовавших

ислам и начавших активно практиковать свою религию после распада СССР, причем эти две группы, как правило, не отделяются друг от друга. Например, статья под названием «Как стать мусульманином» в газете «Мусульманский вестник» не адресована исключительно русским, а наоборот, объясняет всем, мусульманам и немусульманам, главные уроки ислама, практически не разделяя при этом этнических мусульман и новообращенных, поскольку между ними много общего.

Мусульмане-неофиты выступают здесь не в качестве «необычных», «чужих», а изображаются в основном в положительном ключе, при этом особое внимание уделяется личным историям прихода к исламу. Судьбы этих людей нередко представлены как путь к объединению, мост между исламской и не исламской частями российского общества²⁴. Материалом статей часто становятся также примеры других стран или исторических периодов, призванные подчеркнуть преемственность и глобальный характер этого феномена, а не его исключительность²⁵.

Кроме того, практически во всех газетах в качестве редакторов, а иногда и главных редакторов работают русские мусульмане-неофиты. При этом, хотя некоторые из них являются публичными личностями, как, например, Али Вячеслав Полосин или Гейдар Джемаль, тот факт, что они приняли ислам, не слишком афишируется. История публицистической деятельности некоторых авторов показывает их духовный поиск и интерес к разным религиям в разные периоды их жизни. К примеру, Полосин в 1990-х годах, еще будучи православным священником, писал в таких газетах, как «Информационный вестник» (газета Христианского социального движения)²⁶, а также публиковался в изданиях других религиозных организаций²⁷. Журналист и общественный деятель Джаннат

²² Бибарсов М. Об исламе, партиях и запретах // Мусульманский вестник. 1991. № 5. С. 1–3.

²³ ИПВ: Основные тезисы программы // Аль-Вахдат» 1991. № 1. С. 1.

²⁴ Например, Мухарлямова М. Воспоминания о мусульманском лагере // Мусульманский курьер. 1999. № 8; Шахмидзянов Р. Русские идут! В ислам // Всё об исламе. 2002. № 1. С. 13; Беляева Т. Мир я открыла заново // Всё об исламе. 2002. № 4–5. С. 22.

²⁵ Например, Почему женщины Великобритании принимают ислам? // Мусульманский курьер. 2000. № 10. С. 5; Как Кусто принял ислам // Нур-ул Ислам: Специальный выпуск. Август 2001. С. 16.

²⁶ Полосин В. Религия и социальный охват населения // Информационный вестник. 1998. № 2 (6). С. 23–26.

²⁷ Мучаев Б. Разговор в госдуме: Как нам быть без «крыши»? Интервью с Вячеславом Полосиным // Путь к себе. 1996. № 6. С. 22–25.

Сергей Маркус также до принятия ислама писал в православных СМИ²⁸ и активно участвовал в межрелигиозном диалоге в постсоветский период²⁹. Таким образом, стирается та граница, которую современные российские СМИ часто проводят между традиционными и новообращенными мусульманами. Эти мусульманские неопиты перестают выглядеть изолированной группой в мусульманском и российском обществе, а предстают активными гражданами, которые вместе с другими мусульманами исповедуют ислам и находят в нем ответы на волнующие их общественные и личные вопросы. Таким образом, самим своим существованием они опровергают непреодолимость этнических и религиозных границ.

Через призму мусульманских газет конца 1980-х — начала 2000-х годов мы можем объективно и детально рассмотреть пути развития мусульманского сообщества в позднесоветский и постсоветский периоды. Мы видим здесь примеры того, как различные исламские организации старались знакомить широкую аудиторию мусульман и немусульман с религией и находить в исламе ответы на вопросы о достойной жизни в быстро меняющемся мультирелигиозном немусульманском обществе. Эти организации демонстрировали стремление стать объединяющей силой в обществе, сотрудничать с общественными группами разной идеологической, этнической и религиозной принадлежности.

Сегодняшние границы между «традиционным» и «нетрадиционным» исламом были в то время еще не так четко очерчены, политические и идеологические объединения только начинали формироваться. Мусульманская печать этого периода представляет ислам как религию критической мысли, анализа и справедливости, которая дает ответы на многочисленные современные общественные и личные вопросы, заботится не только о благополучии индивидуума, но и об умме, о российском обществе в целом и обо всех, кто в него включен. Неудивительно, что эти идеи привлекли людей, часто молодых, мусульман и немусульман, которые задумывались не только о своей жизни и вере, но и о моральном и духовном здоровье общества и мира в целом.

Материалы мусульманских изданий показывают, что в то время многие сегодняшние политические союзы в мусульманской среде России и четкие представления о том, что значит быть «хорошим», «настоящим» мусульманином, еще до конца не сложились, находились в стадии формирования. Периодика

этой эпохи убеждает нас в том, что процесс обращения к исламу, в том числе и в среде русских мусульман-неопитов, происходивший на фоне общественных перемен, неуверенности в будущем, идеологического многообразия — это отнюдь не «экзотика», которая противоречит русской и мусульманской идентичности, но, напротив, неотъемлемая часть общественных перемен этого времени.

²⁸ Например, *Маркус С.* «Независимые»? // Слово. 1988. № 2. С. 58–79.

²⁹ *Маркус С.* В пути к диалогу // Слово. 1988. № 2. С. 101–106.

II. Публикации

Гузевич Дмитрий Юрьевич,
 Центр исследований русского
 мира, Кавказа и Центральной
 Европы Школы высших
 социальных исследований
 в Париже, инженер-исследователь,
 кандидат технических наук
 (по истории науки и техники)

Gouzévitich Dmitri,
 CERCEC, the Centre for Russian,
 Caucasian and Central European
 Studies, EHESS (l'École des hautes
 études en sciences sociales), Paris,
 research engineer, doctor of science
 (in the history of science and
 technology)
 gouzevit@ehess.fr

УДК 94(470) + 82.09
 ББК 63.3(2)63)+ 83.3(2)

История одной книги,
или Гинзбург Александр
Аркадьевич. Избранные
произведения.
Том I. Издательство
«Малыш и Карлсон,
которое живет на крыше»

The History of One Book,
 or Ginsburg Aleksandr
 Arkad'evich. Selected
 Works. Volume I. Edition
 « Malysh i Karlson,
 kotoroe zhivet na kryshe »

Аннотация: В статье рассказана история создания двумя студентами в 1975–1979 гг. первого тома сочинений А.А. Галича и описана дальнейшая судьба работы, в том числе гибель большинства подготавливавшихся материалов. Второй том так и не был завершён. В настоящее время существует лишь один экземпляр книги. Указано на изготовление с помощью фотографии и циркуляцию копии «Архипелага ГУЛАГ». В статье имеются мемуарные воспоминания об Агитбригаде ЛИИЖТа и о лицах, с ней связанных: В.А. Лейкине, Ю.Б. Мамине, М.Д. Яснове (Гурвиче), Н.А. Шемякиной.

Ключевые слова: А.А. Галич, бардовская песня, самиздат.

Summary: The article deals with the history of elaboration, by two students in 1975–1979, of the first volume of the works of A.A. Galich, including its further fate and the destruction of the most of prepared materials. The second volume was never completed. There is currently only one copy of the book. It is also indicated that a photographic copy of the “GULAG Archipelago” was produced and circulated in the frame of a Leningrad students’ group. The article includes memoirs about the students the atep group known as «Agitbrigada LIIZhT » (Leningrad Institute of Railway Engineering) and about the persons associated with it: V.A. Leikin, Y.B. Mamin, M.D. Yasnov (Gurvich), N.A. Shemyakina.

Keywords: Alexander Galich, bard songs, samizdat.

Галич был нашим Богом. Компания же была поющей. Но его песни звучали в основном с магнитофонных плёнок. Имелось множество других бардов, чьи песни мы сами пели постоянно: Никитиных, Визбора, Окуджавы, Кима, Вихорева, Кукина, Клячкина, Турьянского, Мирзояна. Любили Высоцкого, но его пели редко, за исключением поздних философских песен и песен о детстве: «Купола», «Кони привередливые» «День зачатия я помню неточно...». Многие в нашей компании и сами писали песни, например, Сергей Махотин. Помню три его песни — «Стукачи», «Вариации на тему Иуды» и «О том, как при разговоре нельзя размахивать руками». Многие из наших ребят были связаны с клубом песни «Меридиан», который располагался на Каменноостровском проспекте на Петроградской стороне в Ленинграде, в ДК им. Ленсовета: Юра Ушаков, Лена Збойнова, Соня Хмелевская. Сам я был там всего несколько раз, потому что не пел, но приходил на авторские вечера.

К бардовской песне театрально-эстрадный коллектив «Агитбригада “Подорожник”», да и вообще Студенческий клуб ЛИИЖТа¹ пристрастил Вячеслав Абрамович Лейкин, иногда выступавший под псевдонимом Озеров (от английского Lake), — поэт, сценарист (фильм «Бакенбарды»), геолог, имевший за плечами почти 20 лет «поля» (Салехард, Таймыр и др.). Он как поэт начинал ещё в конце 50-х. Оставив геологию, в 1973 году стал руководителем нашего студенческого коллектива. Лейкин хорошо знал большинство известных тогда бардов, иногда приводил их в нашу компанию — помню вечер Валентина Вихорева, на частной квартире где-то в новых районах.

Лейкина пригласила в «Подорожник» директор Клуба Нинель Александровна Шемякина, без которой всей этой чудесной жизни у нас просто не было бы. Мы сразу стали называть его шефом, ласково «шефчиком». Кроме руководства нашей Агитбригадой, он вел ещё литературное объединение (ЛИТО) в «Ленинских искрах»². Две эти группы его подопечных — Агитбригада, где народ был попроще, со всей страны, и ЛИТО — довольно рафинированные питерские девочки — сильно ревновали друг друга к нему и находились между собой в состоянии полу-войны-полу-дружбы, а иногда и полу-любви.

Лейкин привел в Агитбригаду молодого режиссера — Юрия Борисовича Мамина, которого мы окрестили ЮрБором. Он до этого руководил агитбригадой Кировского завода. (Из капустника: «Нам порой дороже мамы / Дядя Лейкин, дядя Мамин»). Ну, а третьим, уже неофициальным, стал поэт и переводчик Михаил Давидович Гурвич, в дальнейшем более известный как Михаил Яснов. (М. Яснов = МЯснов, как над ним шутили). В ЛИИЖТе тогда был создан Факультет общественных профессий, куда он с помощью Шемякиной устроился руководителем Отделения книги. Яснов стал регулярно проводить у нас семинары по современной литературе. Иногда мы получали задание что-то вроде сочинения или отчета о прошедшем семинаре. Помню, после обсуждения «Дома на набережной»³ я написал такой отчет, назвав его записками «Сидевшего в углу, которого никто не заметил». На следующем собрании, эти записки были

¹ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта», где в 70-е годы учился автор (*Прим. ред.*).

² Старейшая советская газета для детей и юношества, выходящая с 1925 г. Сейчас издается под названием «Час пик» (*Прим. ред.*).

³ Повесть Юрия Трифонова, опубликованная в 1976 г. (*Прим. ред.*).

прочитаны — вызвали хохот, но и заставили задуматься: не сидит ли, действительно, кто-то в углу.

Нашим наставникам при содействии Шемякиной удалось замкнуть группу на себя, в значительной степени изолировав ее от внешнего мира, который нам заменили песни, стихи, литература, театр, да и просто общение друг с другом. Мы все оказались во внутренней эмиграции и в довольно комфортной, хотя подчас и требовательной среде. Кто не вписывался в нее, быстро вылетал.

Внутренний комфорт и внутренняя же свобода привели к тому, что внешняя эмиграция членов этих двух групп началась очень поздно, уже во второй половине 80-х, хотя в обеих группах было много евреев. Ну, а кто-то уехал в качестве шведа, кто-то вспомнил свои немецкие корни, кто-то просто оказался в «ближнем зарубежье», когда распался Советский Союз. Начиналась же вся эта история с агибригадой, как я сказал, в 1973 году.

Вернемся к Галичу, которого мы конспиративно звали Аркадьевым (по отчеству). Как я уже сказал, его, на удивление, сами мы почти не пели. Исключение составляли его комические, «шухарные», как мы тогда говорили, песни: цикл о Климе Петровиче, некоторые баллады («О сознательности»), да «Еще раз о черте». Но он был — Богом. Может, поэтому и не пели, как молитвы про себя стихи шептали: «А Мадонна шла по Иудее...», «Не зови меня, не зови меня, не зови... Я и так приду»⁴, «Как долго из века двадцатого в семнадцатый почта идет». Ну, а «Кадеш» («Кадиш») — так и по названию молитва. Об отце.

Впрочем, однажды в белую июньскую ночь юбилейного⁵ 1975 года «Петербургский романс» Галича прозвучал на Сенатской площади у Медного всадника: «...Можешь выйти на площадь, / Смеешь выйти на площадь, / В тот назначенный час, / Где стоят на рассвете / В ожиданье полки, / От Синода к Сенату, / Как четыре строки?» Это был как бы небольшой спектакль, подготовленный двумя Сергеевыми — Козиным и Махотиным — и мной. Слушали нас два десятка таких же молодых людей, какими были и мы сами, и еще случайные прохожие...⁶

Однажды, во время наших путешествий с Агитбригадой (мы много ездили с концертами) я вышел на каком-то полустанке, подошел к газетному киоску и... обомлел: там продавались значки с гербом города Галича. Я скупил все (штук тридцать было). Потом к нему добавили герб города Магадана

и некоторое время носили на куртках по два этих значка. И ведь нашелся человек, который не только заметил, но и донес куда следует. Закончилось благополучно: фрондерам надрали уши, гербы пришлось снять.

Почти все тексты Галича я знал наизусть. Он был единственным, кого мы с моим другом Юркой Ушаковым, начиная с 1975 года, расшифровывали с пленок. Работали обычно по ночам, на коммунальной кухне квартиры 26, в доме 10 по Пушкинской улице города Ленинграда, где я жил.

Впоследствии, в годы перестройки, этот дом стал пристанищем многих художников, устроивших там свои мастерские и там живших. В нашей квартире, из которой нас в 1988 году выселили в маневренный фонд в ожидании капремонта, в 1990 году разместилась техническая служба организаторов знаменитого 24-часового телемарафона «Возрождение». Целью его был сбор средств на реставрацию исторического центра Ленинграда. Марафон состоялся 7 января 1991 года.

И он (как, впрочем, и сообщество захвативших дом № 10 художников, которым некуда было деваться и которые там устроили удивительный мир) стал причиной, почему на многие годы задержался капремонт этого дома. Ну, а мы с двумя маленькими детьми жили тем временем на Б. Московской в полуподвале с крысами, и моя жена порывалась прийти с детской коляской на сцену Кировского театра, где проходило всё действие марафона, и сказать: «Ребята, вы вообще-то в нашей квартире живете». Как бы то ни было, но назад в квартиру, где мои предки жили с дореволюционных времен, мы вернуться уже не смогли. Корни были обрублены, и это одна из причин того, что мы живем сейчас в другой стране.

⁴ Года два назад, после того, как отметили 100-летия Галича, в сети появились записи нескольких концертов, ему посвященных. И какой-то чужак со сцены спел: «...не приду». Господи, какой же духовной глухотой надо обладать, чтобы так спеть текст, прямо противоположный по значению. Далее я уже не слушал.

⁵ Имеется в виду 150-летие восстания декабристов. (Прим. ред.)

⁶ Обычно считается, что появление этой песни связано с «демонстрацией семерых» на Красной площади 25 августа 1968 г. Однако я слышал в свое время, что песня была написана ДО этих событий. Точно так же, как пародийная строчка «Загнал снаряд я в тушку Пуго» появилась не позже конца июня 1991 г., за два месяца до самоубийства самого Пуго после провала путча, когда я сам их слышал (запомнил обстановку, в которой они были мне прочитаны, а в августе 1991 г. удивился, как же точно было предсказано). Поэзия (даже шухарная, говоря не очень литературным языком) может обладать какой-то удивительной пророческой силой.

Но весной 1975 года, когда мы с Юрой сели за расшифровку пленок, мы еще ничего этого знать не могли.

Сама расшифровка продолжалась довольно долго и была закончена лишь на следующий год. После чего я занялся комментариями. Это оказалось моей первой научной и публикаторской работой, и как подойти к ней, я не очень себе представлял. Но инженерное образование, которое я получал в это время, помогло. Брал каждое упоминаемое имя, топоним, непонятное слово (а таковых было очень много — Галич широко использовал жаргон, цитату из Библии, историческое событие, стихотворный эпиграф) и проводил поиск по всем доступным источникам. Получать информацию тогда было намного сложнее, чем сейчас, в том числе и из-за недоступности библейских и вообще богословских справочников.

Очень помогали нам поясняющие рассказы, которыми Галич часто предварял свои песни. Мы их все расшифровали, и потом я их использовал в комментариях, которые предварил биографическими справками о Галиче из Театральной и Краткой литературной энциклопедий.

Конечно, многие из этих текстов сейчас кажутся наивными, «ученическими», и, тем не менее, они были написаны, и тогда я ими очень гордился. Для меня самого работа над комментариями оказалась много важнее, чем полученный результат. В определенном смысле эти комментарии — показатель уровня знаний советского студента 1970-х, показатель того, что было ему известно, что требовало этих самых комментариев и на что он опирался, делая их.

Следующим этапом работы стала печать. Она — с одной стороны листа на бумаге формата А5. Конечно, «Эрика берет четыре копии», но на не слишком толстой бумаге вполне прилично получались и пять. Заголовки песен пропечатывали красной лентой; названия частей — через зеленую копирку. Дальше — переплет. С этим была проблема. Различные вырезки из журналов я отдавал в переплет в типографию ЛИИЖТа, но самиздат отдать туда было нельзя. Распечатки долго лежали в папках. Помог случай. Моя мама, Мария Соломоновна Ицкович, была детским врачом. Во время войны 15-летней девчонкой работала медсестрой. После войны переехала в Ленинград, выйдя замуж за одного из тех раненых, которых лечила в санитарном поезде, Юрия Дмитриевича Гузевича. От этого брака родился я. Мама закончила Педиатрический институт, ибо в Первый медицинский ее не взяли как еврейку. Она была блестящим диагностом. Это

было известно, и к ней знакомые знакомых посылали детей на частные консультации. У врачей старого закала считалось постыдным брать за консультации деньги. Но подарки могли взять, могли и воспользоваться услугами. И вот случайно выяснилось, что мать одного из детей, дама вполне диссидентского круга, могла за небольшие деньги обеспечить переплет. Видимо, это был 1979 год. Имени мастера я не знаю: в этой среде называть имена было не принято. Насколько я могу понять, это был старый переплетчик на пенсии, у которого не было механического ножа для обрезки книжного блока, а делать это вручную ему было уже не по силам. Но всё остальное он делал очень хорошо. Для начала я отдал в переплет один экземпляр сборника, но когда получил и оценил работу, другие комплекты отдавать стало уже некому.

Оставшиеся экземпляры, в том числе и первый, надолго остались непереpletенными. В те времена существовало негласное правило: тот, кто сам перепечатывал тексты, а я печатал стихи многих крамольных авторов: Мандельштама, Гумилева, Бродского — никогда не оставлял себе первого экземпляра. По этому экземпляру было легче определить машинку, на которой он напечатан, и, кроме того, хранение напечатанного другим и само печатание наказывались по-разному. Просмотрев сейчас напечатанный мною сборник, вижу, что там есть и первые, и вторые экземпляры.

Так всё продолжалось до лета 1983 года. В самом начале июня этого года в ЛИИЖТе, где я был тогда в аспирантуре, я встретил свою старую знакомую и соученицу, Ольгу Афиногентову, бывшую тогда замужем за Гелием Александровичем Донским. Доцент кафедры строительной механики, директор ЛИИЖТ-фильма и страстный библиофил, знавший все полуподпольные книжные рынки, Донской был известен как «книжный жучок» — так называли эту категорию книжников, зарабатывавших перепродажей редких и труднодоступных изданий. Однако, в действительности, интересы Донского были намного глубже: он сам писал и многое сделал в области самиздата. Всего этого я не знал — когда-то сдавал ему экзамены, потом у нас были с ним книжные контакты. Я тоже любил и собирал книги, но денег на этом не делал.

Ольга была крайне встревожена: «У нас был обыск. Всё забрали. Но твоего имени в записных книжках, вроде, нет. Однако избавься от всего лишнего». Из получившего известность в те годы «дела Донского» выделилось еще более известное «дело Михаила Мейлаха».

То, что моего имени не было в записных книжках Донского, дало мне немного времени, которое я сумел использовать. Тут же собрал полный чемодан там- и самиздата, хранившегося дома, и в ближайшие же выходные отвез в Москву к жене (мы тогда жили на два города). В этом чемодане оказался и сборник Галича. Насколько мне стало потом известно, чемодан тут же был переправлен к друзьям в Обнинск, где благополучно простоял до перестройки.

Вернувшись в Ленинград, я уничтожил ту часть машинописных текстов, которые не просто перепечатывал, но и создавал сам как редактор. Естественно, переплетенные листы сборника Галича вошли в это число.

В начале августа ко мне пришли с обыском. Донской меня всё-таки сдал: он изображал раскаянье, старался смягчить себе срок. Никакого тамиздата у меня не нашли. Лет 15 назад я кратко описал эту историю⁷ и то, как помогли мне стихи Галича. После обыска, когда посадили в машину на заднее сиденье меж двух оперов, мне бы тревожиться, а я давлюсь: главное не рассмеяться и вслух не проговорить строчки, что в мозгу вертятся: «...Трое едут — сам в середочке, / Два жандарма по бокам» (это Галич в песне о Полежаеве).

Эта история оказалась связанной с еще одной самиздатской работой. Так как у меня ничего не нашли, то я от обвинений отказывался, а Донской настаивал. Проблема следствия была в том, что в его деле «дэбит с крэдитом не сходились»: не удалось найти часть книг, которые Донской взял для продажи и для собственной библиотеки у Мейлаха. А они как раз и были у тех, чьи имена отсутствовали в его записной книжке, в том числе у меня. Донской этих книголюбов и сдавал. Очная ставка продолжалась несколько часов. Вел ее знаменитый среди диссидентов (позднее как соратник Путина) Виктор Черкесов, тогда еще майор. Горлышко у него болело — шарфом замотан был. Расколоть меня не удавалось. Но под конец стало понятно, что и я убедить никого не смог, ибо Донской стоял на своем. Значит, начнут шерстить по записной книжке, которую у меня забрали при обыске. А там — координаты ребят из Агитбригады. Все молодые мальчики, девочки, многие еще студенты, и не было никакой гарантии, что кто-нибудь из них по глупости или со страху не проговорится, что видел у меня искомые книги. Этого для следствия было бы вполне достаточно. Сам я готов был рискнуть, но было одно «но». В 1981 году один из членов нашей компании, Роман Нюлунд (сейчас он живет

в Швеции), перефотографировал и распечатал на фотобумаге целиком «Архипелаг ГУЛАГ». В 1982 году мы все прочли эту книгу, передавая друг другу отдельные пачки страниц по мере их прочтения. При сплошном опросе кто-нибудь из ребят мог случайно проговориться, Роман попал бы под следствие и сел на более долгий срок, чем Донской. Мне нужно было эту возможность задушить в зародыше. Поэтому, когда Черкесов и старлей, который непосредственно вел мое дело (фамилию его я забыл), уже начали собирать бумаги, завершая встречу, я неожиданно признался: «Да, брал, но всё сжег». Господи, как же они обрадовались. Раз сжег, то и концов нет, и искать не надо, и поименное прочесывание моей записной книжки теряет смысл. На этом вскоре и разошлись. А в день суда я в аккурат заболел и лег в больницу — с кем не бывает. Какую-то бумагу от врача пришлось отсылать, ибо вызывали свидетелем в суд.

Постфактум должен заметить, что чтение «Архипелага» перевернуло всё наше сознание. Никто из нас не остался прежним. Не зря партчиновники боялись.

Раскрыв сборник Галича для подготовки этой статьи, я с удивлением обнаружил, что там нет «Кадеша»⁸, а он был расшифрован с пленок, осенью 1981 года распечатан, и я учил его наизусть. Судя по тому, что я хорошо представляю события, описанные в поэме, я тогда же работал над комментариями. А вот как шла расшифровка, не помню. Память уже стирает детали — события ведь происходили 40–45 лет назад. Скорее всего, я расшифровывал этот текст уже один, после завершения работы над первым томом. К этому времени наш тесный контакт с Ушаковым уже не то чтобы полностью оборвался, но заглох. Однако о том, что мы сразу задумывали несколько томов, говорит указание на титульном листе: «ТОМ I». В тот момент у нас на пленках просто не было записей двух поэм: «Кадеш» и «Белая Вошь, Королева материка». Первая из них появилась во второй половине 70-х. Тогда, значит, и была ее расшифровка. А вот «Белая Вошь» появилась осенью 1981 года — это я хорошо запомнил. Но свободного времени у меня стало много меньше:

⁷ Гузевич Д.Ю., Петрановский В.П. «Виртуальный» Гумилев, или Аналитические воспоминания // In Мемогіам: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2005. С. 457–489.

⁸ Правильно — Кадиш. Но на пленках звучало именно «Кадеш».

работа, заочная аспирантура, семья, ребенок. Ну, а описанные выше события уже всё оборвали.

Остается сказать, что обратно свои книги из Обнинска я получил уже во второй половине 1980-х годов, а в 1999 году, когда стало понятно, что мы остаемся во Франции, многие из них, в том числе и сборник Галича, перевез сюда. И они сейчас у меня стоят на полках.

В заключение — описание сборника, сканированный экземпляр которого автор статьи пересылает издателям альманаха «Acta samizdatica / Записки о самиздате».

Гинзбург Александр Аркадьевич. Избранные произведения / [Сост. Д.Ю. Гузевич, Ю.А. Ушаков; коммент. Д.Ю. Гузевича]. Т. 1. [Л.]: Изд-во Малыш и Карлсон, которое живет на крыше, [1975–1979]. 182 с. (Машинопись; твердый коленкорный переплет; блок не обрезан; печать трехцветная, на одной стороне листа; существует в одном экземпляре в частной коллекции).

Содержание на с. 2–3, но в самом сборнике порядок текстов оказался другим:

Серебряный бор

1. Пейзаж
2. Письмо в XVII век

Песни, посвященные Баху

3. По образу и подобию
4. Слушая Баха

На реках Вавилонских

5. Песня Исхода
6. Засыпаю и просыпаюсь
7. Жуткая история, подслушанная в придорожном шалмане

8. Отчий дом
9. Незваные гости

10. Когда я вернусь

Литераторские мостки

11. Варламу Тихоновичу Шаламову
12. Михаилу Зощенко
13. Юрию Домбровскому
14. Михоэлсу
15. Борису Пастернаку
16. Фриде Вигдоровой

Клим Петрович

17. Митинг в защиту мира
18. Клим Петрович укачивает племянника

19. Борьба за звание цеха коммунистического труда
20. Плач Дарьи Коломийцевой
21. Клим Петрович восстает против помощи слаборазвитым странам

Баллады

22. Антикварный магазин
23. О сознательности
24. О стариках и старухах
25. Как надо пить на троих
26. О принцессе
27. О Вечном огне

Песни

28. Караганда
29. «Был я глуп тогда...»
30. Понаставили павшим памятники
31. Вы такие нестерпимо ражие
32. Речь на съезде историков
33. Воспоминания об Одессе
34. Песня, посвященная матери
35. Петербургский романс
36. Еще раз о черте
37. Облака
38. Бог на Земле

Примечания.

ГИЗБУРТ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО

"МАЛЫШ И КАРИСОН, КОТОРОЕ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ"

Захаров Евгений,
Украинский Хельсинкский союз
по правам человека, председатель
правления, правозащитник,
журналист, публицист, издатель

Zakharov Yevgeniy,
Ukrainian Helsinki Human Rights
Union, Head of the Board, human
rights defender, journalist, publicist,
publisher

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63

Заметки читателя и распространителя самиздата

Samizdat Reader and Distributor's notes

Аннотация: Описано становление молодого человека, выросшего в диссидентском кругу, опыт чтения и распространения самиздата.

Ключевые слова: политические репрессии, оттепель, диссиденты, процесс Синявского-Даниэля, самиздат.

Summary: The formation of a young man who grew up in a dissident circle, the experience of reading and distributing samizdat is described.

Keywords: political repression, thaw, dissidents, the Sinyavsky-Daniel trial, samizdat.

Мое первое отчетливое детское воспоминание — в 1956 году — возвращение деда. Я в детском саду, и меня забирают посреди дня, в послеобеденное время. Ко мне подходит воспитательница и говорит: за тобой пришли, и надо одеться тихонько, чтоб детей не разбудить. Я спускаюсь со второго этажа по лестнице и вижу: внизу стоит мама и рядом с ней высокий незнакомый худой и стройный человек в военной форме.

Дед писал письма из лагеря, присылал открытки, некоторые сохранились. Писал детские стихи, мама их мне читала. Мама так радовалась, говорила: «Женечка, дедушка скоро приедет, дедушка скоро приедет!». А я ей отвечаю:

— Молодец!

— Кто?

— Ты! Ты хорошая у нас!

Похвалил ее! Она же была так рада.

Мне кажется, что тут какая-то непрямая связь. Логика не просматривается, но думаю, что это не было случайностью: первое детское воспоминание — возвращение деда из лагеря. Теперь, когда я смотрю на всё, что со мной было, — это как-то запало в меня еще тогда, сильно повлияло и во многом определило всё, чем я занимался... У меня всегда было повышенное внимание и повышенное сострадание к тем, кто находится за решеткой, кто лишен свободы — это совершенно определено. В детстве началось, и с тех пор было всегда. Я был как-то очень привязан к родителям, они от меня ничего не скрывали, все разговоры были при мне — я, конечно, ушки на макушке — всё слушал. Самиздат начал читать и перепечатывать ребенком. Например, «Котлован» Платонова, «Всё течет» Гроссмана я прочитал в 66-м году — мне было 13 лет.

Я прекрасно помню, как в 64-м году, я еще не читал тогда самиздатские книжки — у нас дома читали «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Передавали листочки по кругу — огромная компания сидела и читала эти знаменитые воспоминания. Они, к сожалению, тогда не были опубликованы, а были бы знамениты не менее, чем «Один день Ивана Денисовича», они очень сильные. Тогда Солженицына напечатали, а дальше прикрыли, не стали печатать. Была еще книга Бориса Дьякова «Повесть о пережитом», куча писателей считала нужным отметить, поскольку это было партийное направление — оттепель, развенчание культа личности Сталина. Даже такие писатели, как Юрий Бондарев, например, писали прозу, в которой хорошие люди были незаконно репрессированы, они очень страдали, но партия исправила эту ошибку... Это было общим местом в прозе начала 60-х годов, а потом это закрыли, и даже упоминания о репрессиях цензура извлекала из текстов.

И вот тогда это как-то очень сильно в меня запало — сочувствие к тем, кто лишен свободы. Совершенно независимо от того, справедливо лишили или несправедливо — об этом я, будучи ребенком, как-то не сильно задумывался. Наоборот, поскольку я видел, что люди, которые вернулись, были все чудесные — в том числе и мои родственники. Дело в том, что в семье посадили очень многих родных, двоюродных братьев и сестер моих деда и бабушки по матери. Родители открыто об

этом говорили. Как-то так сложилось — такие друзья у родителей, да еще всё время сажали кого-то рядом. Возвращались одни — сажали других. Казалось бы, оттепель, эти молодые компании — все такие красивые, талантливые. Это прекрасно описано в «Искуплении» Даниэля, замечательная повесть, на мой взгляд. Юлика посадили 11 сентября 1965 года, мы сначала не знали, за что. Он не сильно распространялся, что пишет прозу и печатается за границей под псевдонимом. Причем, накануне он приехал, 29 августа 1965 года, к маме на день рождения, вдруг свалился неожиданно. За ним пришли стукачи, а папа притворился пьяным и их выгнал. Родители решили, что это наши заявили, потому что за нами следили. Уже потом поняли, что это из-за Юлика.

Эти последние слова на процессе Синявского-Даниэля — сильные документы, особенно у Даниэля. Вообще это дело было в каком-то смысле эпохальное. Это 65–66 год — считается, что с этого дела началось диссидентское движение. На самом деле, оно началось еще раньше. «Синтаксис» Алика Гинзбурга, встречи молодежи и чтение стихов на площади Маяковского — 61-й год. Дело Бродского — когда его сослали — 64-й год. Это всё тоже диссидентство, но тогда не было такой массовой реакции, как на дело Даниэля и Синявского. Были письма в защиту Бродского, отдельные люди, литераторы писали. По делу Маяковки, когда начали преследовать Буковского, — ничего такого не было, вообще почти никто об этом не знал! А в 65-м году процесс Даниэля и Синявского стал организующим механизмом для диссидентского движения. Тогда оно разрасталось, как снежный ком.

А произошло это от понимания, что оттепель свернулась. Как Юлий Ким поет:

Было пятьдесят шесть,
 Стало шестьдесят пять,
 Во, и боле — ничего!
 Как умели — драть шерсть,
 Так и будем шерсть драть,
 Цифры переставили, и только и всего!

После того как сняли Хрущева в 64-м году, началась медленная реставрация Сталина, и как раз дело Даниэля и Синявского окончательно убедило коммунистическое руководство, что нужно зажимать гайки. А дальше у интеллигенции, которая за время оттепели успела ощутить воздух и запах свободы и не хотела это ощущение терять, было три пути: или в эмиграцию,

или в сопротивление — в диссидентство, или, как компромисс, позволяющий сохранить самоуважение, — внутренняя эмиграция, отрешение от политики, неучастие ни в чем в советской жизни. Причем эмиграция тогда была нелегкой, ее отвоевывали. Тогда это было совершенно внове. Фактически первые эмигранты уезжали в 70–71-м году.

Прекращение публикации литературы о политических репрессиях, о сталинщине привели к ее распространению в самиздате, который и начал тогда, в первой половине 60-х годов, развиваться. Дело Синявского-Даниэля этот процесс ускорило.

То, о чем я говорю сейчас как об общепризнанном факте, — тогда было не вполне ясно, потребовалось немало лет, чтобы это осознать и понять. Потому что до 68-го года многие верили, что возможен социализм с человеческим лицом: Пражская весна живила эту веру. Но после того, как надежды чехов растоптали танки, сомнения у многих людей исчезли. Вот тогда и появились мысли об эмиграции: тут не будет ничего хорошего, нужно уезжать. Первые эмигранты были из того же круга, который принял оттепель и во всем активно участвовал, — они успели понять, что раньше ничего не понимали и что их обманывали. Это круг шестидесятников, ведь для многих из них XX съезд был полным откровением, они как бы переосмыслили всю свою жизнь. Людей, которые до XX съезда ощущали себя оппонентами режима, почти не было, их уничтожили в годы сталинщины.

Когда у нас в Харькове были политические процессы в 1969 году, судили четырех человек за подписание письма в защиту генерала Григоренко, из них трое учились в одном классе в 36-й школе — Генрих Алтунян, Аркадий Левин, Владислав Недобора. Они 33-го года рождения, в 69-м им было по 36 лет. Четвертый — Владимир Пономарев, он был немного младше. И вот один из них, Владислав Недобора, сказал в своем последнем слове, что трагедия этой истории в том, что одни советские люди судят других советских людей. Он это так воспринимал, он в детстве и юности вообще был сталинистом, отец у него погиб на войне. Для него осознание преступности коммунистического режима пришло нескоро. Это мне уже было легче — я другого поколения, и то я себя чувствовал белой вороной среди своих сверстников, за исключением узкого круга близких друзей.

Кроме внутренней эмиграции, диссидентства и отъезда из СССР, был четвертый путь — приспособиться, закрыть глаза, стать конформистом. Это ситуация, когда рефлекс самосохранения преобладал над всеми остальными рефлексами

и прежде всего над моральным. Потому что моральный рефлекс требовал признать, что наше государство бесчеловечно, оно плохо относится к людям, всех стрижет под одну гребенку, и что с этим мириться нельзя. Это преобладание морального рефлекса вело к диссидентству. Но у основной части людей все-таки преобладал инстинкт самосохранения. Даже у людей более глубоких, более умных, более интеллектуальных, которые это прекрасно понимали. Тем не менее, многие из них не хотели бороться — считали это бессмысленным. Или они уезжали — те, кто помоложе, искали себе другое место для жизни. Остальные приспособлялись к тому, что было при советской власти. И пытались в рамках того, что существовало, получить какие-то возможности, сделать карьеру. И был период с 65 года по 69-й, когда это всё бродило, когда каждый выбирал свою позицию. Дело Даниэля-Синявского играло в этом очень большую роль, оно стало катализатором дальнейших событий.

Это происходило и в научной, и в литературной среде, в искусстве. Тут ведь еще такая проблема: если литератор может себя тешить тем, что он будет писать «в стол», когда-нибудь придет время, это найдут, напечатают, и он получит признание — на это надеялись многие, то актер не может себе такого позволить, он должен быть на сцене, играть сегодня и ежедневно! А что ему делать, если время такое? Уходили в классику, древность, средние века. То же самое с историками. Все бежали от советского периода как черт от ладана! Куда-нибудь поглубже.

Самиздатом я занимался совершенно осознанно и достаточно долго: с детства и всю жизнь при советской власти. Я где-то в 12 лет научился печатать на машинке и перепечатывал разные тексты. Мне хотелось, и родители мне не мешали. В феврале 1966 года я перепечатал последние слова Юлия Даниэля и Андрея Синявского на суде — эти документы попали в Харьков буквально на следующий день после приговора. А в 15 лет, летом 1968 года, я перепечатал огромный том стихов почти никому еще не известного тогда Осипа Мандельштама и запустил его в Харькове в оборот, потом эта машинопись ко мне несколько раз возвращалась. Позже много раз перепечатывал «Реквием» Ахматовой, неопубликованные отрывки из «Поэмы без героя», стихи из «Доктора Живаго», многие другие книги. Я тратил свое время и свои ресурсы на это — прежде всего, время. Кое-что перефотографировал: тексты большого объема, «Доктор Живаго», например. Потом появился у меня знакомый, который просто зарабатывал втихаря на множительной

аппаратуре, не боялся это делать. Он сам читал самиздат. Но эта возможность появилась гораздо позже, только где-то в 1985. Вообще, к множительной технике подступиться было очень трудно, в эти помещения даже зайти было нельзя.

Некоторые книжки в самиздате для меня имели особенное значение. Когда я был на первом курсе мехмата университета, мой товарищ Марк Печерский дал почитать книгу, которая называлась «Наш новый мир. Теория. Эксперимент. Результат». Написал ее какой-то В.Е. Богдан. Марк сказал, что это псевдоним, он знает автора, но автор скрывается. Я прочел, и эта книга на меня очень повлияла, поскольку она мне, 18-летнему, ответила на вопросы, на которые я тогда не знал ответов: «Можно ли ожидать при социализме развивающейся экономики? Можно ли вообще ждать чего-то хорошего от социализма? Возможен ли социализм с человеческим лицом? И т. д.». Это была книга, которая описывала марксистскую теорию, что было построено на ее основе в СССР, ту экономическую систему, которая возникла, и показывала всю ее пагубность и бесперспективность. Отсутствие обратной связи приводит к тому, что советская экономика как большая система неизбежно будет загнивать. Всё, что случилось потом, там было предсказано. И после этой книги у меня вопросов уже не было. Любопытно, что книга была написана в жестком императивном стиле, и всё в ней доказывалось с математической точностью. При этом автор опирался исключительно на открытые источники, то есть только на то, что опубликовано в советских изданиях, прошло цензуру, было доступно. Там не было ни одной ссылки на западные издания.

Сказать, что эта книга мне понравилась, — ничего не сказать. Я ее перепечатал и начал распространять. Свезил в Москву и отдал в круг генерала Григоренко. У нас были друзья в Ростове, большая компания, я туда отвез рюкзачок самиздата, в том числе эту книжку. На моих ростовских друзей книга произвела сильное впечатление. В Ростове жил замечательный прозаик Виталий Семин, он сказал, что после этой книги перестал быть марксистом. Прочитав ее, он во многом разобрался, и она успела на него как на писателя изрядно повлиять. Очень понравилась книга Петру Григорьевичу Григоренко, он спросил, кто автор. Ему сказали, что книжка из Харькова, привез такой-то. Он передал, что приглашает автора к себе, хочет познакомиться. Но мой связной сказал, что автор не хочет знакомиться, хочет оставаться инкогнито, работать, писать дальше. Так автор и не появился тогда.

Потом уже стало известно, когда автор эмигрировал, что это Дора Штурман (Кравченко). Она стала довольно известным советологом, издала на Западе много книг. Там эта книжка вышла тремя изданиями — под тем же названием.

Я с Дорой так и не познакомился, но она знала, что я распространяю эту книгу. Заочно мы ее знали, она работала воспитателем в детском туберкулезном санатории, куда пошла работать моя мать, Марлена Рахлина, ровно на ее место, тем же воспитателем в старших классах, когда Дора уехала в Израиль. Мама, как-то будучи в Израиле, с ней встретилась, и Дора передала мне эту книжку с трогательной надписью: «Давно знакомому и в то же время незнакомому далекому другу в подарок хорошо знакомую ему книгу».

В самиздате были и другие важные для меня книги. Для меня всегда большое значение имела поэзия — я любитель стихов, знаю много наизусть, могу часами читать. Это как некий пароль: встречаешься с человеком — или он знает отрывки из «Поэмы без героя», которые оттуда выкинули, или, если он не знает, я ему читаю, и по его реакции можно судить, кто он. Или он знает «Реквием» Ахматовой, или не знает. То же самое: или он знает неопубликованные стихи из романа Пастернака «Доктор Живаго», или нет. Как известно, были опубликованы только 16 из 25 стихотворений Юрия Живаго. Так можно было определять пространство доверия. И вот я неопубликованные стихи из романа «Доктора Живаго» постоянно перепечатывал и дарил, как и «Реквием», и неопубликованные фрагменты «Поэмы без героя» Ахматовой.

Я читал на память очень много неопубликованных стихов в разных компаниях, всюду, где я попадал, если меня просили. Сам не навязывался. Мне нравилось читать стихи, причем, стихи, неизвестные людям. Часто для моих слушателей это были совсем новые стихи, которые они не знали, особенно если это был не Харьков. А потом передавал машинопись, если просили.

Поэтический самиздат был очень обширен. Даже у поэтов, которые печатались, были неопубликованные стихи, которые не пропустила цензура. У Самойлова были такие стихи, совершенно антисоветские, у Кушнера, у Слуцкого — очень много, как потом выяснилось. Коржавин был почти весь в самиздате. Поэт он интересный и самобытный, но, по-моему, слабый, если судить по гамбургскому счету. Сам он был гораздо интереснее своих стихов. Наиболее популярным поэтом самиздата был, конечно, Бродский.

Большое хождение имел магнитофонный самиздат — записи песен Окуджавы, Галича, Кима, Визбора, Высоцкого и других. Это было очень популярно, люди меньше боялись его распространять. Хотя и за это КГБ таскал на «беседы».

Проза в самиздате была всякая, была лучше, была хуже. Но были отдельные книжки, которые мне безумно нравились. Поэма «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева, «Верный Руслан» Георгия Владимова, «Всё течет» Василия Гроссмана, «Котлован» Андрея Платонова, «Колымские рассказы» Варлаама Шаламова. Очень я любил Юрия Домбровского — «Хранитель древностей», первую и вторую часть. Первая часть была напечатана в «Новом мире» еще в 1964 году и вышла отдельным изданием в 1966, а вторая часть, «Факультет ненужных вещей», была в самиздате и малоизвестна. Я ценил эту вещь и тоже ее активно распространял. И стихи у Домбровского сильные, их вообще мало кто знает. Любил я и раннего Солженицына, но после романа «Август 14-го» последующие узлы «Красного колеса» уже не читал, стало скучно. Популярны были антиутопии — «Мы» Замятина, «Улитка на склоне» и «Гадкие лебеди» Стругацких. Широко разошлись в самиздате «Зияющие высоты» Зиновьева.

Была еще самиздатская публицистика, например, сахаровские работы. Публицистика была у Солженицына. Была чисто экономическая публицистика, например, статьи, приписываемые академикам Варге и Аганбегяну, «Экономические монологи» Мыколы Руденко. Были в самиздате еще и философы и культурологи, например, Григорий Померанц, очень почитаемый всеми автор, я с ним был близко знаком, очень любил его тексты и много их перепечатывал. Поразила всех, кто прочел, «Роза мира» Даниила Андреева. Он был и прекрасным поэтом, но его стихи были малоизвестны.

Одним из источников самиздата был ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, где переводили и реферировали философскую, политологическую, социологическую, экономическую классику XX столетия. Люди, занимающиеся этим, не стеснялись передавать результаты своего труда друзьям, прекрасно понимая, что те одним чтением не ограничатся. В ИНИОНе работали многие друзья и знакомые — Григорий Померанц, Алексей Коротаев, Виктория Чаликова и другие. Так что впервые я узнал «Протестантскую этику» и другие вещи Макса Вебера, Ханну Арендт, Карла Поппера именно из этого источника.

Меня всегда интересовал самиздат исторический, где речь шла о том, что и как было на самом деле. Здесь было много прекрасных книг, например, двухтомник Геллера и Некрича «Утопия у власти», книжка Александра Янова об эпохе Ивана Грозного «Заметки о природе и происхождении русской государственности». Распространялись в самиздате и воспоминания, иногда они были замечательные, как Надежды Яковлевны Мандельштам, например. Или «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Корнеевны Чуковской. Я прочитал их еще тогда, когда не было третьего тома, вышли первый и второй, а третий Лидия Корнеевна еще писала. И я, пока жил у Юлика Даниэля, оба тома прочел. Он мне сказал: «Бери в Харьков, пусть почитают все ваши». Я с удовольствием взял, привез, и все наши прочитали.

Это было интересное существование. Чем интересное: можно было получить интеллектуальное наслаждение, делать самые настоящие открытия, которые касались истории, литературы, политической жизни. То есть мое желание больше знать и понимать, что и как происходило, в этом плане было удовлетворено, может, не полностью, но в большой степени. А параллельно было всё прочее: посадки, лагеря, дела, преследования, слежка КГБ. Неприятие этой системы, нежелание с ней смешиваться, отторжение от нее. Вот так у меня прошли юность и молодость. Причем, начиная с 28 лет, с 1980 года, это всё перешло в гораздо более активную фазу, потому что к тому, что было раньше, добавились репрессии друзей в Харькове, гораздо большая потребность в помощи семьям политзаключенных уже здесь, в том месте, где я живу. Необходимость передачи информации об этих процессах за границу, что тоже было на деле очень непростой задачей. Сначала эту информацию надо было превратить в документы, потом передать их, с этим было еще больше проблем. И на самом деле всё шло к тому, что я должен был тоже сесть, неизбежно, но так называемая перестройка меня и спасла. Я избежал этой участи, и слава Богу!

Зная, что за хранение самиздата по статье 190 не посадят, а сажают за распространение, я книги давал читать только сам — не было такого, чтоб кто-то пришел ко мне и взял. Я сам и приносил, и забирал. Делал это аккуратно, чтоб не было сомнений, что меня засекли. Никогда об этом не говорил по телефону, даже намеками. Очень широко, очень много, но тем не менее достаточно осторожно. Вот такая была технология, потому что я не хотел, чтобы кто-то пострадал из-за самиздата. Если вдруг что-то случится, то предъявить распространение могут только

мне, тех же, кому я принес книги, признать виновными в преступлении не могут, читателей не посадят.

Делая так, я выводил из-под удара всех своих читателей, для меня это было принципиально. Этим я отличался с достаточно нежного возраста, сначала интуитивно, потом осознанно — никогда не хотел подставлять других. Поэтому, например, я никогда никого ни к чему не призывал. Я считал, что это всё уже политические действия, что я могу нести ответственность только за себя самого и не делал так, чтобы кого-то другого привлекли к ответственности за мои действия. Это было и осталось.

А позаимствовал я такой подход к вопросу об ответственности у Юлия Даниэля. Он прямо так об этом и говорил: я хочу отвечать только за себя. Хорошо помню, как он ругал Петра Якира и Виктора Красина.

В 69-м году, когда Петра Григорьевича Григоренко посадили в психушку в Ташкенте, было написано письмо в ЦК КПСС, чтобы Григоренко освободили, вполне лояльное, которое подписали многие, в том числе десять харьковчан. Там речь шла и о других политических преследованиях. А Якир и Красин взяли и послали письмо в Комитет по правам человека ООН, ни с кем ничего не согласовав, решив, что так будет правильно. Это был первый документ Инициативной группы по защите прав человека в СССР, он датирован 20 мая 1969 года, его подписали 56 человек. В итоге от подписантов стали требовать, чтобы они написали, что ничего не посылали в ООН. Из подписантов посадили только четверых харьковчан, и главное, чего от них хотели, — признания, что письмо в ООН они не посылали. Владик Недобора потом рассказывал: «Прихожу я на работу, а мне говорят: ты какое-то письмо в ООН подписал, его вчера по радио читали и твою фамилию назвали, что, действительно, подписал?! — ну, раз читали — значит, подписал, говорю». И все четверо такую позицию заняли и уже с нее не сходили.

Вот Юлик и ругал Якира с Красиным, что такие вещи делать нельзя, что они ставят под удар других людей, не спрашивая их, хотят ли они этого или не хотят. И я для себя это трансформировал в такой принцип распространения самиздата и всегда старался ему следовать. А у других людей круг свободы был шире: они считали, что само по себе существование в уголовном кодексе статьи, которая карает за то, что кто-то кому-то дал почитать какую-то книжку, бесчеловечно, ничем не может быть оправдано, этого нельзя признавать, и поэтому плевать на

ваши статьи, кодексы — будем делать это, потому что это наше естественное законное право: читать, что хотим, говорить, о чем хотим, давать читать что хотим и кому хотим и пошли все лесом. И распространяли самиздат достаточно открыто.

Таким был мой близкий друг Наум Ефремов — Наум Ним, он сейчас живет в Москве, под этим псевдонимом публикует свою прозу, замечательную, кстати говоря, я очень люблю его романы «Господи, сделай так!» и «Юби». Он родился и вырос в маленьком местечке около Витебска, закончил мехмат МГУ и параллельно распространял самиздат, не особенно скрываясь. Его засекли, обыскали и забрали всё, он сбежал из Москвы к себе обратно в Витебск и стал заниматься всё тем же самым. Он мне рассказывал, что не было ни одного директора школы в Витебске, которому он не дал бы почитать «Архипелаг ГУЛАГ». Естественно, кто-то на него настучал, его обыскали, что нашли — забрали, и он опять сбежал оттуда к своему другу Лене Эпштейну в Новочеркасск. И стал жить в Ростове, в Новочеркасске. Перед этим он уже потерял семью — жена не выдержала, сказала: «Ним, я больше не могу выносить такую жизнь!» и ушла от него, забрав сына. В Ростове и Новочеркасске он тем же самым занимался. Кончилось тем, что к 85-му году он стал совершенно асоциальным человеком — у него не было квартиры, работы, прописки, семьи. Работал на шабашках. На шабашке его и арестовали, это было уже в начале февраля 85-го года. А первое, что после апрельского пленума 85-го года сделал Горбачев, — отдал приказ прекратить все политические дела, и новых не открывать. Поэтому его дело раскручивать дальше не стали.

Между прочим, я в какой-то степени обязан перестройке тем, что сам не сел. Потому что тут была ситуация, когда при всей моей осторожности я уже должен был залететь. У Нима на обыске забрали книжку, которую я печатал, копию машинописи, а у Генриха Алтуняна в 80-м, еще раньше — другую копию из той же закладки. Это была книга «Культ личности и биологическая наука» Жореса Медведева. Она настолько мне понравилась, что я ее перепечатал. В ней рассказано о погроме в биологии, в генетике, о знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года, о судьбе Николая Вавилова. А Ним, когда вышел, сказал: «Знаешь, они собирались раскручивать дело по 70-й, и я видел у следователя на столе план командировок: Москва, Свердловск, Харьков — в Харькове никого, кроме тебя, у меня не было!» Конечно, это был бы КГБ подарок: приезжают ростовчане, смотрят мое досье,

и оставалось только увидеть, что две изъятые у Нима и Генриха копии — из одной закладки. А я единственный, кто знаком с обоими. Тут всё очевидно: явных три года, как минимум! Но, этого, слава Богу, не случилось.

Поначалу я считал, что самиздат нужно распространять, что люди должны знать правду, что было на самом деле. А потом один из моих читателей, Григорий Маркович Донской — учитель истории, известный методист, соавтор учебника «История средних веков», по которому мы учились в школе и до сих пор дети по нему учатся, бывший гораздо большим конформистом, чем я, в какой-то момент мне сказал: «Знаешь, Женя, я больше не буду у тебя книжки брать читать». Очень спокойно сказал, достойно. Я: «Почему, Григорий Маркович?» — «Потому что это становится небезопасным! Даже при том, что ты мне сам их носишь, это может поломать все мои планы, риски слишком велики для моей работы, и я решил, что надо прекратить». И я после этого задумался: «А правильно ли я делаю, что даю самиздат читать?» Мне стало казаться, что я его как бы всучиваю. Ведь люди могли бояться, а признаваться в этом не хотели. Я-то осторожен, и не давал читать людям совсем незнакомым, а только тем, в отношении которых было ощущение, что это человек близкий и ему это будет интересно. Но я не думал, боится ли он (она) или не боится — этот вопрос просто передо мной не вставал. Если боялся, то отказался бы. Обычно как-то никто не отказывался, охотно брали и просили еще. И я подумал, что, наверно, не нужно этого делать, что те, кто захотят, сами меня найдут. А предлагать, навязывать я не буду!

У меня были такие же ощущения, когда я деньги собирал для семей политзаключенных. Я почувствовал, что в этом есть какое-то принуждение. И увидел, что некоторые люди болезненно к этому относились, хоть они деньги и давали, отказать им было неудобно. К кому я ходил — математическая профессура — люди не бедные на то время. Что же их смущало — собственная безопасность?

Конечно, не ко всем же профессорам я ходил, а к тем, кого знал, с кем я вел такие разговоры, кто-то даже самиздат брал читать. Я считал, что это, в принципе, обязанность каждого — помочь семьям, которые в беде, потому что они же, в общем-то, за нас сидят. Так оно и было. Я помню, как один академик сказал замечательную фразу: «Гораздо легче дать сто рублей, чем сказать слово!» Для них это было некое оправдание их бездействия. Для тех, кто страдал из-за этого, корил себя за

это бездействие.

Такие ситуации привели меня к тому, что я решил действовать еще деликатнее, но это было не сразу — где-то в конце 70-х, незадолго до второго ареста Алтуняна. А до этого — очень активно.

Я как-то сравнил, что я прочитал в самиздате и что после того, как это всё было опубликовано, начиная с 1987 года. Оказалось, что я не прочел только одной книги — «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. И то только по той причине, что этот роман поздно появился, в 80-е годы, когда у меня уже совершенно не было времени. Книжка была такая большая, что я оставил ее на потом. Прочитал, когда его уже напечатали, и пожалел, что не сделал этого раньше — оказалась одной из самых важных книг для меня. Всё остальное я и читал в самиздате, и многое перепечатывал.

Игрунов Вячеслав Владимирович,
общественный деятель,
эксперт, Москва

Igrunov Vyacheslav,
public figure, expert, Moscow
vchk@igrunov.ru

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63)

Об Олеге Курса и торговле дефицитными книгами в Одессе (отрывок из книги «Инакомыслящий»)

About Oleg Kursa and
trade in scarce books
in Odessa (excerpt from
the book «Dissident»)

Аннотация: Автор на основе личных воспоминаний раскрывает историю нелегальной торговли в Одессе дефицитными книгами, изданными в СССР. Средства, полученные от реализации, направлялись на приобретение и размножение литературы для Одесской библиотеки самиздата.

Ключевые слова: самиздат, Одесса, инакомыслие, книжная торговля, рынок, дефицит, деньги.

Summary: Based on personal memoirs, the Author reveals the history of illegal trade in Odessa with books in short supply published in the USSR. The funds received from the sale were used for the purchase and reproduction of literature for the Odessa samizdat library.

Keywords: samizdat, Odessa, dissent, the book trade, the market, the deficit, money.

В конце августа 1973 года в Одессу вернулся Олег Курса¹. После крымской поездки он как-то резко решил восстановиться в университете, чего успешно добился, и снял комнатку в полуподвале у некоего Высоцкого, на Успенской, как раз на пересечении ее с Кузнечной, совсем неподалеку от мастерской, с которой так много связано в нашей жизни. Я себе не представляю, как бы я преодолел самый угрюмый, самый тягостный период моей жизни, если бы не Курса и его более чем скромное, но необыкновенно теплое прибежище.

Как только он поселился, я, изголодавшийся по человеческому общению, стал по вечерам, когда Светлана² возвращалась с работы, забегать к нему перекинуться парой слов, поужинать картошкой, которую он научил меня жарить с айвой, привезенной из родительского сада. Да и просто поиграть в шахматы. Наши беседы часто носили самый обыденный характер: мы обсуждали неудачу крымского проекта, размышляли о том, как можно финансировать самиздат и летнюю школу — особенно после того как я побывал на улице Костанди — и шаг за шагом выстроили новый проект. Он заключался в решении выйти на Староконный рынок с книгами. К этому времени я распродал почти всё, с чем мог, пусть и с сердечной болью, расстаться, и продавал бездарно, за гроши, как самый настоящий никчемный интеллигент, дав заработать скупщикам довольно большие деньги. Осенью 73-го, оказавшись в довольно сложном финансовом положении, я сожалел об этом, и мы оба решили, что пора менять стратегию.

План был прост: мы собираем книжные остатки у себя и у наших друзей и продаем их на Староконном по рыночной стоимости. Кроме того, мы хорошо знали, что по малым городкам и селам в книжных магазинах можно отыскать жемчужины, которых не сыщешь в цивилизованном городе. Один из примеров поразил нас: в каком-то сельском магазинчике наш товарищ нашел книжку из серии «Библиотека поэта», изданную еще в 60-х, которую многократно уценивали, доведя стоимость до 20 копеек, но и за эту цену ее брать никто не хотел. Возможно, это был Тютчев, тогда мощно входивший в моду. На рынке такая книга стоила никак не меньше пяти рублей, но, думаю, и больше. А Курса регулярно собирался наведываться к родителям — уж в родной Березовке не найти книжек?!

Не помню, когда мы вышли на рынок в первый раз, но постояв среди книжных развалов, поняли, что есть устойчивый источник добротных книг — совсем рядом; в Молдавии местные типографии печатали огромными тиражами дефицит-

нейших авторов, например, Экзюпери или сказки Андерсена. Рынок для таких книг практически безграничен. В национальных республиках поощрялись издания на титульных языках, и украинскими переводами, к примеру, заполнялись книжные киоски и полки книжных магазинов. Моя сестра и Борис Херсонский³ выучили украинский, чтобы читать книги, которые на русском днем с огнем не сыщешь. Но на Украине по-русски издавали до обидного мало, а в Молдавии едва ли не больше, чем на молдавском. И практически сразу же Курса наладился ездить в Бендеры, Тирасполь, Кишинев, заодно позволяя себе заехать в маленькие поселки и села. Заодно, побывав в Гретиештах или Олонештах, можно купить бутылочку-другую любимого вина.

Постепенно Олег изучил все главные магазины в ближайших районах Молдавии и Одесской области, привозя оттуда не только беспроектные книги издательства «Лумина», но и раритетные книги центральных издательств — бог знает, зачем в деревни слали «Литературные памятники» и другие остро дефицитные издания, и они там лежали годами. Надо сказать, что книжный ажиотаж в первой половине 70-х был фантастическим, и сметалось всё мало-мальски интересное. Не один Олег ездил в Кишинев или Тирасполь, но в больших по местным меркам городах, где жители достаточно образованны, можно было приобрести джентльменский набор молдавских книг, не более того, и на рынке на соседних ковриках лежали совершенно одинаковые Хэмингуэй, Фаллада, Фенимор Купер или Марк Твен. Книги покупались то у одного, то у другого, но покупались всегда. Я за «рабочий» день обязательно продавал 2–3 экземпляра двухтомника сказок Андерсена, на каждом зарабатывал около трех рублей. И таких книг в наборе насчитывалось 5–6, иногда больше. А спрос-то весьма разнообразный, и заработать хотелось как можно больше.

Конечно, мы с Олегом имели преимущество перед другими торговцами. Наши конкуренты могли съездить раз или два в месяц и привезти, ну, скажем, небольшой чемоданчик

¹ Курса Олег Борисович (1947–2011). По образованию — физик. Участвовал в создании Одесской библиотеки самиздата. С 1974 года жил в Твери. С 1999 до весны 2002 года работал в аппарате партии «Яблоко».

² Арцимович Светлана Феликсовна (1950–2012) — жена В. Игрунова.

³ Херсонский Борис Григорьевич (р. 1950) — поэт и публицист. Клинический психолог. В 1970-е годы один из распространителей самиздата в Одессе.

стандартного ширпотреба. Чаше делать это трудно — семья, работа. Обычно это делается в выходные дни: утром туда, вечером обратно. За это время надо присмотреть что-то для себя, обежать самые доступные магазины — вот и всё, что можно успеть. Олег же, легкий на подъем, мог тратить на поездки 2–3 дня в неделю. Он привозил достаточно книг, чтобы мы могли не держаться за высокие цены — на рынке они были примерно одинаковы у всех продавцов — а брать масштабом. Я так думал. И выкладывал неиссякаемого Андерсена по четыре рубля, в то время как все соседи продавали за пять. И у меня охотно приобретали, но я обратил внимание, что кто-то из покупателей, повертев книгу у меня, уходил к соседу и покупал за пять. Поначалу я не придавал этому значение. Но однажды милая дама долго расспрашивала у меня, почему мои книги дешевле, чем у других, — они что, дефектные? Да нет же, точно такие же, как у других, просто я могу себе позволить продавать дешевле. Дама досконально рассмотрела оба тома и всё же положила на место. И купила точно такой же двухтомник за пять рублей. Этот случай послужил мне уроком, я понял, что теоретические рассуждения, двигавшие мной, далеко не всегда работают. Психология покупателя имеет едва ли не большее значение, чем выгода. И подозрительный выигрыш в цене иногда рождает недоверие. Что ж, это наблюдение ложилось в копилку того вывода, который я сделал в мастерской: экономические законы работают в контексте культуры.

Так что выигрыш за счет оборота тоже имел предел, и большинство книг я стал продавать, как и все. Продаж стало немногим меньше — у меня покупали охотно, людям нравилось со мной разговаривать. Правда, на рынке торговали и говоруны, которым я не годился и в подметки. Но кроме валового объема Олег обеспечивал преимущество разнообразием. Он всегда оставался человеком любопытным, ему доставляло удовольствие знакомство с новыми местами, и он заглядывал в заповедные уголки, куда не ступала нога книжного спекулянта. Как-то раз он открыл Каушаны, лежавшие в стороне от столбовой дороги, но довольно недалеко от Бендер, и до самого конца нашей практики привозил оттуда роскошные книги. Даже когда в Кишиневе исчезали книги «Картя молдовеняскэ» или «Лумина», Каушаны снабжали нас исправно всем необходимым. Но в малых селениях, как я говорил, обнаруживались целые залежи книг центральных издательств, и такого разнообразия, как на моем коврике, не было ни у кого.

Я спрашивал у Олега: как ты успеваешь за короткое время закупить столько в новых местах, сколько другие не закупают там, где не надо тратить время на поиски магазинов? Покусывая свой ус, Курса хитро смотрел на меня: «Магазин искать не надо — он всего один на село. — Да, один, но ведь надо его найти! — Ничего подобного: сходишь на станции — автобусы часто останавливаются в центре, на улице Ленина, — и идешь в магазин. — Но магазин, магазин — где? — Так он практически всегда на улице Ленина. Если автобус остановился на улице Кирова, надо только спросить, где улица Ленина — этого достаточно. Исключения крайне редки». Через некоторое время рейды Олега стали стремительны, он привозил столько, сколько хватало сил тащить.

Конечно, не только Олег покупал книги. Иногда этим занимался я. Например, еду в Белогорск к Валере⁴, на обратном пути — в книжный. А там на полке стопка Пруста, «По направлению к Свану», книга, которую в Одессе днем с огнем не найти, за которой охотились книжники, да с таким рвением, что страшно. Вот я и сметаю всю стопку в портфель — 8 или 9 экземпляров, которые в Белогорске стояли ненужные несколько недель. Продащица рада-радехонька — книги прилавков загромождали. А книга-то, рублевая, на Староконном стоит до десяти рублей. Я продавал ее за восемь. Одна только она многократно окупил поездку. А ведь я еще по полкам полазал, чего-то еще закупил. Иногда даже в Москве удавалось в Доме книги что-то приобрести, что для Одессы невидаль.

Правда, не обходилось и без казусов. Как-то я специально поехал за книгами в Боровичи. Целью был визит к отцу Даниилу⁵, но я знал, что в Новгородской области без труда можно купить «Новгородскую иконопись», и договорился со своим приятелем Бессендорфом⁶, что привезу ему штук 10–15. В это время он уже получил разрешение на эмиграцию и здраво полагал, что в Америке, куда он направлялся, минуя Израиль, стоимость книги кратно превышает советскую цену — ничего выгоднее при строгом таможенном контроле вывезти нельзя.

4 Резак Валерий Федорович — по образованию физик. Участвовал в создании Одесской библиотеки самиздата. После окончания Одесского государственного университета работал на метеостанциях в Крыму. В 1970-е годы активно размножал самиздат.

5 Отец Даниил (Александр Рябчиков) — школьный приятель В. Игрунова.

6 Бессендорф Михаил — по образованию физик, входил в круг Херсонского (как младший брат его приятеля). Эмигрировал в 1975 году. Живет в Нью-Йорке.

На каждой книге я гарантированно зарабатывал 10–12 рублей, и даже если бы ничего больше не привез, то всё равно оказывался при барышах.

И вот еду я в вагоне. Заходит женщина с раскосыми глазами и просит разменять сторублевку десятками. Почему не разменять. Но пересчитав деньги, женщина просит пятерками. Ну, пятерками у меня нет. Тогда не надо — женщина возвращает мне деньги, и я беспечно кладу их в карман. Но что-то мне не дает покоя, и я достаю пачку и пересчитываю — 60 рублей. Мгновенно я спускаюсь со второй полки, куда уже успел взгромоздиться, и бросаюсь в тамбур — поздно: женщина с мужиками, в которых я немедленно опознал цыган, уже сошла на платформу, а поезд тронулся, оставив меня бессильно терзать себя упреками. Но ведь мне и в голову не пришло, что какая-то казашка или калмычка промышляет жульничеством, а недоразумение списал на незнание языка. Спасибо Бессендорфу, он согласился заплатить немного дороже, и я компенсировал то ли десять, то ли даже двадцать рублей.

К Шурику Рябчикову я заехал на денек, дальше мой путь лежал в Питер, так что надо было торопиться. Шурик, встретив, провел меня через город, который он иначе, как «дюрей» (дырой) не называл. В Боровичи его сослали за острый язык, антисоветские взгляды, которые он не слишком скрывал, и за «богохульство». Как-то на Пасху в туалете преподаватель Духовной Академии, где он учился в Ленинграде, поприветствовал моего товарища: «Христос Воскресе!» — «Да неужели?» — ответил Рябчиков, посчитав неуместным подобное приветствие в нужнике. В другой раз другой преподаватель укорил Шурика за недостаточно почтительное обращение. Тот ответил: «Откуда я знаю, какой у Вас чин? Может быть, вы полковник, а я думаю, что капитан. Под рясой погон не видно». Понятно, что его не могли не выгнать из Академии, и знание греческого, на которое он уповал, — переводчиков не хватало, — не помогло. И загнали его в забытый богом город Боровичи, где он и служил иеромонахом до самой смерти.

Шурик не мог спокойно говорить об окружающем мире. Согласившись, что в Боровичах можно купить нужный альбом, он заметил, что кроме книжного ни в какие магазины заходить не имеет смысла. Вон, показал он на продуктовую лавку, здесь только два товара — мыло и водка. Если я вчера купил мыло, то сегодня я вынужден покупать водку. Впрочем, говорил он это не о себе, а о рядовом горожанине — сам он покупал

самогон и хранил его в стиральной машине, чтобы настоятель храма не мог обнаружить при инспекторском набеге. Впрочем, в день моего визита самогонкой не пахло — Шурик сказал, что ему от водки в последнее время совсем плохо, и он перестал пить. На стиральной машине сидела Марфа — черная кошка. «Я ее люблю, — сказал Шурик. — Я вообще животных люблю. Всех. Кроме двуногих». Шурик терпеть не мог своих прихожан — ленивые, глупые, забитые, советские до мозга костей. Когда мы шли по улице, Шурик показал на вывеску еще одного магазина, по-видимому, пустого. «Туда заходить незачем, — желчно говорит Шурик. — Там ничего нет. Здешние люди еще помнят слово “мясо”, но что оно значит, забыли». В тот визит, оказавшийся для меня последним, я испытал острое чувство горечи, смешанной с жалостью, — передо мной разворачивалось трагическое полотно загубленной жизни талантливого человека, и виной этой трагедии не столько советская власть, которую Шурик нещадно клеймил, сколько врожденные черты и трудное детство.

Мы попили чаю с Шуриком, я оставил ему первый том солженицынского «Архипелага», он мне вручил двести рублей, извиняясь, что больше не может в этот раз дать, и пошли в книжный. «Новгородской иконописи» — целая полка. Но альбом тяжелый, буду брать только то, что обещано Бессендорфу. Да и на Староконном так выгодно быстро не продашь. Нецелесообразно. Бессендорф — эксклюзив. Зато при виде книг глаза разбегаются — нужен грузовик. Но грузовика нет, возьму только то, что смогу допереть. Допереть — никак иначе — очень тяжело. Беру только «одесское»: большую упаковку Олеси и такую же Паустовского. Всё вместе пальцы едва удерживают.

В Питере я собрался остановиться у Сережи Цапского⁷ — молодого человека, некогда влюбленного в Светлану, но вынужденно уступившего ее мне. Сережа, носивший теперь фамилию жены — Таршис, встретил меня у выхода из метро и, измученному, помог добраться домой. Только там я понял, что Паустовский уехал в вагоне метро — поутру, устав от тяжестей, я испытывал острый приступ гипогликемии и был маловменяем. Мало того, что меня обобрала цыганка, я еще и потерял с десятков книг! Но Цапа тут же предложил обратиться в бюро находок — я отказался.

⁷ Цапский Сергей — муж Н.А. Таршис, театроведа, сестры поэтессы и художницы Анны Таршис (Ры Никоновой).

Бессильный, я нуждался в отдыхе, а в такое чудо, как спасенные книги, не верил: я всё же из Одессы. А Цапа ленинградец! Он немедленно позвонил по телефону — интересно, они все знают этот телефон? — и отправился в другой конец города, уложив меня в постель. Когда он вернулся, я с трудом верил своим глазам: книги, целые и невредимые, лежали передо мной на столе.

До Одессы я добрался без приключений. Сережа меня проводил, а дома встретил Шурик Чернов⁸. Поездка, несмотря на неприятности, оказалась весьма прибыльной.

Помогали нам и наши друзья. Чернов свел меня со своей приятельницей Риной Кричевской⁹. Несколько дней она пожила на Дубовой и на долгие годы осталась приятельницей Светланы. Оставшиеся до ареста полгода или немногим более она помогала нам в бизнесе, присылая художественные альбомы, которые в Вильнюсе и Риге были вполне доступны. А мы присылали ей небольшой гонорар, что ее очень поддерживало. Другие помогали изредка. Больше всех — Павловский¹⁰. Не помню, чтобы он много книг привез из своей деревни, где работал учителем, после того как у него возникли проблемы с дипломом. Но самую великолепную книгу, купленную на полустанке по дороге от матери из Херсона, привез именно он: «Японские нэцке». Совершенно роскошное издание. Я хотел бы ее оставить себе, но приобретать такие дорогие альбомы не мог — бюджет не позволял. Подержав ее дома и получив изрядное удовольствие, я продал ее за очень хорошую цену, но, возможно, всё равно продешевил. Но этим помощь Павловского не ограничивалась.

Во-первых, вслед за мной, он распродал часть своей фантастики. Во-вторых, потихоньку приносил мне довольно ценные антикварные издания, в военные времена собранные его отцом. Честно говоря, я плохо знаю семью Глеба, хотя долгие отношения должны были дать мне возможность находиться в гораздо более тесных отношениях. Но, как я уже писал, находясь с Павловским в очень тесной интеллектуальной связи, я испытывал некоторое отчуждение в той сфере жизни, которая предполагает доверие и, как следствие, теплоту. Поэтому я не могу точно сказать, как его отцу удалось успешно заниматься мелким бизнесом во время оккупации, настолько успешно, что он инвестировал в будущее, меняя продукты или вещи на книги. Но у меня вызывает восхищение такая стратегия — аристократическая по своей сути. В ней я видел какое-то важное преимущество Глеба передо мной, сыном простолюдинов. Мне казалось,

что живи я в доме, где запросто, протянув руку, можешь вынуть томик Гиббона¹¹ или первое русское издание книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях»¹², я вырос бы гораздо более образованным и подготовленным к той миссии, которую избрал. И еще один штрих, вызывавший уважение к отцу Глеба — ему удалось не только выжить самому, но и спасти мать-еврейку, тогда как евреи практически поголовно были уничтожены в Одессе после взрыва комендатуры.

Так или иначе, Глеб изредка передавал мне довольно ценные книги, хотя, скажем, на книги класса Гиббона он не мог покуситься. И я продавал их, насколько позволял рынок. Поиск клиента в этом случае оказывался непростой задачей. Не все книги такого рода мне удалось продать и даже окупить затраты. Тот же Беккариа, которого я намеревался продать в одном из букинистических магазинов Москвы, наверное, до сих пор лежит в квартире Олега, давно нас оставившего. Понятно, что Глебу я только компенсировал его затраты или платил за его родные книги лишь немногим больше, чем он мог бы получить в букинистическом магазине — покупал немногим щедрее, чем не так давно Акула¹¹ покупал у меня. И однажды кто-то из знакомых сказал, что Глеб жаловался, что я его обираю.

Наверное, для таких чувств были основания — нечто похожее я испытывал по отношению к Акуле. Но я обиделся. Конечно, я неплохо зарабатывал на тех книгах, которые передавал мне Глеб. Будь он партнером по бизнесу, должен был бы получить больше. Но, во-первых, я не занимался бизнесом — ни одной копейки из наторгованных денег я не взял себе, и ни копейки за свою работу не получил Олег: все они пошли на самиздат, который бесплатно читали десятки и даже сотни людей, в том числе и Глеб. Во-вторых, Глеб не был партнером — к счастью, он такой же бизнесмен, как и я. Я воспринимал его, как

⁸ Чернов Александр Павлович (1946–2020). В описываемое время — техник Одесского театрально-художественного училища. В 70-х участвовал в размножении самиздата.

⁹ Флорина Кричевская жила в Вильнюсе

¹⁰ Павловский Глеб Олегович (р. 1951) — российский политтехнолог и публицист. В 1970-е — 1980-е годы — автор и активный распространитель самиздата. Один из редакторов самиздатского журнала «Поиски».

¹¹ Гиббон Эдуард (1737–1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788).

¹² Беккариа Бонезана Чезаре (1738–1794) — итальянский мыслитель, юрист, философ, экономист и общественный деятель.

¹¹ Владимир Коваленко, один самых знаменитых букинистов Одессы.

скупщик клиента, и мой заработок был моим заработком. Если ты недоволен, терзал я себя, пытаюсь успокоить совесть, выйди на Староконный и продай сам! Интеллигенты слабы в коленках для такой работы. В наше время слыть спекулянтом было слишком неприлично, для репутации скверно. Да и психологически не каждый мог это делать.

Олег, к примеру, после первого же дня на Староконном, где я, новичок на рынке, попросил его поторговать некоторое время, чтобы обойти развалы, прицениться, посмотреть, что продают, отказался вдругорядь. Да, еще раз или два он стоял у книг, но с покупателями не торговался, выступая лишь в качестве сторожа. Так что наши функции поделились: я работал продавцом, Олег — снабженцем.

Ну, и надо добавить, что существовало еще одно щекотливое обстоятельство: «спекуляция» в СССР считалась уголовным преступлением. Правда, книготорговцы Староконного подвергались, насколько я помню, только административным наказаниям. И милиция закрывала глаза на обстоятельства, и профессионалы убедительно доказывали, что они продают свои личные книги — прочли и желают вернуть потраченное, чтобы купить новые, — такое правонарушение каралось мягче; возможно, иногда откупались, выстраивая личные отношения. Однако попасть в облаву — дело не из приятных. Случалось, что задержанный не отделялся только штрафом, но и рисковал напороться на оргвыводы по службе или в учебном заведении. К счастью, во время облав я удачно ретировался и ни разу не попал в руки милиции. Из этого я делаю вывод, что люди из КГБ в этом деле никак не сотрудничали со смежниками — не доверяли, да и в частном порядке презирали их. Впрочем, пользуюсь ответной неприязнью.

Так что моя работа — мой риск и мой заработок. Однако с совестью я продолжал разбираться еще долго. Впрочем, отмечу, что Глеб никогда в лицо меня не упрекал, а слухам доверять особенно не следует: люди часто вырывают слова из контекста, еще чаще плохо понимают говорящего и нейтральный рассказ запросто могут в своей интерпретации превратить в оценочный — люди бывают весьма безответственны в своих высказываниях. Но в 1974-м я такой мудростью не владел — точнее, она не владела мною, и слова рассказчиков больно ранили, что не могло не отражаться на моем отношении к Глебу.

Торговля шла настолько успешно, что со временем образовалась небольшая сеть поставщиков. Не знаю, сколько

мы выручали в 1973-м, когда только начали этим заниматься, но в 1974-м, до тех пор пока Курса не закончил университет и не уехал из Одессы, каждый день мы зарабатывали не меньше 50 рублей. Наторговать не меньше было делом чести, немного похоже на спорт. 400 рублей в месяц — такие деньги в мастерской¹² я мог тратить только в лучшие времена, возможно, всего несколько раз. Всё же обычные траты в 1971–1972 годах колебались в пределах от 200 до 300 рублей, а поначалу и вовсе не превышали 100.

И даже когда Олег уехал, я в одиночку продолжал ходить на рынок, несмотря на начавшуюся игру с КГБ. Когда за мной стали следить открыто, я перестал сам становиться на рынке и передал книги Валере Коробко, зятю Олега, книголюбу, с которым мы мало пересекались, и я не думал, что на него ляжет тень, чтобы он распродал остающиеся запасы. Ему повезло гораздо меньше — его задержали на рынке, а позднее привлекли свидетелем по моему делу.

Но, конечно, мы с Олегом занимались не только делами или обсуждением самиздата и политических новостей. Мне доставляло удовольствие просто проводить с ним время. Книги, которые мы продавали, также служили источником вдохновения. Те же нэцке или Хиросиге, Ван-Гог, Гоген, Роден, музеи мира служили поводом не только для обсуждения, но и напоминали нам о днях мастерской, служили импульсом для размышления о будущем, о восстановлении мастерской в камерном режиме, о новых технологиях и новых формах. А далее шли разговоры о языке, о китайской философии, увлекшей меня в первой половине 70-х, да так и остающейся предметом интереса и по сей день. И вообще я отдыхал душой, ускользая от нервной атмосферы моей семьи. Когда картошка пожарена и съедена, разговоры теряют яркость, можно сесть и за шахматы — Свет¹³ заразил меня этой игрой, и я всё время совершенствовался. Сначала мы с Олегом играли вровень, но потом я, как правило, побеждал.

Как-то раз Бутов¹⁴, который тогда временно находился в Одессе, возмутился явно выраженным моим превосходством

¹² Мастерская по изготовлению бижутерии на Одесской фабрике народных художественных промыслов, которой я руководил в 1970–1972 годах.

¹³ Томленов Святослав Львович (1943–2000) — пианист, в 1971–1972 годах один из главных моих собеседников, читатель самиздата из семьи активных распространителей самиздата.

¹⁴ Бутов Петр Алексеевич (1946–2012). По образованию физик. Хранитель библиотеки самиздата. Арестован в 1982 г. Осужден на 5 лет лагерей и 2 года ссылки. В 1991 году эмигрировал в Германию.

и сам решил сыграть со мной. Но потерпел поражение. Второе, третье. «Так нельзя играть, — возмущался он моей агрессивной атакой на левом фланге. — Таких дебютов нет ни в одной книге. Значит, этому должна быть противопоставлена сильная игра. Иначе бы профессионалы применяли бы такую тактику. А раз это не происходит, твой стиль должен быть наказуем». И он заставлял меня играть партию за партией. Уж полночь наступила, мне давно пора идти домой, но Петя не сдаётся. Но я больше не мог не проявить характер — дома жена одна с дочерью, не лучший вариант, а завтра утром ей на работу. Всё, баста!

Но Петя явно не хотел меня отпускать победителем. Он предложил:

— Давай сыграем только одну партию!

— Ни одной!

— Я предлагаю партию в самую короткую игру в мире.

Распишем пульку.

— Преферанс?

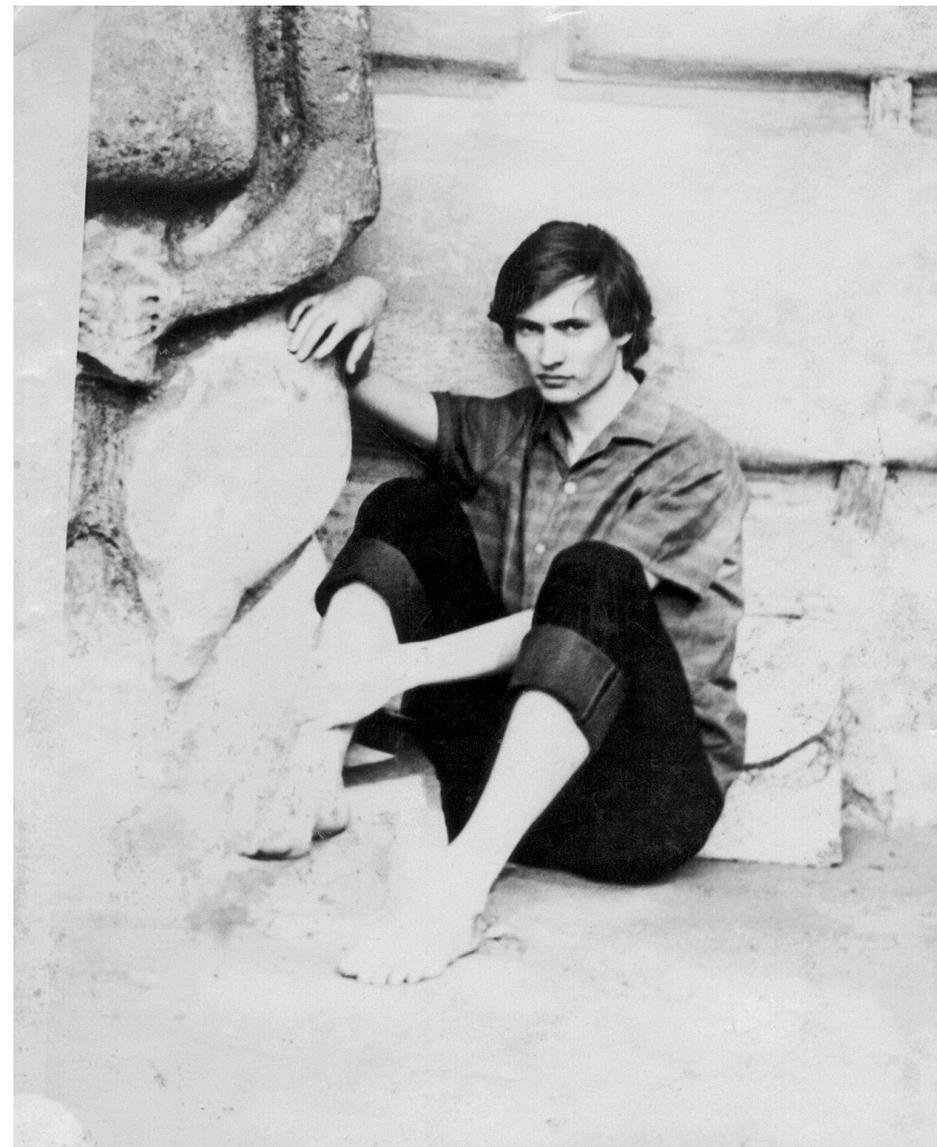
— Да.

— Ничего ж себе, самая короткая игра! — в преферанс я никогда не играл, но понимал, что это надолго.

— И в самом деле короткая — ее можно прекратить в любой момент.

Курса стоял рядом, хмыкал и покусывал ус. Ничего определенного по его виду сказать нельзя было, но он подтвердил, что игру можно прекратить в любой момент. Ну что ж, только посмотрю на правила, а сыграем в следующий раз. На том и порешили. «Почему бы и нет?» — но Петины глаза сияли, и он злорадно улыбался. Правда, я категорически отказался играть на деньги — клятву, данную себе в отрочестве, я не престапал никогда.

Утром очнулся от стука в окно — за ним, согнувшись в три погибели, стояла Светлана с яростным выражением лица. Понятно, что сказала она, когда я открыл форточку. И ушла на работу. А я сгреб карты, прекратив игру «в любой момент», и отправился на Сегедскую, где дочь осталась на попечении мамы.

В. Игрунов, 1970-е, Одесса

Орлов Владимир Игоревич,
независимый исследователь
и собиратель фактов

Orlov Vladimir,
independent researcher and
collector of facts.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63

Орган девяносто пятой республики

Newspaper of the ninety- fifth republic

Аннотация: Статья посвящена ранним образцам студенческого самиздата, выпускавшимся в начале 1950-х годов студентами ЛГУ. Приводится официальное письмо, связанное с выпуском одного из этих изданий и фрагменты газеты «Бобыль».

Ключевые слова: 1950-е годы, неофутуризм, студенческий самиздат, ЛГУ, «Брынза», «Голубой бутон», «Бобыль».

Summary: The article is devoted to the early samples of student samizdat published in the early 1950s by students of Leningrad State University. An official letter related to the release of one of these publications and fragments of the newspaper “Bobyly” are given.

Keywords: 1950s, neofuturism, student samizdat, Leningrad State University, “Brynza” (“Cheese Brânză”), “Goluboi buton” (“Blue Bud”), “Bobyly” (“Solitary Man”).

Еще в 1952 году в стенах Ленинградского университета зародилась вольная печать. Но поэтический альманах «Брынза», в котором участвовали «неофутуристы» Михаил Красильников, Юрий Михайлов, Эдуард Кондратов и Владимир Сокольников, к счастью, не привлек внимания администрации. Прежде всего, видимо, потому, что он был выполнен рукописным способом (тексты вписаны от руки между строк брошюры по технологии изготовления брынзы) и в единственном экземпляре, который затем был утерян.

«Брынза» периодически упоминается в мемуарной и исследовательской литературе¹, однако в каталоги самиздата

не включается, поскольку даже при весьма размытом современном подходе у этого альманаха отсутствуют два важных признака существования: физически сохранившийся экземпляр и наличие общественного резонанса.

Зато о единственном номере «литературно-художественного и антихудожественного» журнала «Голубой бутон», вышедшем 4 ноября 1955 года, вряд ли говорили бы как о первой ласточке самиздата, если бы не экземпляр, сохраненный Николаем Солохиным² и не статья в ленинградской газете «Смена»³, с последовавшими упоминаниями в передачах «вражеских голосов».

Другим изданиям, родившимся в стенах ЛГУ в том же году, повезло меньше: рукописная газета студентов-химиков из 125-й комнаты общежития № 3 под названием «Солнце всходит и заходит», в которой помещались «пошлые, бездарные стихи», была упомянута всего-навсего в многотиражке университета⁴; дальше волна не пошла, а сама газета, по-видимому, утеряна. И уж совсем ничего не известно было о стенгазете «Бобыль (орган 95-й республики)», издававшейся филологами в общежитии на Малой Охте. Между тем ее первый номер (не сохранившийся) вышел даже раньше «Бутона», поскольку сохранившийся второй датирован тем же, что и «Бутон», числом: 4 ноября 1955. Если «Голубой бутон» лишь декларировал неосуществившуюся периодичность (раз в месяц) своего издания, то «Бобыль» реально выходил с некоей трудноопределимой периодичностью, и был прикрыт под давлением деканата (?) лишь после пятого номера. Судя по приводимому ниже письму, авторы (или автор) газеты, как и создатели «Голубого бутона», тоже подверглись разбору на заседании парткома университета.

Заметим, что авторы трех изданий («Брынза», «Голубой бутон» и «Бобыль») наверняка были хотя бы шапочно знакомы между собой, поскольку учились на одном, филологическом,

¹ Беседа Михаила Красильникова с сотрудником всеобщего общества «Мемориал» Софьей Чуркиной // Даугава. 2001. № 6. С. 111–145; Лосев Л. Меандр. М. Новое издательство, 2010 (Тулупы мы, с. 279–288); Герасимов В. Из беседы с Юлией Валиевой // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья / Сост. Ю. Валиева. СПб.: Контраст, 2015. С. 491–493.

² Солохин Н. Подснежники «оттепели» // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–1980 годы»). Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). СПб., 1993. С. 22–31.

³ Образцова Л., Смирнова И. Почему распустился «Голубой бутон» // Смена. 03.01.1956.

⁴ Дебоширов и Разгиляев — вон из общежитий! // Ленинградский университет. 10.04.1956.

факультете, ходили в местное литобъединение, а также печатались в многотиражке «Ленинградский университет». В одной из статей, опубликованных в этой общеуниверситетской газете, можно даже встретить упоминание деятеля «девяносто пятой республики» И. Тарашнина в сопровождении фотографии, выполненной автором «Голубого бутона» В. Пуписовым. Однако такие горизонтальные связи развития не получили — может, как раз из-за быстрого разгрома «Бутона», а может быть, из-за разности интересов. Что могло объединить столь разных людей, помимо того очевидного факта, что все они — из нового, непоротого поколения студентов?

Все они нащупывали оборванные связи, искали в прошлом близкую им традицию и опору. Но — каждый свою. Если круг Красильникова ориентировался не столько даже на самовитое слово футуристов, сколько на игровой (экспериментальный) элемент в поэзии вообще, то во вступительном слове к «Голубому бутону»⁵ чувствовалось тяготение к романтизму и символизму, назывались имена Блока, Александра Грина и (сказалась филологическая закваска?) менее известного Константина Эрберга. Впрочем, стихи и у авторов «Бутона» выходили скорее футуристические. «Бобыль» же брал за образец творения чрезвычайно популярного тогда Козьмы Пруткова, вплоть до цитирования отдельных максим этого персонажного автора и превращения себя в персонажей собственного издания. В газете пародировались как газетные штампы (в том числе путем частичного воспроизведения структуры рубрик университетской многотиражки), так и способы изображения классово-внутрипартийной борьбы — путем применения их к событиям самопровозглашенной на территории общежития девяносто пятой республики. Снижался, если не обесмысливался, пафос официальных формулировок, таких, например, как «принцип мирного сосуществования», который проецировался всего лишь на проживание на одном этаже общежития студентов юридического и филологического факультетов (содержание этой заметки, по-видимому, являлось отзвуком произошедшей массовой драки между ними — см. письмо на имя Саконтикова), и т. п..

Могли ли все эти молодые литературные силы университета презреть имеющее место различия и как-то объединиться вне стен официально уполномоченного лито? Вряд ли. Вадим Крейденков, сам в те годы учившийся в ЛГУ, писал: «И стиль времени и хозяева времени не позволили бы существовать группе с какой-либо фиксированной структурой, членством и фор-

мулированными правилами игры. А у Красильникова имелось в меру художественного вкуса и своеобразного такта поведения, чтобы никогда не заикнуться, а может и не подумать о формализации кружка, о ярлыке и программе. В иные времена из этого кружка возникло бы направление, журнал. Но время позволило ровно столько, сколько позволило»⁶.

Что касается университетского литобъединения — хотя его, как уже было сказано, посещали все авторы упомянутой здесь самиздатской периодики, никто из них в официальных конкурсах на «лучшее лирическое стихотворение» или на «лучшее произведение, посвященное работе в подшефных колхозах», неоднократно объявляемых многотиражкой, участия не принимал — в такие игры их вовлечь было уже невозможно. В этом смысле претензии, предъявляемые в публикуемом ниже письме Николаю Брауну, руководившему лито в 1955 году, неосновательны — ни он, ни кто-то другой «перековать» этих студентов был не в силах.

В этом вскоре смогло убедиться руководство университета: сообщение о том, что «в этом <1956> году партком принял решение об улучшении работы нашего литературно-творческого объединения»⁷ (выразившееся в том, что руководителем вместо Брауна был назначен Вадим Шефнер) символически совпало с арестом Михаила Красильникова, устроившего очередной хеппинг с игровыми, но отчетливо антисоветскими лозунгами на подходе к демонстрации, посвященной 7 ноября.

Судьбы студентов, выпускавших «орган 95-й комнаты» общежития на Малой Охте (впрочем, возможно, что собственно выпускающий был всего один: каждый номер завершается подписью «Редактор: Алекса»), неизвестны, но вряд ли они могли сильно пострадать: даже по нашумевшему делу «Голубого бутона» лишь один человек был исключен из комсомола.

⁵ Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–1980 годы»). Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). СПб., 1993.

⁶ Крейд В. Футурист пятидесятых годов // Антология «У Голубой Лагуны». Т. 5А / Сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Newtonville, Mass.: ORP, 1986. С. 564–577.

⁷ Ленинградский университет. 07.11.1956. (Врезка к рубрике «Стихи наших поэтов», с. 4).

Письмо Н.И. Саконтикову и избранные тексты из газеты «Бобыль» приводятся по архиву Корнелия Зелинского (РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, е. х. 1303). Имя адресата письма — Николая Ивановича Саконтикова — связано, прежде всего, с кинематографической и телевизионной деятельностью, а также с цензурным ведомством. Автора письма установить затруднительно, поскольку подпись не позволяет с уверенностью определить даже его пол. Все номера газеты, хранящиеся в РГАЛИ, по-видимому, не являются оригинальными, а перепечатаны для представления на партком ЛГУ. Как и почему они попали в архив Зелинского, установить не удалось.

Тов. Н.И. САКОНТИКОВУ

Посылаю Вам копии ежемесячного литературно-художественного и антихудожественного журнала Голубой Бутон. Судя по тому, что он напечатан на машинке, тираж его, видимо, достигает 3–5 экземпляров. Издается он группой студентов филологического факультета Ленинградского университета.

Посылаю Вам также копию тех номеров стенгазеты Бобыль, которые удалось достать в Парткоме университета. Газета издавалась группой студентов, проживающих в общежитии на Малой Охте, в комнате № 95.

К этим фактам из жизни студентов Ленинградского университета следует присовокупить еще такие, ставшие известными мне из беседы с одним знакомым преподавателем этого учебного заведения.

В общежитии на Малой Охте три этажа занимают студенты юридического факультета, а два этажа студенты филологического факультета. Между студентами двух факультетов, проживающих в общежитии, часто бывают стычки, недоразумения, конфликты. Они относятся друг к другу, как два враждующих лагеря. А не так давно имел место такой случай. Члены студсовета — юристы, обходили комнаты, проверяли, всё ли в порядке. В одной из комнат у филологов они обнаружили посторонних после 12 часов ночи. Попросили этих посторонних удалиться. На этой почве начался спор, который перешел в стычку, а потом и самую настоящую драку. Послышались крики: «Наших бьют!» В потасовку включились десятки студентов из обоих факультетов. Многие из них на другой день ходили с синяками.

Факт с изданием журнала Голубой Бутон больше всего говорит о неудовлетворенной активности студентов, желающих

как-то включиться в литературное творчество и об отсутствии в этом деле направляющей руки. К сожалению, лито Университета не имеет настоящего квалифицированного руководителя. Поэт Н. Браун, который выделен Союзом Писателей в качестве руководителя объединения, пока ничего не делает, в эту работу не включился.

Но вместе с тем, учитывая всю сумму фактов, а также имеющие место случаи пьянства, аморальных поступков среди студентов — тема о состоянии воспитательной работы в вузах остается актуальной и ее следует поставить на страницах газеты. После неудачи со статьей Е. Серебровской мы за эту тему больше не брались, а, как видно, надо браться, желательно знать на этот счет мнение редакции.

Ленинград 26.1.56

Л. Васильев (-а?)

БОБЫЛЬ

Орган комнаты № 95

№ 2 (4 ноября 1955 г.)

Женщины, я люблю вас! Будьте бдительны.

Принцип сосуществования — в жизнь.

Правительство комнаты в первый же день заявляет о своем желании защищать мир между комнатами всеми доступными ему средствами. Девяносто пятое правительство убеждено, что раздоры между комнатами должны уйти в прошлое.

Комнаты могут и должны мирно сосуществовать. Нужно развивать дружеские отношения между собой. Наше правительство берет за расширение различных культурных связей, за обмен делегациями, за торговлю.

Товарищи, наладим добрые отношения с комнатами 5-го этажа за проведение народных празднеств.

Телеграмма премьер-министру 95-й Гаврилову Е.

Дорогой премьер, я очень рад сообщить тебе из Рио-де-Жанейро, что я весьма доволен тем, что несколько дней не буду видеть тебя тчк.

Ершов, министр радио- и электрификации.

Митинг по случаю отъезда Шварцмана на родину.

3-го ноября на перроне местного вокзала состоялся митинг по случаю отбытия Министра Юстиции А. Шварцмана на родину.

На торжественных проводах присутствовало несколько человек, корчивших министру скорбные рожи. Нашему корреспонденту достоверно стало известно, что министр билета не брал, ссылаясь на открытый счет в банке, но в вагон всё-таки сел.

Указ о награждении Ершова

За выдающуюся заслугу перед всем светом, выразившуюся в том, что В. Ершов 24 года назад имел честь родиться — наградить Ершова женою (в количестве 1 штука).

Информационное сообщение Кабинета Министров

После праздников Кабинет Министров будет обсуждать проект конституции комнаты. В обсуждении «вышеизложенного» проекта примут участие многоуважаемые члены правительства, пострадавшие во время праздников.

Сенсация

В народе волнения. Народ в лице Тарашнина Ю. взбунтовался. Правительство деятельно борется; правительство прилагает все усилия по усмирению бунтовщика.

Экстренная телеграмма

Только что получена телеграмма от Министра Юстиции, в которой сообщается, что Шварцман находится на обратном пути для расследования беспорядков.

Знаете ли вы, что

Шварцман никогда не выйдет замуж?

Спортивная страничка

Ершов, участвующий в соревнованиях общежития по шахматам, одержал поражение.

Гаврилов распекает Ершова за поражение.

Гаврилов порвал Ершову штаны.

Вчера ... ради спортивного интереса побывал в метро. На его теле обнаружена пара вмятин. Сам же он до сих пор находится в обмороке.

Письмо в редакцию

В вашей газете систематически печатаются клеветнические сообщения о моих любовных похождениях. Подобные статьи являются подлым выпадом против меня и подрывают мой ав-

торитет в глазах народа. Прошу редакцию обратить самое серьезное внимание на автора этих пасквилей и по возможности наказать его.

С глубоким уважением А. Шварцман.

От редакции: мы постараемся как-нибудь выслать своего корреспондента, чтобы он на месте похощений обличил вас в ханжестве.

Обычаи республиканцев

В Обычае республиканцев производить как можно больше шума, если кто-нибудь спит.

У Шварцмана привычка страдать от этого обычая.

В духе Гаврилова — метать икру.

Ю. Тарашнин обычно по роковой рассеянности оставляет за собой распахнутую дверь, но если Устюгов уходит мыться раздетым до пояса, тогда Юра замыкает дверь и уносит ключ.

Объявления

Распускаю деканских «уток». Легковерные да поймают!

Шварцман

Разыскиваю сбежавший ботинок.

Гаврилов

Читайте «Избранную перебранку» И. Тарашнина и В. Гаврилова. Изд-во «Бобыль».

Гр-н Гаврилов В., проживающий по улице Стахановцев, возбуждает дело о разводе Охтенского моста. Дело будет рассматриваться в 95 к.

В Редакцию

Уважаемый т. Редактор!

Прошу через Вашу газету передать от меня искреннюю благодарность тем организациям и частным лицам, которые изволили меня поздравить по случаю того, что 24 года назад я имел честь родиться на свет.

Но, товарищи, где же обещанная награда? Истосковался по ней.

С уважением, В. Ершов, министр электрификации и Радио.

Сегодня в кино:

к/т «Хроника» — закрыт на ремонт.

к/т «Черный лебедь» — «Гул в пивной бочке».

к/т «Дева» — хроникальный фильм «Ю. Тарашнин покоряет целину».

ДК им. Гаврилова — лекция «В помощь молодым матерям».

№3 (15 ноября 1955 г. Среда)

На нашу республику за последнее время участились налеты со стороны деканатов. Мы не будем вновь философствовать о бдительности. Мы не будем вновь сожалеть о неудачливом и нерасторопном брате Тарашнине.

Товарищи, позаботьтесь о благе своем, посетим некоторые лекции.

По республике

14.11. Сегодня особ нежного пола в комнате не наблюдалось, если не считать мышь под кроватью Ершова.

14.11. В комнате темно и мрачно. Народ безмолвствует. В головах министров наблюдается брожение. Интересно, почему бы это?

15.11. Обсуждение проекта конституции республики отложено до неизвестного времени. Министры ломают головы. Жертв пока нет.

Рио-де-Жанейро. 12.11. Нам сообщают, что на днях в Бразилии произошел государственный переворот. По городу ходят упорные слухи, что это дело рук министра электрификации девяносто пятой республики.

Малая Охта. 12.11. Здесь обеспокоены судьбой сбежавшего перед праздником в Рио. Завтра премьер-министр подаст во всемирные розыски. Некоторые утверждают, что Ершов погиб во время переворота.

Малая Охта. 13.11. Сегодня в свою резиденцию возвратился из бегов министр электрификации и радио В. Ершов, в его вещах обнаружено семь синих палочек.

Заговор против республики

Вчера контрразведка донесла, что Ершов составил с народом заговор против республики. Вышеизложенный тип подстрекал народ устраивать время от времени бунты.

Следствие еще не начато, т. к. министр юстиции Шварцман до сих пор спит.

Сенсация

Похищение женщины

14 ноября в десять часов утра в девяносто пятой республике похищена женщина в плавках и бюстгалтере. Похищение совершила некрасивая дама. Похитительница передала свою добычу профбоссу, жаждавшего похищенной. Похитители действовали столь нагло, нахально, гнусно и мерзко, что республиканцы, оторопев, не смогли защитить жертву произвола.

К похищению женщины

Игорь Тарашнин до сих пор дрожит.

М. Охта. 15.11. Сегодня Гаврилов встал в 7 ч. утра, чтобы узнать, как будет по-немецки «домашнее чтение».

М. Охта. Братья Тарашнины получили от студсовета грамоты за активные действия на празднике.

Сегодня в наших к/т

к/т «Хроника» — «Налет на 95 к.».

к/т «Черный лебедь» — новая французская кинокомедия «Тайны кровати».

к/т «Дева» — хроникальный фильм «Похищение полуобнаженной».

№4 (21 ноября 1955 г.)

В связи с приближением великого праздника — выдачи стипендии — я призываю к порядку и тишине в нашей республике не только народ, но и министров. Как показала практика, особую недисциплинированность проявлял многоуважающий себя премьер-министр.

Ввиду вышеизложенного я предлагаю ввести перепись всех стеклянных предметов, а также предупреждаю, что министерством юстиции будут приниматься самые строгие меры в отношении тех, кто разобьет более одного стакана и сломает себе более одной головы.

(Из приказа министра юстиции А.Ш. за № 2-384)

Кабинет министров реорганизуется

Гаврилов свирепствует.

Игорь Т. слетел с поста министра сношений и будет отныне представлять народ.

Тарашнин И. в знак протеста стоит на голове, дрыгает руками и требует автономии. Автономия его будет состоять в том, что его корыто будет заправляться по-черному.

Ершов назначен министром сношений, а Ю. Тарашнин, представлявший прежде народ, министром электрификации. Радио переходит в ведомство министра культуры.

Министры трепещут и боясь участи И. Тарашнина, срочно строчат приказы, дабы показать свою деятельность.

20.11. Регулярно по утрам Устюгов меняет фотографии над своей койкой. Что означают эти маневры? Неизвестно.

21.11. Здесь стало достоверно известно, что А. Шварцман завербован в контрразведку деканата. По заданию деканата оный распространяет в комнате ложные слухи о предстоящем налете декана. Таким путем ему не раз удалось спровоцировать всеобщий подъем к 9 часам.

21.11. Народ, запуганный шантажом Шварцмана, поднялся сегодня в девятом часу. В результате он опоздал к 11 часам.

Происшествие.

Девяносто пятую республику вчера посетили три особы женского пола. Мы утверждаем, что две из них здесь не ночевали.

Приказ № 1

(первый и последний)

Министра электрификации и Радио

За самопожертвование сном, за отсутствие брюзжания насчет непогашения света, проявленные Тарашниным И. 22.11. в два часа ночи, приказываю объявить ему благодарность.

Приказ довести до сведения всех организации и частных лиц девяносто пятой республики.

В. Ершов

2 часа ночи 22.11

Гаврилов министр министров! Сенсация! Сбежал в Колпино!

В харчевне

Сегодня, 23.11, коммунары Гаврилов приготовил для своей харчевни: на первое — суп скандей из жареных гвоздей. На второе — колбасные обрезки.

Моды

Нынче в моде оригинальность. Очень оригинально ходить в зимнем пальто, но без шапки. Следуйте примеру великого модника Гаврилова В.

Пивнушка «Голубой Дунай» (на берегу) в связи с предстоящим наплывом посетителей продлила часы своей работы.

Физкультура и спорт

Сегодня после сна физкультурой никто не занимался.

Шестого ноября состоятся гонки по магазинам.

Ю. Тарашнин предлагает правительству 95 комн.

а) выпустить из зоопарка всех животных для осмотра метро;
б) освободившиеся клетки перенести на время праздника в общежитие.

Хроника

Шварцмана, как неудавшегося «зайца», только что привели два милиционера.

Вечером продолжались волнения в народе.

Народу удалось подкупить одного из министров —

И. Т.

Требуя точного исполнения законов о свете, И. Тарашнин заявил в парламенте: — Выражаю вотум недоверия правительству Гаврилова и требую вывода его из правительства.

После этого И. Тарашнин поставил вопрос на голосование.

Тремя голосами против двух Гаврилов остался правителем.

Взбунтовавшийся народ в лице Ю. Тарашнина голосовал против правительства Гаврилова.

Поздно ночью пораженный неудачей народ слег в постель.

Сегодня в кино и ДК

к/т «Хроника» — «Подавление народных волнений».

к/т «Черный лебедь» — «Эликсир жизни».

к/т «Дева» — «Похититель девушек».

ДК им. Гаврилова — лекция на тему «Как зарождается любовь». Лекцию читает А.Ш. нач. в 00.30.

Радио: Предпраздничная речь премьер-министра девяносто пятой В. Гаврилова.

№5 (вторник)

Решение Кабинета Министров

К.М. 95-й республики постановил: Пороть Тарашнина Ю. тоненьким ремешком всякий раз, как он забудет закрыть за собой дверь.

М. Охта 26.11.

Вниманию женщин

Премьер выпустил заём.

Условия займа предусматривают, что первый розыгрыш состоится перед Новым годом. В тираже будут разыгрываться Шварцман и Тарашнин Игорь. Покупайте облигации у Гаврилова!

Вчера Шварцман, уходя на ночные похождения, закрыл дверь на ключ, дабы редакция не могла послать с ним своего корреспондента. Однако то, что он вернулся в 4 ч., говорит само за себя.

Увы! Природа, видно, подшутила, когда меня произвела? Она мне в грудь любовь вложила, любви же пищи не дала.

Шварцман, любитель острых ощущений, иногда любит помечтать в одиночестве.

Обед

В субботу премьер дал обед на Невском в честь дня рождения народа. На обеде присутствовали супруга премьера, И. Тарашнин, Ершов, Шварцман. Обед прошел в дружественной обстановке, выбито только 2 зуба.

Хроника

В воскресенье премьер с супругой и министр сношений посетили Артиллерийский музей и посмотрели «Двенадцатую ночь».

В понедельник премьер не имел возможности пойти на занятия, т. к. он был назначен зампомнянкой при своей малолетней дочке.

Нам пишут

Эдди Рознер приглашал Ю. Тарашнина и Гаврилова участвовать в его оркестре. Оные от предложения отказались.

Спорт

Ершов, участвующий в соревнованиях по шахматам, одержал еще две победы, набрав таким образом 3 очка из 4-х. Пока что он лидирует.

В пятницу состоялись соревнования по шахматам в комнате. И. Тарашнин свел партию с Устюговым вничью. Устюгов нечаянно обыграл Ершова.

Мы вступили в период гнусной реакции

Пользуясь самоустранением премьера от власти, министр юстиции зажимает К.М. в ежовые рукавицы. Республика задыхается. Репрессии всё усиливаются. Газета преследуется. Над редакцией газеты свирепствует черная цензура.

Редакция с прискорбием извещает министров и народ о гибели республики и ее органов.

Газета закрывается. Претензии подавать министру юстиции.

Погода

Сегодня под вечер в некоторых районах республики было 40 выше обычного. Ветер качал дома и луну. Завтра по сведениям Бюро погоды ожидается просветление.

Сегодня в кино

Все кинотеатры и дома культуры разгромлены распоясавшимися наймитами министра Юстиции.

Рублев Дмитрий Иванович,
Московский государственный
университет имени
М.В. Ломоносова, доцент
факультета государственного
управления, кандидат
исторических наук

Rublev Dmitry,
Lomonosov State University
of Moscow, School of Public
Administration, assoc. prof., PhD
rublev773@gmail.com

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63)

«Дело Румянцева», или «Три металлических банки из-под кофе с антисоветскими и идеологически вредными документами» (К истории прокитайских молодежных групп в СССР 1960-х годов)

“The Rummyantsev case”,
or “Three metal coffee
cans with anti-Soviet
and ideologically harmful
documents” (On the
history of pro-Chinese
youth groups in the USSR
in the 1960s)

Аннотация: Автор публикует листовку, выпущенную летом 1968 г. группой «Сталин». Так назвали свой подпольный маоистский кружок несколько студентов МГУ. Листовка была размножена в количестве нескольких сотен экземпляров и расклеена в ряде районов Москвы летом–осенью 1968 г. На основе архивных документов освещается деятельность группы «Сталин», история ее возникновения. Одной из центральных фигур публикации является А.А. Румянцев, которого следствие определило как основателя и идеолога этого кружка. Особенность идейно-политической позиции группы «Сталин» заключается в сочетании радикального отрицания социально-политической системы, сложившейся в СССР времен Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, с приверженностью идеям И.В. Сталина и Мао Цзе-дуна.

Ключевые слова: самиздат, листовки, сталинизм, маоизм, Мао Цзе-дун, группа «Сталин», Румянцев Алексей Алексеевич, Румянцев Алексей Матвеевич.

Summary: Publication of the leaflet issued in summer, 1968 by the “Stalin” group. It was an underground Maoist group created by several students of Lomonosov Moscow State University. The activities of the “Stalin” group and story of its origin are covered in this study based on archival records. One of the central figures in the publication is A.A. Rumyantsev, whom the investigation identified as the founder and ideologist of the group. The peculiarity of the ideological and political position of the “Stalin” group lies in the combination of a radical denial of the socio-political system that was established in the USSR during the time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev with a commitment to the ideas of I.V. Stalin and Mao Tse-tung. The leaflet was reproduced in an amount of several hundred copies and pasted up in several districts of Moscow in the summer and autumn of 1968.

Keywords: samizdat, leaflets, Stalinism, Maoism, Mao Tse-tung, the Stalin group, Alexey Rumyantsev, Alexey Matveyevich Rumyantsev.

Листовки подпольных оппозиционных групп, действовавших в СССР в эпоху Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, являются достаточно заметным сегментом самиздата, но по сей день мало изученными среди них остаются листовки оппозиционных групп прокитайской направленности. В ряде публикаций мы писали о деятельности оппозиционно настроенных кружков и индивидов, рассматривавших политический курс Мао Цзе-дуна и Китайской коммунистической партии как антибюрократическую альтернативу советской модели¹. Благодаря изученным ранее материалам фонда Р-8131 (Прокуратуры СССР) Государственного архива Российской Федерации мы получили возможность выявить идеологические установки советских маоистов, проанализировать основные направления их деятельности. Помимо справок, представленных сотрудниками прокуратуры и КГБ, в делах находятся выдержки из показаний, а также полностью или частично сохранившиеся сочинения подследственных. В том числе — листовочная литература. Одним из наиболее масштабных и неизвестных исследователям примеров активности прокитайски настроенного подполья стала история группы «Сталин», действовавшей в Москве в 1968–1969 годах. Впервые информация по делу ее участников была опубликована в сборнике аннотаций, подготовленном сотрудниками ГАРФ².

В состав этой организации входили Алексей Алексеевич Румянцев (1948 г. р.), Василий Константинович Габисов

(1942 г. р.) и Владимир Петрович Попивода (1949 г. р.). В момент ареста им было 19–26 лет. Попивода и Румянцев — уроженцы Москвы, русские. Габисов — уроженец Грозного, осетин. Все трое были студентами Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Василий Габисов и Алексей Румянцев учились на 3-м курсе юридического, Владимир Попивода — на 3-м курсе экономического факультетов. Габисов был членом КПСС, Румянцев — членом ВЛКСМ, Попивода — беспартийным. К моменту ареста первые двое были холосты и лишь В.П. Попивода — женат³. Наиболее заметно фигурой, лидером и идеологом группы, вероятно, был А.А. Румянцев — сын академика Алексея Матвеевича Румянцева, известного советского экономиста, члена ЦК КПСС. В конце 1960-х годов Алексей Матвеевич возглавлял Институт Конкретных социальных исследований, а также занимал пост вице-президента Академии наук СССР, отвечающего за общественные науки⁴. Позднее, в начале 1970-х, вышла его книга, посвященная анализу и критике маоистской идеологии⁵. Не исключено, что ее появление непосредственно связано с событиями, о которых идет речь в нашей статье. А.А. Румянцев ранее уже имел опыт оппозиционной деятельности. Первый раз «в момент изготовления листовок о событиях в Китае и об антикитайской кампании в СССР»⁶ он был арестован 8 февраля 1967 года. Журналист Евгений Жирнов приводит отрывок из доклада председателя КГБ СССР В.Е. Семичастного, раскрывающий содержание листовок и планы Румянцева по

¹ См.: Рублев Д.И. Влияние маоистских идей в среде диссидентских групп советской молодежи 1960-х гг. // Переход от «предыстории» к истории человечества: национально-освободительные революции 1917–1918 гг. в контексте социальной революции. СПб.: Дом Плеханова РНБ, 2016. С. 183–198; *его же*. Ким Сайфуллович Давлетов: диссидент-маоист, автор «самиздата» и «тамиздата» // Аста samizdatICA / Записки о самиздате. Вып. 4. М.: ГПИБ России, Международный Мемориал. 2018. С. 178–193.

² 5810. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко; Сост. О.В. Эдельман. М.: Международный Фонд «Демократия», 1999. С. 697.

³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 36. Д. 2980. Л. 7, 14.

⁴ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1031499/3/Semichastnyy_-_Bespokoynoe_serdce.html (Дата обращения 28.11.201).

⁵ См.: Румянцев А.М. Истоки и эволюция идей Мао Цзе-дуна, М.: Наука, 1972.

⁶ Жирнов Е. Социализм с человеческим лицом // Коммерсантъ Власть. № 31. 13.08.2007. С. 54. [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/794500> (Дата обращения 10.10.2020).

их распространению: «Содержание листовок носит открытый прокитайский характер, в которых осуждается политика КПСС и Советского правительства по отношению к группе Мао Цзэ-дун и одобряется “культурная революция” в Китае. Указанные листовки Румянцев намеревался направить в адреса посольств КНР, Кубы, Венгерской Народной Республики, а также в газеты: “Правда”, “Известия”, “Комсомольская правда” и другие»⁷. Арестованный проявлял смелость и принципиальность на допросах, что также подтверждает Семичастный: «Во время беседы в органах КГБ Румянцев вел себя надменно, заявляя, что изложенная им в листовках точка зрения является его убеждением. Румянцев заявил, что эти убеждения он не изменит и после проведенной с ним беседы в КГБ, так же, как и после неоднократных споров с отцом, которого он уважает, но не разделяет его взгляды»⁸. В это время Алексей Алексеевич учился на 1-м курсе экономического факультета МГУ. В дальнейшем он перейдет на юридический факультет. Учитывая его молодость и то обстоятельство, что «он своими действиями не причинил ущерба интересам Советского государства», Алексея Алексеевича не привлекли к уголовной ответственности, ограничившись проработкой в комсомольской организации МГУ⁹. Вместе с тем было принято решение об «оперативной проверке» Алексея Алексеевича и его окружения¹⁰. Трудно утверждать однозначно, но не исключено, что дальнейшие события, связанные с разгромом возникшего вскоре вокруг А.А. Румянцева маоистского кружка и арестом его участников, стали результатом этой самой «проверки», а проще говоря — слежки. По мнению журналиста Евгения Жирнова, дело Румянцева являло собой пример использования детей высокопоставленных лиц их противниками по аппаратной борьбе с целью отстранения от работы «отцов, плохо воспитывавших своих детей»¹¹. Жирнов указывает, что А.М. Румянцев, в середине 1960-х годов главный редактор «Экономической газеты» и член Центральной Ревизионной комиссии КПСС, был одним из главных пропагандистов экономической реформы, проводившейся председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным. Именно это обстоятельство, по мнению Жирнова, послужило причиной возбуждения первого «дела Румянцева», давшего возможность оппонентам Косыгина сместить одного из его преданных сторонников¹². Как бы то ни было, Семичастный в своем докладе рекомендовал «поручить отделу пропаганды ЦК КПСС провести с Румянцевым А.Ф. соответствующую беседу»¹³. Отец и сын Румянцевы неоднократно упоминаются в воспоминаниях

Семичастного, в том числе и в связи с тем, что председателю КГБ пришлось объясняться с Алексеем Матвеевичем относительно ареста сына¹⁴.

По версии следствия, свою деятельность участники группы «Сталин» начали 20 июня 1967 года с рассылки написанных Алексеем Румянцевым тезисов в районные комитеты КПСС Москвы и редакции ряда центральных газет¹⁵. При этом, по версии следствия, лишь «осенью 1967 года» Румянцев, Попивода и Габисов объединились с целью изготовления и распространения листовок, порочащих советскую власть и направленных на защиту «культурной революции» в Китае¹⁶. Возможно, Алексей Алексеевич рассылал эти документы в июне лично. Румянцев являлся автором листовок, распространявшихся группой. В их размножении вместе принимали участие Габисов и Попивода¹⁷. Алексею Румянцеву принадлежало также авторство устава и двух глав программы группы «Сталин», двух писем к Мао Цзе-дуну, двух обращений «к китайцам»¹⁸, а также статей «Правда о культурной революции», «Основное противоречие» и «Скажи, кто твой друг»¹⁹. Судя по материалам надзорного производства, два последних текста представляли собой «клеветнические статьи о Чехословакии и Франции»²⁰. Группа «Сталин» составила и программно-уставные документы. В материалах надзорного производства прокуратуры СССР упомянуты «устав, две главы программы группы»²¹.

Идеология группы, выраженная в публикуемой листовке, была ориентирована на критику социально-политической системы позднего СССР. Прежде всего, было дано определение социально-классовой сущности советской системы. Группа «Сталин» определяла правящий слой советского общества как «касту» и «прослойку», образовавшуюся в результате сражи-

7 Там же.

8 Там же.

9 Герасимова О.Г. «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 204; Жирнов Е. Указ. соч.

10 Жирнов Е. Указ. соч.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

14 Семичастный В.Е.

Беспокойное сердце. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182824&p=8> и <https://www.litmir.me/br/?b=182824&p=59> (Дата обращения 10.10.2020).

15 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 36.

Д. 2980. Л. 9.

16 Там же. Л. 20.

17 Там же. Л. 21.

18 Вероятно, эти документы были адресованы руководству КНР и КПК.

19 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 36.

Д. 2980. Л. 21, 30–31.

20 Там же. Л. 21.

21 Там же.

вания «верхушки» партийной и государственной бюрократии, с одной стороны, и интеллигенции — с другой: «Основным результатом деятельности хрущевско-брежневского режима за 15 лет его существования явилось создание правящей эксплуататорской касты на основе слияния верхушки интеллигенции и потомственной интеллигенции с оторвавшейся от народа верхушкой парт- и госаппарата»²². В 1953–1968 годах, по мнению Румянцева, существовавший ранее строй диктатуры пролетариата был заменен «диктатурой касты буржуазных перерожденцев»²³. Утверждалось, что главной опорой этой касты является интеллигенция. Авторы листовки писали, что с целью усиления своей власти и подавления революционных традиций рабочего класса и крестьянства правящие круги СССР стремятся распространить среди рабочих «западные» идеологические установки, наиболее откровенные симпатии к которым проявляют интеллигенты: «Правящая каста поощряет активный ввоз буржуазной идеологии, буржуазной культуры. Это необходимо ей не только для самоуслаждения, но прежде всего для “перестройки” сознания рабочих и крестьян, для того чтобы убить революционный дух рабочего класса и тем самым “приспособить” рабочий класс для эффективного использования в своих, кастовых интересах. Для распространения разлагающей идеологии буржуазно-обывательского индивидуализма, эгоизма, сексуализма правящая каста использует интеллигенцию»²⁴.

В духе маоистской идеологии авторы листовки выступали в защиту Сталина от критики «культы личности», осуждая соответствующие решения XX съезда КПСС. 15-летний период после смерти И. Сталина рассматривался как эпоха ревизионистского изменения политического, социально-экономического строя и культуры в СССР²⁵. Осуждение руководством КПСС сталинских репрессий рассматривалось как идеологическое прикрытие ревизионизма, подготовка к постепенному отказу от социалистических общественных отношений. «Дискредитация Сталина есть удобный предлог для ревизии сталинской революционной линии, для замены ее капитулянтской политикой, буржуазной идеологией, эксплуататорской экономикой — такова подлинная цель касты»²⁶, — писал лидер группы «Сталин».

Резкой критике подвергалась международная политика КПСС. Прежде всего, речь шла о концепции «мирного сосуществования», распространении лозунга борьбы за мир. Данный политический курс рассматривался как стремление

правлящих кругов СССР к примирению с империалистическими государствами, прекращению поддержки национально-освободительных движений и в целом — революционных сил в капиталистических странах. «Такая политика — политика капитуляции перед империализмом — превращает СССР в тормоз мировой революции. <...> Брежневская верхушка лицемерно заявляет о своем стремлении к единству всех революционных сил, исключая из этого единства все действительно революционные силы: параллельные марксистско-ленинские компартии, партизанские фронты освобождения и др. Ясно, что брежневцы стремятся к единству вокруг своей капитулянтской линии, хотят заставить революционные силы отказаться от борьбы с империализмом, превратить их из борющихся в “мирно сосуществующие” с империализмом»²⁷. Этому курсу Румянцев предлагал противопоставить политику «революционного наступления»²⁸, поддержку вооруженной борьбы национально-освободительных движений. Выражалась поддержка КПК в борьбе против КПСС. «Руки прочь от народного Китая!», — провозглашала листовка²⁹.

Конструктивная программа, предложенная Румянцевым, сводилась к лозунгу пролетарской революции в СССР. Члены группы «Сталин» призывали рабочих к возрождению «диктатуры пролетариата». Ее институты не конкретизировались, но, судя по всему, подразумевалось возвращение к советской политической модели сталинских времен. При этом провозглашался лозунг борьбы с привилегиями и эксплуатацией³⁰. Авторы листовки считали необходимым изменение культурной политики, направленное на подрыв идейной гегемонии интеллигенции в среде рабочего класса. В связи с этим провозглашался лозунг: «Корчевать интеллигентское, насаждать пролетарское!»³¹

Основной формой деятельности группы «Сталин» стало распространение листовок. 11 мая и 29 августа 1968 года участники группы распространили 170 экземпляров прокламаций в Краснопресненском и 100 — в Пролетарском районах

22 Там же. Л. 3.

23 Там же. Л. 5.

24 Там же. Л. 4.

25 Там же. Л. 3.

26 Там же. Л. 4.

27 Там же. Л. 5.

28 Там же. Л. 4.

29 Там же. Л. 5.

30 Там же. Л. 3, 5.

31 Там же. Л. 4.

Москвы, расклеивая их в подъездах жилых домов. По одной из версий следствия, листовки распространялись также в Кировском районе³². 22 октября 1968 года в одной из секций автоматической камеры хранения ручной клади на Белорусском вокзале, вскрытой в связи с неоплаченным хранением, сотрудники КГБ обнаружили черный портфель и желтую папку. В них находились: печатная машинка марки «Консул», различные принадлежности к ней, «шрифт, верстатка, типографское шило» и «три металлических банки из под кофе с антисоветскими и идеологически вредными документами»³³. Под последними подразумевался «целый ряд антисоветских материалов прокитайского характера»³⁴. Экспертизой и показаниями было установлено, что распространенные в мае и августе листовки печатались на гектографе и этой машинке³⁵. «Содержание указанных листовок и документов свидетельствует о том, что они исходили от одной группы лиц»³⁶, — говорится в постановлении о соединении уголовных дел от 9 декабря 1968 года. Там же утверждается, что, согласно одному из обнаруженных в камере хранения документов, «в дальнейшем группа намерена перейти на типографский способ изготовления листовок»³⁷. Следствием было установлено, что в ночь на 13 октября 1968 года неизвестные изъяли до 55 кг шрифта, 9 кг пробельного материала и др. типографские принадлежности (уголок для набора, гранку, наборное шило и 2 кг типографской краски) из филиала типографии МГУ³⁸. Этим похищенным шрифтом и был набран текст расклеивавшейся ранее листовки группы «Сталин»³⁹.

Молодые маоисты из МГУ попытались передать свои тексты в посольство КНР. Так, по данным следствия, «указанные материалы в апреле, а затем в первых числах и в конце сентября 1968 г. он⁴⁰, Попивода и Габисов забросили на территорию китайского посольства в Москве в банках из под растворимого кофе и конфет»⁴¹.

В ночь на 5–6 декабря 1969 года Габисов, Попивода, Румянцев и М.Н. Соснина были арестованы. Как указано в материалах надзорного производства, их схватили у дома № 7 ул. Костякова при попытке Попиводы и Румянцева сорвать государственные флаги СССР, вывешенные в связи с празднованием для Советской Конституции⁴². Были проведены обыски на квартирах Габисова, Попиводы, Сосниной и в комнате общежития ЗИЛ, где временно проживал Румянцев. В результате обысков изъято «большое количество антисоветских записей и документов аналогичных распространявшимся в Москве в 1967–1968 годах»⁴³.

По месту жительства Габисова было «обнаружено большое количество китайской литературы»⁴⁴. На основании результатов обысков, как и показаний ряда свидетелей, были сделаны выводы о причастности троих студентов к хищению шрифта из филиала типографии МГУ и в распространении антисоветских листовок в мае и августе 1968 года⁴⁵. Показаниями Габисова было установлено, что по поручению Румянцева он оплачивал хранение ручного багажа в секции № 136 камеры хранения Белорусского вокзала⁴⁶. При обыске квартиры тетки Габисова были обнаружены 20 кг шрифта, пропавшего в типографии⁴⁷. 8 декабря следственным отделом УКГБ при Совете министров СССР по Москве и Московской области против троих участников группы «Сталин» было возбуждено уголовное дело⁴⁸. В тот же день поступило заявление, в котором свидетели утверждали, что «вблизи пересечения Киевской железной дороги и Очаковского шоссе они видели человека, что-то выкапывающего из земли в овраге»⁴⁹. После осмотра местности был обнаружен тайник, в котором находились документы, аналогичные найденным ранее при обысках по делу группы «Сталин»⁵⁰. Румянцев признал, что является автором листовок и других материалов, обнаруженных при обысках⁵¹.

Согласно определению Мосгосуда от 25 апреля 1969 года Румянцев и Попивода были освобождены от уголовной ответственности и направлены на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Габисов — переведен в разряд свидетелей⁵². На этом следы участников «дела Румянцева» теряются.

Текст листовки публикуется по машинописной копии, хранящейся в надзорном деле Прокуратуры СССР.

ПО СТАЛИНСКОМУ ПУТИ!

Глубокие перемены, прошедшие в нашей стране за последние 15 лет — за годы пребывания у власти хрущевско-брежневской

³² Там же. Л. 2, 7, 21, 30–31.

³³ Там же. Л. 9, 10, 13.

³⁴ Там же. Л. 2.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 9.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 1, 7, 10, 20.

³⁹ Там же. Л. 31.

⁴⁰ Имеется в виду

А.А. Румянцев.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-8131.

Оп. 36. Д. 2980. Л. 21.

⁴² Там же. Л. 7, 10.

⁴³ Там же. Л. 10.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Л. 7.

⁴⁶ Там же. Л. 10.

⁴⁷ Там же. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Л. 7.

⁴⁹ Там же. Л. 14.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

верхушки — заметны всем, но далеко не все видят подлинное содержание этих перемен. Изменился характер власти в СССР, изменилась политика, идеология и экономика страны. Видимыми следствиями этих перемен являются раскол коммунистического движения, изоляция СССР и полная потеря престижа, тяжелое положение в стране. Тем не менее, хрущевско-брежневский режим пытается прикрыть свой крах демагогией своих политиков, трубит о несуществующих победах и успехах. Недовольство и нажим рабочих и крестьян заставляет правящую верхушку бросать подачки трудящимся, что дает ей возможность поддержать свои шаткие позиции, удержать свои привилегии, свое благополучие за счет рабочих и крестьян.

ТОВАРИЩ! СМОТРИ В КОРЕНЬ! НЕ ДАВАЙ ОБМАНУТЬ СЕБЯ БРЕЖНЕВСКОЙ БОЛТОВНЕЙ И КОСЫГИНСКИМИ ПОДАЧКАМИ!

Основным результатом деятельности хрущевско-брежневского режима за 15 лет его существования явилось создание правящей эксплуататорской касты на основе слияния верхушки интеллигенции и потомственной интеллигенции с оторвавшейся от народа верхушкой парт- и госаппарата. Эта чванливая прослойка наживается за счет рабочего человека, но создается видимость, что она, якобы, борется за его интересы. Для людей, действительно борющихся за интересы рабочего класса, нет нужды в привилегиях, в благоденствии за счет ограбления рабочих и крестьян. Правящая верхушка давно перестала служить народу, превратилась в паразитический нарост на теле народа, она наступает на горло народу.

РАБОЧИЕ! БОРИТЕСЬ ПРОТИВ ПРИВИЛЕГИЙ, ПРОТИВ ЭКСПЛУАТАЦИИ ПРАВЯЩЕЙ КАСТОЙ — КАСТОЙ НОВЫХ «ХОЗЯЕВ»!

Правящая каста поощряет активный ввоз буржуазной идеологии, буржуазной культуры. Это необходимо ей не только для самоуслаждения, но прежде всего для «перестройки» сознания рабочих и крестьян, для того, чтобы убить революционный дух рабочего класса и тем самым «приспособить» рабочий класс для эффективного использования в своих, кастовых интересах. Для распространения разлагающей идеологии буржуазно-обывательского индивидуализма, эгоизма, сексуализма правящая каста использует интеллигенцию. Интеллигенция в массе своей идет за своим «авангардом» — за правящей эксплуататорской кастой, постоянно пополняя ее. Интеллигенция является сегодня почвой для оппортунизма и буржуазного перерождения,

постоянной базой и единственной надежной опорой правящей касты. Вот почему вместо того, чтобы насаждать классовое пролетарское сознание среди интеллигентов, поднять их до уровня этого сознания, правящая каста стремится «поднять» рабочий класс до уровня шаткой интеллигентской идеологии, смыкающейся с буржуазной. Поэтому, наш лозунг:

КОРЧЕВАТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ, НАСАЖДАТЬ ПРОЛЕТАРСКОЕ!

Каста стремится внедрить в умы рабочих мысль, что интересы рабочих, якобы, лежат вне политики, что рабочим нет дела до политики, что главное для рабочего человека — его личное благополучие, что политика, мол, дело верхов, а не рабочих масс. Эта линия, получившая название хрущевско-брежневского экономизма, есть средство сведения на нет политической роли рабочего класса, средства для беспрепятственного проведения кастовой политики, не имеющей ничего общего с политикой пролетарской. Рабочий класс — огромная революционная сила, которой боятся хрущевско-брежневские заправилы, потерявшие последние остатки революционности, классовости, интернационализма.

ДЕЛО ЧЕСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА ВЫРВАТЬ ИЗ РУК КАСТЫ РУЛЕВОЕ КОЛЕСО ПОЛИТИКИ.

Этого больше всего боится⁵³ прослойка, т. к. увеличение мощи и поддержки революционным движениям потребует от них расстаться со своими привилегиями. Вместо того, чтобы дать отпор агрессии империализма, остановить экспорт контрреволюции, поддержать вооруженную борьбу народов за освобождение, каста проводит политику «мирного» соглашения и уступок империализму. Такая политика — политика капитуляции перед империализмом — превращает СССР в тормоз мировой революции.

ДОЛОЙ КАСТОВУЮ ПОЛИТИКУ КАПИТУЛЯНТСТВА И ОТСТУПЛЕНИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСТУПЛЕНИЯ!

Всякая власть имеет классовый характер. Хрущевско-брежневская верхушка ликвидировала на практике и «узаконила» ликвидацию диктатуры пролетариата в СССР, заменив, таким образом, власть рабочего класса диктатурой касты буржуазных

⁵² Там же. Л. 18, 28, 32.

⁵³ Так в документе. Вероятно, при наборе копии листовки одно из слов пропущено.

перерожденцев. Единственной формой власти, противостоящей власти буржуазии, является диктатура пролетариата.

ДОЛОЙ ДИКТАТУРУ КАСТЫ БУРЖУАЗНЫХ ПЕРЕРОЖДЕНЦЕВ! НА БОЙ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА В СССР!

Характерной особенностью правящей касты является стремление скрыть свои грязные дела от народа, прикрыть их именем Ленина. 15 лет каста треплет и грязнит имя Ленина, и уже достаточно ясно, что линия правящей касты не имеет ничего общего с ленинизмом.

УМЕТЬ ОТЛИЧАТЬ ИСТИННЫХ ЛЕНИНЦЕВ ОТ ТЕХ, КТО ПРИКРЫВАЕТСЯ ИМЕНЕМ ЛЕНИНА! СМЕЛО РАЗОБЛАЧАТЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ПРАВЯЩЕЙ КАСТЫ — КАСТЫ ПЕРЕРОЖДЕНЦЕВ!

Прикрываясь Лениным, правящая каста клеветает на Великого Ленинца — И.В. Сталина. Эта грязная клевета не является самоцелью. Дискредитация Сталина есть удобный предлог для ревизии сталинской революционной линии, для замены ее капитулянтской политикой, буржуазной идеологией, эксплуататорской экономикой — такова подлинная цель касты.

ЗА РАЗГРОМ ХРУЩЕВСКО-БРЕЖНЕВСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА!

ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХА СТАЛИНА, ДЕЛА СТАЛИНА, СЛАВЫ СТАЛИНА!

Ревизии сталинской революционной линии невыносимы без клеветы на тех, кто идет по пути Ленина-Сталина. Современные ревизионисты — буржуазные перерожденцы в СССР — обливают грязной клеветой Компартию Китая и ее вождей, поддерживают прохрущевскую оппозицию против революционной линии КПК, пытаясь раздуть гражданскую войну в Китае.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ НАРОДНОГО КИТАЯ!

Брежневская верхушка лицемерно заявляет о своем стремлении к единству всех революционных сил, исключая из этого единства все действительно революционные силы: параллельные марксистско-ленинские компартии, партизанские фронты освобождения и др. Ясно, что брежневцы стремятся к единству вокруг своей капитулянтской линии, хотят заставить революционные силы отказаться от борьбы с империализмом, превратить их из борющихся в «мирно сосуществующие» с империализмом.

ПРОТИВ ГЕГЕМОНИИ РЕВИЗИОНИЗМА, ЗА ГЕГЕМОНИЮ МАРКСИЗМА!

**ЗА РАЗВЕРТЫВАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ВО ВСЕМ МИРЕ!
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ ПОД
ЗНАМЕНАМИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА!**

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН И УГНЕТЕННЫЕ НАРОДЫ,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ С ИМПЕРИАЛИЗМОМ!**

ГРУППА «СТАЛИН»⁵⁴

ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 36. Д. 2980. Л. 3–5. Машинописная копия.

⁵⁴ Под текстом листовки напечатано: «Висела на стенке М. Грузинская ул. д. 34 Красная Пресня».

III. Обзоры коллекций и фондов

Савенко Елена Нальевна,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека
СО РАН, Новосибирск, ведущий
научный сотрудник лаборатории
книговедения, кандидат
исторических наук

Пронина Юлия Сергеевна,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека
СО РАН, Новосибирск,
заведующий сектором
консервации документов Отдела
редких книг и рукописей, кандидат
исторических наук

Savenko Elena
State public scientific
and technical library of SB RAS,
Novosibirsk, leading researcher, PhD
knigoved@spsl.nsc.ru

Pronina Yulia,
State public scientific
and technical library of SB RAS,
Novosibirsk, Head of document
conservation center of Rare books
and manuscripts division, PhD
pronina@spsl.nsc.ru

УДК 94(470) + 02
ББК 63.3(2)63) + 78.36

Самиздат в Государственной публичной научно- технической библиотеке СО РАН

Samizdat at the State
Public Scientific and
Technical Library
of SB RAS

Аннотация: Статья посвящена коллекциям неподцензурной печати, входящим в фонд отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Освещается история возникновения коллекций, раскрываются источники ее формирования, характеризуется состав.

Ключевые слова: самиздат, неформальная пресса, газетная коллекция, самиздатская периодика, независимая газета, автор самиздата, неподцензурные тексты.

Summary: The article is devoted to the collections of uncensored printing, which are part of the Fund of the Department of rare books and manuscripts of the SB RAS. The article covers the history of collections, reveals the sources of their formation and composition.

Keywords: samizdat, informal press, newspaper collection, samizdat periodicals, author of samizdat, uncensored texts.

В последнее тридцатилетие одним из направлений деятельности многих отечественных библиотек является сбор материалов самиздата и формирование соответствующих коллекций. Интерес к неподцензурной печати вполне объясним, так как она является ценнейшим историческим источником, отражающим широкий спектр проблем советской социокультурной жизни.

Осознавая историческую значимость самиздатских материалов, сотрудники отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в конце 1980-х годов стали собирать коллекцию неформальной прессы. Комплектование собрания происходило самыми разнообразными способами, как говорится, «с миру по нитке». Отдельные издания приносили в отдел местные «неформалы», некоторые были получены во время различных общественно-политических мероприятий, активно проходивших в период перестройки. Позднее собрание пополнялось за счет покупок и дарений. В конце 1990-х годов, например, известный новосибирский коллекционер А.В. Лутковский¹ передал библиотеке в дар дублетные экземпляры 32 сибирских самиздатских газет периода перестройки. Среди них были и издания, редактором которых являлся сам даритель: «Газетка», «Социалистический прикол».

В настоящее время коллекция неформальной прессы ГПНТБ СО РАН насчитывает 155 наименований газет и журналов, представленных как одиночными экземплярами, так и полными комплектами. Наряду с самиздатской периодикой

последних лет СССР она содержит и независимую прессу начала 1990-х. Диапазон тематики периодических изданий собрания достаточно широк. Наибольшее количество составляют общественно-политические газеты и журналы различной идейной направленности, что является характерной чертой самиздатской и независимой прессы второй половины 1980-х — начала 1990-х годов².

Широко представлены в коллекции издания различных демократических движений, партий, объединений. В ее составе имеются газеты и журналы региональных отделений партии Демократический Союз («Гражданский путь», «Информационный листок ДС», «Свобода», «Свободная демократическая Сибирь», «Тихвинская площадь», «Трибуна», «Эндек»), Демократической партии («Новая жизнь»), Демократической партии России («Демократ Алтай»), Социал-демократической партии России («Сибирское время», «Сибирский социал-демократ»). Коллекция также включает в себя периодические издания различных клубов, народных фронтов и других общественных организаций, ориентированных на демократические преобразования: бюллетень «Атмода» Народного фронта Латвии, «Вестник Народного фронта Эстонии», информационный бюллетень «Возрождение» с приложением «Согласие» Литовского движения за перестройку, газеты «Невский курьер» Ленинградского Народного фронта, «Северянин» Союза клубов избирателей Якутии, «Томская трибуна» Томского народного движения и др.

Несомненный интерес представляют издания первого независимого информационного агентства Сибири, транслировавшие идеи демократической оппозиции; «Пресс-бюллетень СибИА», «Этап».

Отдельные издания отражают развитие профсоюзного и рабочего движений, являвшихся в конце 1980-х — начале

¹ Уникальные коллекции новосибирца: от «Кошкиных правд» до необычных карт // Комсомольская правда. 22.06.2013.

² Струкова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. 309 с.; Пронина Ю.С. От «самиздата» к независимой печати: из истории альтернативных изданий Сибири периода «поздней перестройки» (1989–1991 годы) // Седьмые Макушинские чтения: Материалы науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 203–206.

1990-х важным фактором общественно-политической жизни страны. Издания новых профсоюзных организаций — газеты «Всходы» (Новосибирский областной профсоюз «Солидарность» и Сибирский Комитет Народно-Трудового Союза российских солидаристов), «Выбор» (независимый профсоюз «Возрождение» и неформальная общественно-политическая организация «Радикал»), «Сибирский курьер» (Новосибирское отделение профсоюза независимых журналистов СССР), «Эндек» (независимый профсоюз «Возрождение» и народно-демократическая фракция партии Демократический союз).

Пресса анархистов, развернувших в период перестройки активную издательскую деятельность, представлена изданиями «Анархия» (СПб.), «Голос» (СПб.), «Голос анархизма» (М.), «Голос труда» (Новосибирск), «Прямая речь» (Иркутск), «Путь к свободе» (Жуковский).

Имеются в коллекции издания, в которых отстаивались коммунистические идеалы. Среди них информационный бюллетень «За власть советов» (М.), газета движения коммунистической инициативы «Молния» (М.), агитплакат «Наша правда» (Екатеринбург).

Два десятка газет и журналов в составе коллекции носят праворадикальный характер и являются печатными органами различных национал-патриотических объединений («Верность», «Память», «Отечество») и монархических организаций (Российский имперский Союз-орден). Половина из них — сибирские издания: новосибирские «Вестник патриотического движения «Память»», «Граду и миру», «За веру, царя и Отечество», «Отечество», «Память», «Русское дело», «Русь», иркутские «Ведомости» и «Русский восток».

Периодика правозащитных организаций представлена в основном изданиями региональных отделений общества «Мемориал», такими как газета «Котлован» (Апатиты) и журнал «Кузбасские ведомости» (Новокузнецк). В составе коллекции имеется также самиздатская газета «Зона» Всеукраинского общества репрессированных.

Отдельная группа изданий — религиозная периодика: ведомости духовной жизни «Благовест» (Л.), газеты «Благая весть» Российского союза церкви христиан адвентистов седьмого дня (Тула) «Протестант» евангельских христиан-баптистов (М.), «Путь» Российского Христианского демократического движения «Слово Христа» Церкви Содружества Русских православных христиан «По заветам Отца Небесного» (М.) и др.

Тематический спектр коллекции дополняют многочисленные издания иной направленности: информационно-аналитические (дайджест «Коллаж»), музыкальные (журнал «ИД»), литературно-художественные (альманах «Встреча», журнал «Северный телеграф»), развлекательно-юмористические (газеты «Дневной Юрьев», «Социалистический прикол»), экологические (газеты «Зеленый мир», «Экологический вестник»).

В целом, коллекция неформальной и независимой прессы ГПНТБ СО РАН отражает богатую палитру общественных настроений в переломный период истории России. Для обеспечения полноценного использования источниковедческого потенциала коллекции информация о ее региональной составляющей включена в базу данных «Неподцензурная периодика Сибири (1920–1990 гг.)»³. Описание изданий, вошедших в указанный информационный ресурс, содержит следующие сведения: заглавие, вид издания, место и годы выпуска, редакционный коллектив, принадлежность к общественному объединению, способ тиражирования. Возможность использования поисковых словарей или их сочетания позволяет решать широкий круг пользовательских задач. Многие сибирские неформальные газеты и журналы из коллекции ГПНТБ СО РАН представлены в полнотекстовом формате: для базы данных было оцифровано 200 номеров 34 периодических изданий.

Два года назад ГПНТБ СО РАН стала обладателем еще одного ценного собрания. Значимое направление деятельности ГПНТБ СО РАН — создание мемориальных библиотек, отражающих интеллектуальные интересы ученых и способствующих сохранению памяти об их вкладе в науку⁴. Учитывая имеющийся у сотрудников ГПНТБ СО РАН опыт подобной работы, Л.П. Петрова — вдова известного российского ученого А.И. Фета⁵, передала в дар ГПНТБ СО РАН его личную библиотеку. Наряду с книжным собранием, состоящим из значительного

³ Савенко Е.Н., Балуткина Н.А. База данных «Неподцензурная периодика Сибири (1920–1990 гг.)» // Библиосфера. 2016. № 4. С. 24–29.

⁴ Юдина И.Г. Опыт организации мемориальных библиотек в отделе ГПНТБ СО РАН // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития: науч.- практ. и теоретич. сб. Киев, 2014. Вып. 12. С. 285–295; Бородихин А.Ю., Юдин А.А. Мемориальная библиотека

В.П. Адриановой-Перетц как памятник истории становления отечественной филологической науки // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1 (94). С. 100–116.

⁵ Фет Абрам Ильич (1924–2007) — российский математик, доктор физико-математических наук, философ, публицист, переводчик, один из подписантов «Письма 46-ти», самиздатчик.

количества изданий по различным отраслям науки, она включает в себя уникальную коллекцию независимой прессы и самиздата. Систематизация этих материалов еще не завершена. Однако в общих чертах можно охарактеризовать их состав.

Коллекция содержит отдельные номера независимой прессы периода поздней перестройки. В основном это экземпляры «Пресс-бюллетеня СиБИА» — одного из самых популярных у демократически настроенных читателей издания. Имеется в коллекции и единственный номер изданного в 1990 году в Москве независимого журнала «Современные проблемы», в котором опубликован ряд статей и переводов А.И. Фета. Есть в ее составе и номер полулегального польского журнала «Еурога» за 1989 год, в котором под псевдонимом А.Н. Кленов (А.Н. Кленов) опубликована статья А.И. Фета «Uczene bydlo» («Ученый скот»).

Встречаются в коллекции ксерокопии некоторых литературных произведений, ходивших в самиздате. Одна из них — копия антиутопического сатирического романа «Прекрасный новый мир» английского писателя Олдоса Хаксли в переводе Ренаты Равич.

Но основную, наибольшую часть коллекции составляют самиздатские тексты, написанные или переведенные самим А.И. Фетом. Благодаря его усилиям, начиная с 1970-х годов в неподцензурное пространство попал ряд социально значимых художественных произведений зарубежных литераторов и трудов выдающихся иностранных ученых. Большинство из них было в самиздате анонимно⁶. Переданное собрание содержит машинописные тексты и ксерокопии многих книг, переведенных А.И. Фетом для самиздата. В их числе переводы следующих книг: «Стратегия выживания» М. Месаровича и Э. Пестеля (машинопись), «Образование трансов» Дж. Гриндера и Р. Бендлера (машинопись), «Бегство от свободы» Эриха Фромма (машинопись), «Невротическая личность нашего времени» Карен Хорни (машинопись), «Игры, в которые играют люди» (машинопись, ксерокопия), «Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных» (машинопись, ксерокопия) и «Секс в человеческой любви» (машинопись, ксерокопия) Эрика Берна.

Представлены в коллекции философско-публицистические работы А.И. Фета, распространявшиеся в самиздате и тамиздате. Одна из них — «Польская революция», в которой анализируются польские события 1980–1982 годов. Текст этого сочинения попал на Запад и в 1985 году был издан отдель-

ной книгой лондонским издательством Overseas Publications Interchange Ltd с предисловием Марио Корти.

В коллекции также присутствуют машинописные тексты четырех статей, в которых сопоставлялась идеология русской и советской интеллигенции: «Пушкин без конца», «Философия неуверенности», «Инакомыслие», «Вижь и внемли». В начале 1980 года тексты этих статей были переправлены во Францию и были опубликованы в разных номерах журнала «Синтаксис» под псевдонимом А.Н. Кленов. В СССР они бытовали в самиздате анонимно.

Еще один цикл работ, входящих в коллекцию А.И. Фета — «Письма из России», ходившие в самиздате в годы поздней перестройки. Они представляют собой 7 машинописных текстов, объединенных общим названием и обращенных к польским читателям. Вероятно, первоначально планировалось опубликовать «Письма» за рубежом. Однако, судя по дальнейшему тексту, надежды на это были невелики.

Каждое из писем содержит анализ текущих политических событий в стране и имеет соответствующую нумерацию. Первое — посвящено выборам народных депутатов. В нем автор рассуждает о механизмах и целях выборов, делится впечатлениями о предвыборных теледебатах. Второе письмо оценивает I Съезд народных депутатов СССР. В тексте характеризуются некоторые участники съезда, анализируется расклад политических сил. В третьем письме автор рассматривает национальные конфликты конца 1980-х годов. Национальные проблемы освещаются и в четвертом письме, посвященном Прибалтике. Примечательно, что этот текст предваряет псевдоним автора «Д.А. Рассудин». Этот псевдоним используется также в последующих письмах. В тексте четвертого письма освещается история взаимосвязей России и прибалтийских республик, поднимается вопрос о будущем русских в Прибалтике в условиях усиления межнациональной напряженности в СССР. Рассуждения автора были достаточно радикальны и вызвали критику тех, кто ознакомился с текстом. А.И. Фет, по воспоминаниям его вдовы Л.П. Петровой, даже задумывался об исключении этого письма из цикла, может быть, поэтому другое письмо, характеризующее социальное положение в стране, также имеет номер 4.

⁶ Савенко Е.Н. Автор предпочел остаться неизвестным // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 89–95.

Необходимо заметить, что в изданном после смерти А.И. Фета собрании сочинений письмо о Прибалтике опубликовано и недоразумение исправлено⁷. В машинописном письме, имеющем нумерацию 5, автор подробно разбирает статью А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» и полемизирует с ним. Выдвинутую А.И. Солженицыным программу преобразований автор писем называет «национал-большевизмом». Последнее письмо посвящено наблюдениям, которые автор называет «анатомией диссидентства». В нем критически оценивается участие диссидентов в происходящих процессах. А.И. Фет признает, что атмосфера периода перестройки в определенной степени подготовлена представителями этой среды. Однако, по его мнению, их слабая организованность и недостаточная решительность привели к тому, что перестроечные процессы возглавили партийные реформаторы. При этом автор текста высоко оценивает самиздат, считая его более значительным явлением, чем диссидентское движение.

В коллекции также имеется текст, отражающий еще одну сторону творчества А.И. Фета. Это машинописные «Афоризмы и поучения», автором которых значится Козьма Прутков (правнук). Один из афоризмов, на наш взгляд, очень точно отражает независимый дух автора: «Нет ничего подозрительнее организации. Стоит тебе вступить в оркестр, и вот ты уже по-смаатриваешь в ноты и оглядываешься на дирижерскую палочку. Истинное благозвучие требует, чтобы каждый играл от души собственную мелодию».

Разбор, изучение и описание материалов коллекции А.И. Фета продолжается. После ее завершения планируется составление аннотированного каталога.

⁷ Фет А.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Письма из России. New Mexico: Rehoboth: American research press, 2015. 323 с.

Библиографический список

- Без цензуры: периодика «самиздата» до и после распада СССР в фондах Российской национальной библиотеки: каталог. Санкт-Петербург: [б. и.], 1999. 59 с.
- Бобкова Н.П. Становление, развитие и проблематика альтернативных печатных изданий в Западной Сибири (1989–1999 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2016. 24 с.
- Богданова М. Самиздат и политические партии Сибири и Дальнего Востока. М.: Панорама, 1991. 32 с.
- Величко С.А. Периодическая печать неформальных движений Сибири (1988–1991 гг.): от самиздата до «нашей газеты» // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 109–112.
- Макаров А. От личной коллекции самиздата к общественной библиотеке. Трудности границ и дефиниций // Acta samizdatica / Записки о самиздате: пилотный выпуск. М., 2012. С. 24–35.
- Новая периодика и самиздат на территории Советского Союза. 1987–1991: Каталог коллекции / Сост. Е. Жемкова. Бремен, 1992. 428 с.
- Павлова Л.П. Мемориальные коллекции академических библиотек — память об ученых // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития: науч.-практ. и теорет. сб. Киев, 2017. Вып. 14. С. 225–232.
- Пронина Ю.С. От «самиздата» к независимой печати: из истории альтернативных изданий Сибири периода «поздней перестройки» (1989–1991 годы) // Седьмые Макушинские чтения: Материалы науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 203–206.
- Савенко Е.Н. Автор предпочел остаться неизвестным // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 89–95.
- Савенко Е.Н., Балуткина Н.А. База данных «Неподцензурная периодика Сибири (1920–1990 гг.)» // Библиосфера. 2016. № 4. С. 24–29.
- Самиздат и новая политическая пресса: (По материалам коллекций Москвы и Санкт-Петербурга) / Сост. М. Паскалова, С. Соловьева, Е. Струкова. М.; СПб., 1993. 426 с.
- Струкова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. 309 с.
- Струкова Е.Н. Фонд нетрадиционной печати в ГПИБ России // Библиография. 2013. № 3. С. 39–51.
- Юдина И.Г. Опыт организации мемориальных библиотек в отделении ГПНТБ СО РАН // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития: науч.-практ. и теорет. сб. Киев, 2014. Вып. 12. С. 285–295.

Газеты из личного собрания А.В. Лутковского

Газетная коллекция Лутковского А.В.

ДНЕВНОЙ ЮРЬЕВ

НЕЗАВИСИМАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

№2 11 ИЮНЯ 1990 г.

Саш. Грано салис 1990

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 120-Я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.И. ЛЕНИНА!

Он встал в немалом возрасте, из трубы, влезал на борбу. А сегодня мы все как в зале, подымаем табу и суабу. Он возмал, и в миром, как в злате, и востал. Кабы звали его шлога? Говорят, что выноше злато. Но похвалит для всех.

Саша БРАСК

Искусник Милана ЗЛАТКОСКОГО

ВЕЗЗАВИСИМАЯ БАЛЛАДА ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ НЕДОСЫПЕ

Пору КОЖАВИН

Любовь и Добру разберем сердце мы. А Героев спит, но вола про злато... Но добористе разбулим Героев. Он востал. Откуда нес вола, И, окаян от не погуляв дерзкого, Он влезал страшней на носу мур утробом, Чем разбула сучьяно Чернышевского, Не зная сам, что этим сделаю.

Саша БРАСК

ЧУДНИЦЕ ОБЯЮ, ОЗОРНО, ОГРОМНО, СТОВЕЖНО И ДАЖИ

Злато (художник: Мухомов, Гужков, Суровиков, Степанов и Лавров)

ИЗВЪСТІЯ ПЕТРОВИЧЕВЪ СТАРИННО ПЕТЕРЪ

Раб-хъ депутатовъ. № 1-28 (апрель 1917 года) № 2.

Къ населенію Петрограда и Россіи. Отъ-Говѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Старая власть должна стоять до конца, а народъ до побѣды. Торгать давать слово нечестиво. Искренне Петроградъ вѣрно на умру, чтобы выжить, и славно победить.

НИКАКИХ ПОБЛАЗЕК ЭКСТРЕМИСТАМ!

Экстремисты после того, как анкетный прелевет сделал сомнительный шаг, явились со своей рожковости похвалить дружбу семьи советских республик. Прелевет у Гудалы Литва озолучил рука. Ником образом не ставя под сомнение мудрость и справедливость принятого решения. Искра тем не менее, что достигла центральной власти, терпеливо ожидает, чтобы и вернулось.

С величайшим зрением литовцы savent саморазрушить и провал славаство. Неважно провалю смертоносное оружие государства против законной государственности. Коса - является литовской. Номинально на это, у литовского правительства бы были мысли возм., и ввели серию, представившие сербовскую опасность для возможности высшего союзнического несомнительности.

В. БРАСК

Дневной Юрьев / Ред. В. Мамонтов. Бердск, 1990.

Газетная коллекция Лутковского А.В.

ЦИВИЛИЗЦИЯ КУРЬЕР

В 1 24 июня 1989

год издания ПЕРВЫЙ

независимая, воскресная газета г. НОВОСИБИРСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО СПА "ВЕНА-89"

О КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ЗАЧЕМ НАМ ЭТО НАДО?

Зачем мы делаем за "это дело" - за выпуск еженедельной газеты? Этот вопрос каждый сотрудник редакции неоднократно слышал по адресу подготовителя этого, первого номера: уверенно сказать этот вопрос (я, соответственно, отвечаю на него) нам придется постоянно. И действительно - зачем? "Пресс-кабинет Сибирь", есть "Сибирский телеграф", есть... А почему только этого? Почему не сделать "Вестника Сибиряка", который бы освещал не только жизнь Новосибирского Союза, но и жизнь Новосибирского общества? Почему не сделать "Сибирский телеграф", который бы освещал не только жизнь Новосибирского общества, но и жизнь Новосибирского общества?

Вопросы эти, конечно, не являются новыми. Но они являются актуальными. И именно поэтому мы делаем эту газету. Мы делаем ее для того, чтобы она была полезной для каждого из нас. Мы делаем ее для того, чтобы она была интересной для каждого из нас. Мы делаем ее для того, чтобы она была необходимой для каждого из нас.

Саша БРАСК

ХРАМ АЛЕКСАНДРА НОВСКОГО: РЕСТАВРАЦИЯ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕ?

Профсоюз и перестройка - от теории к практике

Депутат КОЗЛОВ и трагедия в ТБИЛИСИ

Товарищ Страх

Прогулка по трамвайным рельсам

В номере:

Храм Александра Невского: реставрация или уничтожение? Профсоюз и перестройка - от теории к практике. Депутат КОЗЛОВ и трагедия в ТБИЛИСИ. Товарищ Страх. Прогулка по трамвайным рельсам.

А. Кротких
В. Селюкова
С. Петрова

ОКОНЧАНИЕ НА стр. 2/

Судья храма Александра Невского продолжает колдовать общественность города. 4 июня по инициативе Гора Гора вступил в работу комитет по реставрации храма. Комитет возглавил депутат областного Совета Александр КОЗЛОВ. В состав комитета вошли: Александр КОЗЛОВ, депутат областного Совета, директор храма Александр КОЗЛОВ, директор храма Александр КОЗЛОВ, директор храма Александр КОЗЛОВ.

Судья храма Александра Невского продолжает колдовать общественность города. 4 июня по инициативе Гора Гора вступил в работу комитет по реставрации храма. Комитет возглавил депутат областного Совета Александр КОЗЛОВ. В состав комитета вошли: Александр КОЗЛОВ, депутат областного Совета, директор храма Александр КОЗЛОВ, директор храма Александр КОЗЛОВ, директор храма Александр КОЗЛОВ.

Саша БРАСК

Сибирский курьер / Ред. А. Кретинин. Новосибирск, 1990.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИКОЛЬ!

НЕЗАВИСИМАЯ

ПРИКОЛЬ!

ГАЗЕТА № I 1990 год. Для г. Новосибирска и губернии.

Пока номер готовился к печати Муха В.П. соблаговолил отказаться от должности I-го секретаря обкома. Какой жест, но червяк всегда выползает из яблока, когда оно съедено и гниет. "Великий кормчий" еще раньше, в марте, сменил: где собака зарыта, и чтобы сохранить власть - он, ни много, ни мало придумал пост Горбачева, то бишь - президента и разнрав театр, воцарился на троне. Местные князьки неуклонно следуют примеру "отца перестройки". "Советам - вся власть" - Мухам жизнь велять...

ГОЛОДОВКА ПРОТЕСТА

В мае началась голодовка протеста Л.П.Вертаковой, в защиту сына, прекращ. 14.08 т.к. начался суд, позже к голодовке присоединился В.А.Володченко, отец несовершеннолетней девочки, которую изнасиловали наемник Мухи - Лобанов и помощник прокурора Кировского района - Шарф. 10 августа начался круглосуточный митинг протеста, в поддержку голодающих, в защиту прав человека, с требованием отставки Мухи с поста председателя облсовета. К голодающим присоединились члены ДС, СДПР и др. полит. организаций города. Голодовка против произвола Мух, которые в содружестве с уголовниками и "правоохранительными органами" выбивают из ребенка отказ от предыдущих показаний. Дело по преступлению закрывают, отца девочки выгоняют с работы, девочку из училища и обещают замарать так, что не откажутся... Уже 11 августа в "Вечернем Новосибирске" появилась заметка: "Почти по брехту". В своем насквилье автор называет голодовку протеста - народным гулянием, чтож, комментарии излишни, мы еще раз видим /см.стр.2/

Новосибирский губернатор -

Ион Горын Орлов-Мужин.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Дамы и господа, Вы держите в руках первый номер англитописческой газеты: "Социалистический прикол". Сатира - лучшее оружие борьбы против фашистско-коммунистического режима, разлагающего нашу Родину, вот уже 73-й год. Редакция попытается воспользоваться им. Мы вносим на Ваш суд, то что получилось.

I -й секретарь Обкома КПС, он же председатель Облсовета.

Социалистический прикол /
Ред. А. Лутковский. Новосибирск, 1990.

„...СОЦИАЛИЗМ БЕЗ СВОБОДЫ - ЭТО РАБСТВО И СКОТСТВО.“ РК
М.А. Бакунин.

ГАЗЕТКА

ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ

№ 2 июнь 1990 год. г. Новосибирск

ЗАКОН-УКАЗ О ЧЕСТИ ПРЕЗИДЕНТА

БС СССР, признавая недопустимость нанесения ущерба чести и достоинству Президента СССР как главы государства, установил, что публичное оскорбление Президента СССР или клевета в отношении его наказываются штрафом до трех тысяч рублей, или исправительными работами на срок до двух лет, или лишением свободы на срок до трех лет.

Те же действия, совершенные с использованием печати или других средств массовой информации, наказываются исправительными работами на срок до двух лет, или лишением свободы на срок до шести лет.

"ИЗВЕСТИЯ" № 144 24 мая 1990 г.

ИЛЬИЧ СТАВИТ ДИАГНОЗ (О роли партийности в медицине)

Всем известно печальное положение дел в советской медицине. Если исходить из популярного тезиса официальной печати, гласящего, что истоки всего нужно искать в марксистско-ленинской теории, то можно довольно быстро определить корень зла. Для этого достаточно открыть 48 том ПСС Ленина и на странице 224 прочесть его письмо к Горькому. Великий учитель писал: "Известие о том, что Вас лечит новым способом "большевик", хотя и бывший, меня ей-ей овеспокоило. Упаси боже от врачей-товаришей вообще, врачей-вольтерпегиев в частности! Право же, в 99 случаях из 100 врачи товарищи - "ослы", как мне сказал один хороший врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо только у первоклассных знаменитостей. Провокать на себе изобретение большевика - это ужасно!!"

И в этом с Ильичом нельзя не согласиться. Изобретение вольтерпегика - это ужасно!
"ВОЛЯ" N 1 1989 год (Москва)

РАМСА ГОРБАЧЕВА. КТО ОНА? Утро в Москве. На один из заводов заходит человек. Сразу видно, что важная персона. Его лицо наполовину скрыто шляпой. Он подходит к равнени и представляется: -Я Михаил Горбачев.

-Вот это да! - отвечает равнени. -А я и не узнал Вас без вашей жены. Что за перемены! Десятилетиями, пока советские лидеры занимались делами государства, их жены оставались в тени. Жены Сталина, Хрущева, Брежнева и Черненко редко появлялись прилюдно. В отношении жены Андропова не было уверенности даже в ее существовании до тех пор, (см.стр. 2)

Самиздат из коллекции А.И. Фета

Газетная коллекция
Лутновского А. В.

Земля - крестьянам, Фабрики - рабочим, Власть - советам - на деле!

№1, 15 апреля 1989

Вестник ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

орган Демократического Движения за перестройку, Новосибирск

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
ДЕКЛАРАЦИЯ (ПРОЕКТ)

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Основная цель движения - проведение радикальных демократических преобразований политической и правовой системы нашего государства.

Суть этих преобразований заключается в изменении реальной структуры власти, в обеспечении народом фактической возможности определять решение всех принципиальных вопросов любого уровня. Правовое социалистическое государство должно стать способом самоорганизации народа, но не силой, стоящей над ним.

Без радикальной демократической реформы невозможно успешное решение экономических, экологических, нравственных и иных проблем, стоящих перед нашим обществом. Только на этом пути реализуется социальная ответственность личности от административного, судебного, экономического и иного произвола; только последовательная демократизация освободит экономику из тисков командно-административного подхода и даст ей импульс к интенсивному развитию. Только в демократических условиях возможна социальная справедливость и действенный контроль за распределением благ.

Но демократии нельзя ввести декретом. Она может быть реализована только деятельностью самих граждан. За демократию нужно бороться - бороться при разработке новых законов, бороться на выборах в Советы, в печати, в решении повседневных вопросов.

Идейный фундамент движения определяется Всеобщей декларацией прав человека и Пактом о гражданских и политических правах.

Объединение действует на основе соблюдения принципов гласности, дружбы и равноправия народов, Конституции и законов СССР.

КОНКРЕТНЫЕ ЗАДАЧИ И ПОЛОЖЕНИЯ

1. Принятие нового демократического закона о выборах, полностью реализующего принцип прямых всеобщих выборов. Нужно отменить выборы одной трети народных депутатов непосредственно от общественных организаций, отменить окружные собрания, обеспечивая приращению аппарату возможность отсева неугодных кандидатов. Глава государства, депутаты Верховного Совета, председатели Советов всех уровней должны избираться прямым всеобщим голосованием.

2. Реальное обеспечение свободы печати, слова, мысли. Закон о печати должен запретить пропаганду насилия, войны, национальной вражды, оскорбления, клевету. Но его реализация должна осуществляться не административными методами (цензурой), а ответственностью перед судом.

Необходимо отменить ограничения на пользование множительной техникой и ликвидировать государственную монополию в издательской деятельности и средствах массовой информации. Объективные объединения должны получить возможность издания своих газет.

Советы на всех уровнях должны иметь свои, независимые от партийного аппарата газеты, редакционные советы которых избираются на соответствующих сессиях на продолжительный срок.

3. Закон о политических и общественных объединениях и практика его применения должны обеспечить реализацию этого конституционного права советских граждан. Ограничения должны касаться лишь объединений, занимающихся пропагандой насилия, войны, национальной вражды.

4. Действующий Закон о митингах и демонстрациях не обеспечивает конституционного права советских граждан на свободу собраний, митингов и демонстраций и дает возможность государственному и партийному аппарату произвольно принимать решения о запрете общественных мероприятий. Этот закон должен быть пересмотрен, в нем необходимо указать перечень конкретных оснований для отказа. Должна предоставляться возможность обжалования отказа в суде.

5. Необходимо ввести в законодательство и в практику нормы, предусматривающие возможность судебного обжалования противоправных действий не только лиц, но и органов, как государственных, так и общественных, и партийных.

6. Важнейшие законопроекты и решения должны после всенародного обсуждения выноситься на всенародные референдумы.

7. Создание многопартийной системы в нашей стране является естественной и позитивной частью процесса демократизации, хотя многопартийность не является сама по себе самоцелью и гарантией демократии и складываться будет постепенно.

8. Никакая политическая организация не вправе узурпировать власть. Только полномочия, данные народом в ходе демократичных, открытых, честных (прямых и всеобщих) выборов дают право на власть, на руководящую роль.

ФОРМЫ РАБОТЫ

- Организация дискуссий, митингов и демонстраций;
- Участие в предвыборных кампаниях;
- Организация встреч с депутатами, наказами депутатами;
- Подготовка материалов для печати, подготовка коллективных писем и воззваний;
- Проведение опросов общественного мнения;

Проект Декларации составлен А. Н. Мамоничев. Замечания и предложения по проекту просим направлять в адрес редакции. Обсуждение и принятие Декларации состоится на учредительной конференции Демократического Движения, которая будет проведена в ближайшее время.

Вестник демократического движения /
Ред. Г. Фалькович. Новосибирск, 1989.

Польская революция

САМИЗДАТ

Самиздатская работа А.И. Фета
«Польская революция», изданная
анонимно в 1985 г. в Лондоне.

Самиздатская работа А.И. Фета
«Польская революция», изданная
анонимно в 1985 г. в Лондоне.

POLSKAIA REVOLIUTSIIA
With a foreword by Mario Corti

By kind permission of «Arkhiv Samizdata»
First Russian edition published in 1985
by Overseas Publications Interchange Ltd
8, Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

ISBN 0 903868 96 2

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany by Polyglott-Druck

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга – не первая и не последняя самиздатская работа, посвященная польским событиям последних лет, написанная в Советском Союзе.

Об огромном интересе, который эти события вызвали и все еще продолжают вызывать во всех слоях советского общества, имеется довольно много свидетельств. Среди них – захватывающие репортажи американских корреспондентов Дэвида Саттера и Кевина Клоза из шахтерского города Донецка, опубликованные соответственно в Лондонской газете „Файнэншл таймс“ и в „Вашингтон пост“ в начале 1981 года. Опрашивая рабочих Донецка „на автобусных остановках, на пустынных площадках перед шахтами и в коммунальных квартирах, в которых вода просачивается из потолка“, западные корреспонденты получили возможность убедиться, с каким огромным вниманием советские рабочие следят за событиями, разыгравшимися тогда в Польше. Из Самиздата известно, что во время забастовок, которые имели место в 1981–1982 годах на автобусном заводе (ПАЗ) г. Павлово Горьковской области, циркулировал лозунг: „Если норма будет больше, то мы сделаем, как в Польше“. Борьба польских рабочих за экономические, социальные и политические права довольно подробно освещалась в советском Самиздате, в частности, в Информационных бюллетенях Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. И это естественно, ибо СМОТ единственный действующий еще по сей день в СССР зачаток независимых профсоюзов.

О реакциях на польские события советских граждан разного социального положения можно еще судить по ответам на вопросы анкеты парижского журнала „Альтернатива“, тоже получившим распространение в Самиздате.

Чтобы не обременять далее читателя этим длинным перечнем, напомним лишь одну работу, имеющую хождение в Самиздате. Это „Письмо русским рабочим по поводу польских событий“ московского математика Вадима Янкова,

5

- 4 -

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ЛЮДИ

Психология человеческих отношений.

Посвящается
моим пациентам и студентам,
научившим меня столь многому
и все еще объясняющим мне игры
и смысл жизни.

Оглавление.

Список рисунков

Предисловие

Введение

ЧАСТЬ I

Анализ игр

1. Структурный анализ
2. Анализ взаимодействий
3. Процедуры и ритуалы
4. Развлечения
5. Игры

ЧАСТЬ II

Каталог игр.

Введение

6. Бытовые игры
 1. Алкоголик
 2. Должник
 3. Дай мне пинка
 4. Попался, сукин сын
 5. Вот что я из-за тебя наделал

Перевод книги «Игры, в которые
играют люди» Эрика Берна
(машинопись, ксерокопия).

Харитонов Евгений Викторович,
Российская государственная библиотека для молодежи, руководитель литературных программ, историк литературы и кино, критик, поэт

Kharitonov Evgeny,
the Russian State Library for Youth, Head of literary programs, historian of literature and cinema, critic, poet
haritonov@rgub.ru;
sssr05@yandex.ru

УДК 94(470) + 02
ББК 63.3(2)63 + 78.36

Коллекция «фантастического» самиздата в РГБМ

The collection of “fantastic” samizdat of the Russian State Library for Youth

Аннотация: Коллекция журнально-газетного и книжного «фантастического» самиздата Российской государственной библиотеки для молодежи (РГБМ) — первая и наиболее полная в России. Основу фонда составила частная коллекция руководителя литературных программ РГБМ, критика и писателя Евгения Харитонova. Она включала около 300 фэнзинов, выпускавшихся сообществом любителей фантастики (фэндом) как в СССР/России, так и за рубежом, а также другие артефакты «неофициальной» издательской жизни. Научным итогом этого собрания стал библиографический справочник «Фантастический печатный самиздат 1966–2006», изданный РГБМ в 2015 году. В этом же году была проведена большая выставка «неофициальной» прессы и машинописных книг «закрытых» литературных произведений и озвучена идея создания на базе РГБМ фонда литературного печатного самиздата. Коллекция регулярно пополняется. Сегодня она включает свыше 600 единиц хранения: журналы, газеты, книги, бюллетени. Наряду с изданиями

фэндома, в коллекции имеются и издания нефантастической направленности: самиздатские газеты и журналы поэзии и прозы.

Ключевые слова: самиздат, фэнзины, Фэндом, самиздат фантастов, литературный самиздат.

Summary: The collection of magazine and newspaper and book “fantastic” samizdat of the Russian State Durassen Library for Youth is the first and most complete in Russia. The foundation of the fund was a private collection of the head of the literary programs of the youth library, critic and writer EvgenyKharitonov. It included about 300 fanzines produced by the fiction community (fandom) both in the USSR / Russia and abroad, as well as other artifacts of the “unofficial” publishing life. The scientific result of this meeting was the bibliographic reference “Fantastic Printed Samizdat 1966–2006” (2015). In 2015, a large exhibition of the “unofficial” press and typewritten books of “closed” literary works was held and the idea of creating a literary printed samizdat fund on the basis of the youth library was voiced. The collection is regularly updated. Today it includes 600 storage units: magazines, newspapers, books, newsletters. Along with fandom editions, the collection also contains nonfantastic editions: samizdat newspapers and poetry and prose magazines.

Keywords: samizdat, fanzines, Fandom, samizdat of science fiction writers, literary samizdat.

В 1984 году, будучи в составе московского, увы, недолго просуществовавшего Клуба любителей фантастики (КЛФ) «Мистериум», я начал выпускать свой первый фэнзин¹ — «В пыли звезд». Точнее, мы выпускали коллективно, но главным редактором назначили

1 Фэнзин — любительское малотиражное периодическое издание (журнал, газета, бюллетень). Как правило, выпускается внутри определенного сообщества (субкультуры): например, любителей фантастики, музыки, комиксов и т. д. При этом нередко фэнзины в содержательном и дизайнерском плане были выполнены на высоком профессиональном уровне, а в числе авторов — не только любители, но и известные писатели. Иногда фэнзины со временем переходили в разряд профессиональных журналов (например, американский “Locus”). Термин «фэнзин» появился в американской среде любителей фантастики в начале 1940-х.

меня. Первый номер был сугубо рукописный и состоял исключительно из творчества членов клуба; в следующие полтора года выпустили еще два выпуска — уже машинописных. И на этом история фэнзина «В пыли звезд» прекратилась, а к 1986 году в силу разных причин умер и КЛФ «Мистериум», и я вдруг переместился сначала в калужский КЛФ «КЭЦ», а потом в московский КЛФ МГУ. Но история, конечно, не об этом, а о фэнзинах.

Сам концепт рукодельного издания мне настолько понравился, что, уже став активным участником отечественного фэндома², я не только продолжил это увлекательное дело, но и стал собирать издания коллег-«самиздателей» — от журналов до одностраничных листочков. В какой-то момент, в самом начале 1990-х, мы с соредактором легендарного в фантастическом сообществе фэнзина «Страж-Птица» Александром Диденко затеяли даже выпуск специального ньюслеттера «Фэнзинолог», посвященного исключительно обзору, библиографированию и полемическому осмыслению явления «фантастический самиздат».

Долгое время коллекция и информация, оседавшая у меня, работали исключительно в критико-библиографическом поле, трансформируясь в статьи и библиографии. В 2014 году коллекцию я передал в фонд Российской государственной библиотеки для молодежи.

А вместе со мной в библиотеку переехала и моя коллекция фантастического (к тому времени не только фантастического) самиздата.

В 2015 году в РГБМ я организовал большую выставку «неофициальной», неподцензурной прессы и машинописных книг «закрытых» литературных произведений, выпускавшихся любителями фантастики в 1960–1990-х годах. В качестве «научной опоры» экспозиции был выпущен библиографический справочник «Фантастический печатный самиздат 1966–2006» (<http://www.rgub.ru/files/FantasticSamisdat.pdf>). Это сильно расширенная версия справочника, который в 1990-х крохотным тиражом выпустил липецкий критик, издатель Сергей Соболев.

Выставка оказалась интересной молодому читателю, а справочник и сам вскоре стал библиографической редкостью. И в том же году была озвучена идея формирования в библиотеке фонда литературного самиздата на основе уже имеющейся коллекции автора этих строк. И, наконец, в сентябре 2018 года в каталоге РГБМ появился новый раздел — «Самиздат», а в Зале художественной литературы открылась новая секция с тем же названием.

Литературный самиздат в России (во всяком случае, в «журнальном формате») начинается с 1950-х годов. В конце 1950-х — начале 1960-х годов появились в СССР и первые литературные журналы — «Сфинкс», «Ересь», «Синтаксис», «Феникс» и др.

Конечно, мы не первые библиотечные «собиратели» самиздата. Существует внушительная коллекция политического самиздата в «историчке» (ГПИБ). На излете перестройки московский исследователь и библиограф Александр Суетнов создал впечатляющий Архив печатного самиздата СССР, основу которого, впрочем, составляли опять же издания оппозиционного характера.

Предмет нашего интереса — самиздат литературный. При этом акцентировано «фантастический». И не просто так. Фантастическое сообщество, или Фэндом, имеет не только давнюю историю (существует с 1930-х годов), но и богатые традиции, в том числе в опыте издания неофициальной прессы. Более того, журнально-газетный самиздат, фэнзинная культура зародились как раз в Фэндоме. Причем, как это ни парадоксально, даже не в советском. Родина любительской (неофициальной), субкультурной прессы — США. На волне объединения американских любителей фантастики в Фэндом в 1930-е годы вырвалась и своя журналистика — как способ обмена информацией, публикации произведений, формирования тенденций. Эти машинописные, а позже ротопринтные журнальчики и получили название «фэнзины» (от fan ‘любитель, фанат’ и magazine ‘журнал’). На страницах этих самопальных изданий начинали (не только как авторы, но и как редакторы-издатели) многие классики фантастической литературы — Рэй Брэдбери, Айзек Азимов, Спрэг де Камп, Альфред Ван Вогт, Альфред Бестер и др. Некоторые фэнзины со временем перешли в ранг профессиональных изданий, например, самый влиятельный в мире западной фантастики

2 Фэндом — изначально этим термином определялось (и определяется до сих пор) сообщество поклонников и профессионалов научной фантастики. Внутри этого сообщества с 1930-х годов организуются конвенты и фестивали, выпускается собственная печатная продукция и т. д. Сегодня этот термин применяют фактически к любой субкультуре поклонников чего-либо (любители манга, любители Гарри Поттера и т. д.).

критико-библиографический журнал “Locus”. Удивительно, но традиционная, то есть бумажная, фэнзинная культура сохранилась в Западной Европе и в США и сегодня, в эпоху «победившей цифры» (в России бумажный самиздат окончательно ушел в интернет еще в первой половине нулевых). В нашем фонде имеются фэнзины из Сербии, США, Швеции, Болгарии, Чехии.

Позже фэнзины получили широкое развитие в большинстве молодежных субкультур — от рок-музыки до сообщества ролевиков и любителей боевых искусств.

В СССР первые фэнзины, посвященные фантастике, появились в середине 1960-х годов, став важной вехой в истории отечественной фантастической литературы 1960–1990-х.

Фэнзин «*Гусли кота Василия*» (Свердловск, 1966) стал первенцем советской неподцензурной жанровой периодики. «Золотой» же век «фэнзинномании» приходится на 1980-е, что совпадает с расцветом общественно-политической неподцензурной прессы. В это же время сформировались основные направления фантастической периодики: литературно-художественные журналы («Сизиф», «Алтарь», «Амальтея» и др.); фэнзины смешанного типа (т. е. публикующие и прозу, и критику, и полемику, и библиографию: тот же ленинградский «Сизиф», нижегородский «Параллак», севатопольский «Оберхам» и др.); критико-библиографические журналы («Оверсан», «Фэнзор», «Интерком», «АБС-панорама», «Фэн-раритет», «Двести» и др.); информационно-библиографические бюллетени («Гелиос», «Оверсан-Информ», «Экспресс-информ», «Коммуникатор», «Библиографический листок» и др.) — наиболее продуктивный и актуальный тип изданий и, наконец, *фэнзины юмористического толка*, в которых отражается не столько литературный процесс, сколько процесс посещения фантастических конвентов со всеми вытекающими отсюда хохмами и анекдотами из жизни писателей и фэнов («Страж-птица» и ее бесчисленные подражатели 90-х годов).

С конца 1980-х — начала 1990-х годов бурно развивается и пресса так называемых толкинистов и ролевиков³. К 2000 году фантастический самиздат подтвердил свою негибкость и живучесть: и сегодня популярны фэнзины критико-библиографической ориентации и «стебно-юмористические» журналы, хотя большинство подобных изданий вполне закономерно переселилось в интернет, лишь единицы продолжают выпускать традиционную (бумажную) самиздат-продукцию (например, волгоградский «Шалтай-болтай» прекратил свое

существование лишь в 2020 году). Удивительно, но в России цифровая эпоха наступила раньше — в США и в Западной Европе до сих пор в ходу самопальные малотиражные журналы, выпускаемые «традиционным» способом.

Причины возникновения любительской журналистики в США и в СССР, конечно же, разные. Появление в СССР фантастического самиздата (как и литературного в целом) — вынужденный ответ на тотальный дефицит книжной фантастики (и прежде всего, зарубежной), непреодолимость для большинства молодых авторов издательских барьеров, почти полное отсутствие исследований и библиографии фантастики. Наконец, с конца 1960-х годов в СССР начал формироваться свой мощный, многоликий Фэндом, нуждавшийся в обмене информацией, в своей прессе. На страницах фэнзинов впервые были напечатаны произведения большинства звезд отечественной фантастики 1980–2000-х годов. Феномен печатной фэнзинной культуры состоял в том, что при тиражах от нескольких экземпляров (стандартная закладка в печатную машинку) до нескольких десятков (если появлялся доступ к ксероксу или ротоприну) тексты, опубликованные в них, стремительно разлетались по всему Советскому Союзу, а издатели фэнзинов становились если и не легендами Фэндома, то людьми определенно заметными в нем. И никакого тебе интернета!

Помимо произведений молодых или «непечатных» авторов фэнзины активно популяризировали зарождающееся фантастиковедение: критику, библиографию, литературоведческие исследования фантастики. Здесь же публиковались не прошедшие сквозь цензуру тексты классиков и мэтров (братья Стругацкие, Владимир Михайлов, Кир Булычев), печаталось очень много переводов зарубежной фантастики.

Коллекция журнально-газетного и книжного «фантастического» самиздата РГБМ — первая в России. В ней собрано более 600 единиц хранения: самопальные издания 1980-х — начала нулевых годов, разные по способу печати (от машинописи

3 Молодежная субкультура, которая возникла на волне интереса к творчеству Дж. Р.Р. Толкина и жанру фэнтези. Внутри сообщества очень популярны ролевые игры «живого действия», в основе которых как литературные произведения, так и оригинальные сценарии — реконструкция фэнтезийных или псевдоисторических сюжетов.

до принтера и офсета), тиражу (от 1 экземпляра до нескольких сотен) и формату/содержанию: от толстых литературно-художественных альманахов и серьезных критико-библиографических журналов до библиографических листовок, от изданий ролевой и толкинистской субкультуры до «желтой прессы» Фэндома — юмористических фэнзинов, в которых отражался не столько литературный процесс, сколько процесс посещения фантастических конвентов со всеми вытекающими отсюда анекдотами из жизни писателей. В нашей коллекции хранится почти полный комплект самого знаменитого, язвительного и очень смешного журнала «Страж-Птица», выходившего в Омске в 1987–1998 годах.

Всю коллекцию можно условно разделить на два основных блока:

1. Неофициальная литературная периодика: самиздатские журналы, газеты, альманахи, бюллетени, фэнзины. Помимо содержания (ведь на их страницах нередко начинали свой путь многие ныне широко известные писатели), эти издания представляют ценность еще и в контексте визуальной и издательской культуры: оригинальность оформления, макет, формат. В нашем фонде хранятся издания на русском, украинском, английском, болгарском, чешском, сербском и шведском языках.

2. «Самопальные» книги: машинописный, матрично-принтерный самиздат (так называемые «списки») «закрытой» и недоступной в СССР художественной литературы. Эта коллекция существует только в оригинальном (неоцифрованном) виде. Она интересна, с одной стороны, как важный культурный факт эпохи, а с другой, в силу своей тиражной, материальной, а шире — историко-библиографической уникальности: позволяет понять, какие произведения ходили в «списках».

Как было сказано выше, «сердце» фонда — это фантастический самиздат, и я надеюсь, что это станет стартовой площадкой для другого перспективного проекта — Музея Фантастики при РГБМ. Хотелось бы создать на основе коллекции репрезентативный фонд литературного самиздата вообще, так как коллекция регулярно пополняется, в том числе и за счет изданий, так сказать, общелитературного характера (поэзия, проза).

Мы принимаем самиздат в дар. Особенный интерес представляют издания, вышедшие в советское время. Коллекция, уверен, будет интересна как широкому кругу любителей истории литературного и книжного быта СССР и зарубежья, так и специалистам-книговедам.

На сегодняшний день почти полностью завершен этап оцифровки фонда и его каталогизации в библиотечной системе ОПАС. Любой желающий, зайдя в наш каталог, может получить не только библиографическое аннотирование описания имеющегося в фонде объекта самиздата, но и в большинстве случаев — ознакомиться с PDF-версией того или иного фэнзина. А уникальные оригиналы можно подержать в руках — для этого достаточно прийти в Зал художественной литературы РГБМ. Кроме того, каждый объект хранения снабжается QR-кодом — достаточно поднести к журналу смартфон, и PDF-версия фэнзина «переместится» в телефон пользователя. Это можно сделать, даже не открывая стеклянные дверцы шкафа.

Двинятина Татьяна Михайловна,

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете, Бремен, Германия, свободный архивист

Путц Мануэла,

Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете, Бремен, Германия, научный сотрудник, PhD

Dvinyatina Tatiana,

Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (Pushkin House), Saint Petersburg, Russia, senior research associate, Doctor of philology Research Centre for East European Studies at the University of Bremen, Bremen, Germany, project archivist
tatiana.dvinyatina@gmail.com

Putz Manuela,

Research Centre for East European Studies at the University of Bremen, Bremen, Germany, research fellow and academic & archive management, PhD
manuela.putz@uni-bremen.de

УДК 94(470) + 93.25
ББК 63.3(2)63 + 79.3

Материалы самиздата в Архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете¹

Samizdat Holdings of the Archive of the Research Centre for East European Studies at the University of Bremen

Аннотация: В статье дается описание основных материалов самиздата, хранящихся в фондах Архива Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen). Такие материалы присутствуют в обоих отделах Архива: отделе СССР и стран бывшего СССР и отделе Средневосточной Европы. В данном случае в центре рассмотрения находятся документы (пост)советского отдела, входящие в разные фонды: наряду с собранием отдельных поступлений особого внимания достойны личные коллекции, сформированные теми, кто принимал участие в изготовлении самиздатских документов и распространении самиздатских текстов — книг, документов и бюллетеней. Кроме того, речь идет о самиздатской периодике, материалы которой также можно найти в разных фондах Архива, и о материалах тамиздата, тесно связанных с историей самиздата. Плановое описание материалов самиздата, проводимое разными архивными центрами, является предпосылкой не только для ввода этих материалов в научный оборот, но и для создания общих поисковых баз и возможности полного и всестороннего изучения общественно-культурных процессов в СССР и Восточной Европе второй половины XX века.

Ключевые слова: самиздат, архив, Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете, Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, личные коллекции, правозащитное движение, альтернативная культура, неофициальная литература, тамиздат.

Summary: In this contribution the authors give an overview of the holdings of unofficial self-published texts (samizdat) of the Archive of the Research Centre for East European Studies at the University of Bremen (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen). Samizdat is collected in both divisions of the Centre's Archive: the section for the Soviet Union with its successor states and the Central European section. In this article we focus on samizdat materials from the former Soviet Union (including samizdat periodicals). These are either stored in the section's samizdat collection or are part of various personal papers of former human rights activists and/or representatives of soviet underground culture, who actively took part in the production and distribution of samizdat books, documents and bulletins. The large collection of Tamizdat journals and literature of the Centre's library complements the samizdat holdings of the archive. Indexing samizdat materials on

a large scale and giving appropriate descriptions in archival databases is not only a prerequisite for the dissemination of knowledge on samizdat for researchers and the broader public. In creating common standards and infrastructure specialised archives will gain the ability to foster cooperation in digitally uniting scattered materials and implement overall (re-)search facilities, which will support researchers completing comprehensive studies of social and cultural processes in the USSR and Eastern Europe of the second half of twentieth century.

Keywords: samizdat, archive, Research Centre for East European Studies at the University of Bremen, personal papers, human rights movement, alternative culture, unofficial literature, tamizdat

Основанный в 1982 году Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen) с самого начала ставил своей задачей собирание и сохранение наследия диссидентского движения и литературно-художественного андеграунда в СССР и странах Восточной Европы². Сегодня он является одним из главных в мире и крупнейшим в Германии центром изучения самиздата, неофициальной и неподцензурной печати советского и постсоветского периодов. Благодаря своему географическому положению и архивной стратегии его создателей и сотрудников бременский Архив стал уникальным собранием документов, отражающих исторические процессы не в одной или нескольких странах, а в целом регионе: материалы самиздата можно найти *и в отделе СССР и стран бывшего Советского Союза, и в отделе Средневосточной Европы*. И если по собраниям второго из названных отделов уже выпущен ряд каталогов, то собранию (пост)советского отдела, за которым остается количественное преимущество, еще предстоит полное описание. Эта статья — одна из ступеней к нему³.

Материалы самиздата в отделе СССР и стран бывшего СССР можно разделить на две группы: 1) материалы общественной и правозащитной деятельности, неподцензурной литературы и художественной жизни; 2) собрание неофициальной периодики. В фондовой системе отдела это членение выражено не столь четко: материалы обеих групп находятся в фондах, различных и по своему происхождению, и по своему наполнению. Так, материалы правозащитной деятельности и неофициальной художественной жизни присутствуют и в собрании отдельных

документов самиздата (*FSO 01-005*), и в личных фондах, о которых будет идти речь ниже. Равно и материалы неофициальной периодики отложились и в уже названном собрании отдельных документов, и в других фондах архива.

Хронологически материалы первой группы восходят к 1950–1980-м годам, материалы второй группы делятся на классический самиздат советского времени (те же 1960-е–1980-е годы), и самиздат перестроечного периода (1987–1991 годы).

Содержательно первую группу — материалы общественной и правозащитной деятельности, неподцензурной литературы и художественной жизни — составляют, прежде всего, петиции и открытые письма в партийные и государственные органы, в редакции газет и журналов, обращения к западной общественности; записи судебных процессов против инакомыслящих, последние слова политических заключенных на судах, информационные сообщения их родственников об условиях пребывания в тюрьмах и лагерях и записки, переданные заключенными на волю (в частности, материалы «процесса четырех», то есть А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой, в 1968 году, записки Натальи Горбаневской о ее содержании в специальной (тюремного типа) психиатрической больнице и т. д.). Здесь же находятся мемуары участников правозащитного движения, в том числе очерк Ларисы Богораз о ее поездке в лагерь на свидание с мужем, Юлием Даниэлем, и др. Важной составляющей этого фонда являются материалы о положении в СССР религиозных общин, нелегально составлявшиеся и распространявшиеся молитвенники, сборники проповедей и другие документы, напрямую связанные с отстаиванием свободы вероисповедания. Традиционно крупнейшим сегментом самиздатской печати предстают запрещенные в СССР тексты

¹ За помощь при подготовке настоящего обзора выражаем благодарность сотрудникам Архива Исследовательского центра изучения Восточной Европы при Бременском университете Марии Классен (Maria Klassen) и Карине Гарштецкой (Karina Garsztecka).

² Историю формирования архивной коллекции см.: *Eichwede, Wolfgang* (Hg.) *Das Archiv der Forschungsstelle Osteuropa: Bestände im Überblick: UdSSR/Russland, Polen, Tschechoslowakei, Ungarn, DDR*. Stuttgart: idibem-Verlag, 2009. (Archiv der Forschungsstelle Osteuropa. Quellen zur Zeitgeschichte und Kultur / Herausgeber der Reihe Wolfgang Eichwede und Susanne Schattenberg; Bd. 1).

³ Первый опыт описания этого собрания предпринят Г.Г. Суперфином и хранится в рабочей документации архива.

художественной литературы: в фонде присутствуют нелегально изданные произведения А. Ахматовой, Н. Гумилева, Н. Клюева, М. Булгакова, В. Максимова, А. Галича и др. Наконец, неотъемлемой частью фонда оказываются историко-просветительские и аналитические статьи и работы, посвященные советской системе управления и подавления; выделим среди них записи П.Г. Григоренко о реформе в армии 1967 года, статьи А.П. Бабёнышева об экономическом положении СССР и анонимную записку с критическим анализом принятого в 1978 году закона, ограничивающего выезд из СССР.

Все эти примеры взяты из основного собрания документов самиздата (*FSO 01-005*), параллели к ним находим и в материалах личных фондов, пришедших в Архив Исследовательского центра во многом благодаря дружеским и профессиональным связям Г.Г. Суперфина, бывшего в 1995–2009 годах его архивариусом.

Материалы самиздата из личных фондов Архива многообразны и отражают интересы и судьбы своих собирателей. Так же, как материалы фонда самиздата, о которых шла речь выше, в самом общем виде их можно разделить на материалы общественно-политического и литературно-художественного характера. При этом ни о какой четкой границе между ними говорить не приходится: и те, и другие книги, документы, работы циркулировали в одних и тех же кругах, возникали из единого представления о творческой и личной свободе человека и, в свою очередь, определяли то пространство свободы в СССР, которое охватывало людей разных профессиональных, художественных, философских и личных устремлений.

Остановимся на некоторых личных коллекциях Архива, в которых отложились наиболее значительные документы.

Одним из самых представительных по праву считается фонд биолога и правозащитницы *Нюэми Марковны Ботвинник* (1944–1993; *FSO 01-004*). В 1970-е–1980-е годы в московской квартире ее и ее мужа, Б.С. Кулаева (1924–2004) останавливались диссиденты (Юрий Гастев, Сергей Ковалев, Анатолий Марченко и другие) и жены заключенных, ехавшие на свидания в лагерь. В течение многих лет Н.М. Ботвинник собирала материалы политического самиздата, они и составили основу ее фонда. Это материалы общественной деятельности Людмилы Алексеевой, Ларисы Богораз, Елены Боннер, Ильи Габая, Вадима Делоне, Павла Литвинова, Валерии Новодворской и многих других деятелей диссидентского движения. Вместе с тем

собрание Н.М. Ботвинник включает в себя сотни свидетельств и документов различных гражданских инициатив, редакционные материалы еженедельного правозащитного бюллетеня «Экспресс-хроника», издававшегося Александром Подрабинеком в конце 1980-х годов, материалы архива общества «Мемориал» (СПб.). Большое место в этой коллекции принадлежит и литературному самиздату: машинописным спискам произведений не только поэтов и писателей современности или недавнего прошлого (А. Ахматовой, И. Бабеля, И. Бродского, М. Булгакова, М. Волошина, Г. Владимова, В. Высоцкого, Н. Гумилева, Ю. Домбровского, Ф. Искандера, О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Солженицына, Л. Чуковской, В. Шаламова и многих других), но и, скажем, самодельной ксерокопии десяти томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, фрагментам из дневника Н.С. Таганцева (1920–1922 годов) и переводам западных авторов (Эрика Берна, Бруно Беттельгейма, Альбера Камю).

Почти столь же обширно собрание московского экономиста и правозащитника *Виктора Владимировича Сокирко* (1939–2018; *FSO 01-078*), который подписывал многочисленные письма в защиту политзаключенных (Ю.Т. Галанскова, А.И. Гинзбурга, участников «демонстрации семерых» 25 августа 1968 года, крымских татар и т. д.), в 1968–1972 годы перепечатывал и распространял выпуски «Хроники текущих событий» и сам был одним из известных в самиздате авторов: в 1970 году под псевдонимом К. Буржуадемов получила распространение его книга «Очерки растущей идеологии» (Мюнхен, 1974). В конце 1970-х годов В. Сокирко входил в состав редколлегии журнала «Поиски», видевшего свою задачу в налаживании диалога между либеральным и консервативным крылами диссидентского движения. Осужденный в 1980 году на три года лагерей (условно) за издание самиздатских «дискуссионных сборников» «В защиту экономических свобод», позже, в годы перестройки, В. Сокирко возглавил Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод. В его коллекции самиздата собраны материалы, касающиеся устройства советской экономики, злоупотреблений советской психиатрии, записи судебных процессов, открытые письма и документация Московской Хельсинкской группы, начиная с мая 1976 года. Особое место занимают в ней самиздатский вариант книги А. Амальрика «Просуществовать ли Советский Союз до 1984 года?» (1969), послужившей причиной ареста и заключения автора, воззвание Людвига Вацулика «Две тысячи слов» (1968), ставшее одним из самых ярких

публицистических выступлений Пражской весны⁴, и собрание слайд-фильмов на разные, в том числе исторические, темы, которые В. Сокирко регулярно делал и показывал дружескому кругу, начиная с 1966 года.

Типичная коллекция правозащитного самиздата собрана в фонде (FSO 01-129) Майи Яновны Берзиной (1910–2002) и ее мужа Леонида Исааковича Василевского (1904–1984). Выдающийся этногеограф и картограф, М.Я. Берзина была дочерью репрессированных и параллельно с насыщенной профессиональной деятельностью вместе с дочерью, Розой-Валентиной Леонидовной Василевской (1945–2014) перепечатывала на пишущей машинке множество документов, имевших затем хождение в самиздате: последние слова политических заключенных на судах (14 из них вошли в машинописный сборник, датированный декабром 1970 года), открытые письма в поддержку П.Г. Григоренко, А.Т. Марченко, А.И. Солженицына, А.Д. Сахарова и других, письмо Эрнста Генри к Илье Эренбургу с предостережением от возвращения к культу личности Сталина (1965), письмо Веры Лашковой и Татьяны Великановой советским психиатрам в защиту Натальи Горбаневской (1970) и многое другое. М.Я. Берзина помогала А.И. Гинзбургу составлять сборник материалов по делу осужденных писателей А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля («Белая книга», 1966; хранится в фонде Н.Б. Тарасовой, FSO 01-098) и первой напечатала первый вариант известной работы А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе» (1968).

Схожим по характеру материалов представляется архив поэтессы и переводчицы *Елены Алексеевны Ильзен-Грин* (1919–1991; FSO 01-089), оказавшейся в воркутинском лагере в последние годы сталинского правления. В начале 1960-х годов ее московская квартира стала местом встречи многих бывших политических заключенных и московских инакомыслящих. Вместе с личными документами лагерного времени и правозащитной литературой в собрание входят напечатанные на машинке и самостоятельно переплетенные книги В. Шаламова, Е. Гинзбург, А. Солженицына, ставшие классикой литературы самиздата.

Столь же смешанным по составу является фонд правозащитника и экономиста *Игоря Николаевича Хохлушкина* (1927–2000; FSO 01-122). Политический заключенный в 1946–1951 годах, И.Н. Хохлушкин стал после освобождения из заключения и ссылкой активным участником диссидентского движения и сумел наладить важные каналы, по которым самиздат

не только циркулировал внутри СССР, но и поступал на Запад. В 1970-е годы, работая в Москве сначала реставратором, потом столяром в Театральном музее А.А. Бахрушина, он смог наладить переплетное дело для самиздатских книг. В его собрании наряду с общественно-политическими документами большое место занимает литературный самиздат, и в нем такие сочинения, как «Свет во тьме» (другой вариант перевода заглавия — «Слепящая тьма») Артура Кёстлера, «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка и «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» Владимира Лосского. В музейном собрании хранится орудие его труда — зажим с резак («струбцина»), с помощью которого переплетались тома «Архипелага ГУЛАг».

FSO 01-057. Зажим с резак («струбцина») для переплета книг, принадлежавший И.Н. Хохлушкину

Фонд политэкономиста *Сергея Кузьмича Пирогова* (1931–2006; FSO 01-185), дважды (в 1957–1965 и в 1973–1975 годах) отбывавшего заключение по политическим статьям (второй раз за хранение и распространение самиздата), начинался с переводов статей из польской, венгерской и югославской печати 1950-х годов и материалов «Хроники текущих событий», в распространении которой он принимал активное участие на рубеже

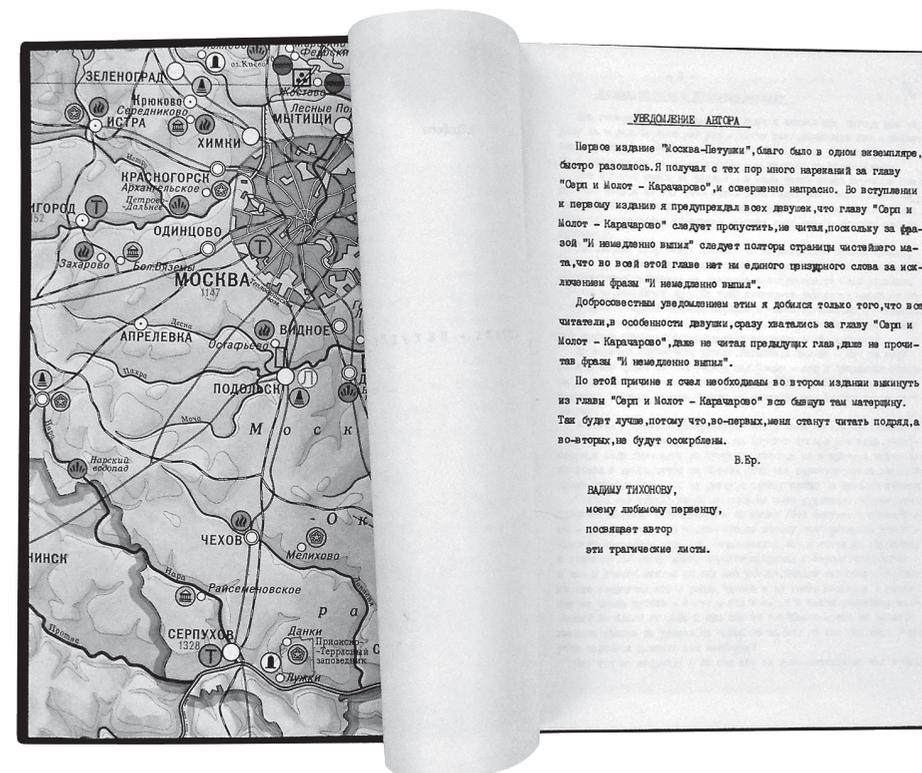
⁴ Замечательно, что и то, и другое сочинения присутствуют и в других фондах Архива: сопоставление разных экземпляров одного текста позволяет проследить особенности его бытования в диссидентских кругах.

1960-х–1970-х годов. После второго лагерного срока С.К. Пирогов эмигрировал в Германию, работал на радиостанции «Свобода» (Мюнхен). После реабилитации (1991) Пирогов в 1992 году побывал у себя на родине, в Архангельске, где ему вернули самиздатские документы, изъятые при втором аресте. После смерти Пирогова они были переданы в Бремен. Среди них находятся и выпуски «Хроники текущих событий», которые Пирогов снабдил подробными комментариями; они служат ценным источником сведений об истории и бытовании этого основного информационного бюллетеня конца 1960-х — начала 1980-х годов. В его собрании есть и аудиокассеты с записями лагерных воспоминаний, и документы психиатрических экспертиз, и материалы судебного процесса, и выпускавшийся в эмиграции журнал «Трибуна» (1983–1984).

Не только общественно-политические, но и историко-литературные материалы содержатся в собрании самиздата 1960-х–1970-х годов известного литературоведа и библиографа Юрия Ивановича Абызова (1921–2006; FSO 01-117/2). Поселившись в 1946 году в Риге, он много лет посвятил составлению библиографии русской эмигрантской печати, в его собрании находятся самодельные поэтические книги А. Ахматовой, Р. Блох, Н. Гумилева, А. Мариенгофа, И. Северянина, М. Цветаевой, В. Шершеневича. Особо отметим сохранившиеся в фонде Ю.И. Абызова стихотворные сборники Николая Ивановича Глазкова, напечатанные в 1953–1970 годах под фиктивной издательской маркой «Самсебяздат», от которой, собственно, и получило распространение понятие «самиздат».

Сочинения многих авторов, чьи книги не были допущены в советскую печать, представлены и в фонде библиографа и библиофила Льва Михайловича Турчинского (р. 1933; FSO 01-091): назовем здесь им самим профессионально переплетенные книги М. Цветаевой, Д. Хармса, Вен. Ерофеева.

Точно так же скорее к литературно-художественному самиздату относятся материалы коллекции Минны Стефановны Сергиенко (род. 1937; FSO 01-092). Дружившая в юности с правозащитником Александром Гинзбургом, который в 1959–1960 годах успел выпустить три номера первого в советском самиздате литературного альманаха «Синтаксис» (№№ 1 и 3 отложились в этом фонде), она была глубоко погружена в интеллектуальную жизнь Москвы 1960-х годов. В ее коллекции присутствуют и произведения участников поэтической группы «Мансарда», действовавшей в 1953–1957 годы в Москве (Лео-нида Черткова, Станислава Красовицкого, Андрея Сергеева,

FSO 01-091. Книга Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки», переплетенная Л.М. Турчинским.
© Maria Klassen

Валентина Хромова), и ходившие в самиздате стихи Иосифа Бродского (в том числе с пометами и рисунками автора), Натальи Горбаневской, Дмитрия Бобышева. Наряду с этими материалами в фонде хранятся рукописные книги мужа М.С. Сергиенко, детского писателя, драматурга и переводчика Константина Сергиенко (1940–1996) и составленный им в 1964 году литературно-художественный сборник «Пунктуация».

Собранный в Архиве художественный самиздат представлен, главным образом, в фондах деятелей ленинградского андеграунда⁵.

Богатая коллекция трансфуристского журнала «Транспонанс» находится в фонде (FSO 01-097) его издателей Сергея Сигея (наст. имя Сергей Всеволодович Сигов, 1947–2014) и Ры Никоновой (наст. имя Анна Александровна Таршис, 1942–2014). Журнал выпускался в 1979–1987 годы в Ейске и служил органом

⁵ Общая картина представлена в изд.: Самиздат Ленинграда. 1950-е–1980-е: Литературная энциклопедия / Ред.-сост. В.Э. Долинин, Б.И. Иванов, Б.В. Останин, Д.Я. Северюхин. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

самовыражениях многих авторов Ленинграда и Москвы, заново осваивавших опыт русской авангардной поэзии и живописи первой половины XX века. Кроме него, в настоящее собрание входят уникальные произведения искусства фондообразователей, работавших на стыке визуального и словесного творчества, с использованием разных жанровых стратегий и привлекаемых материалов.

Отдельные номера «Транспонанса» хранятся также в фонде ленинградского / петербургского поэта и издателя *Владимира Эрля* (наст. имя Владимир Иванович Горбунов, 1947–2020; FSO 01-037). Им собраны многие свидетельства активной поэтической эпохи Ленинграда 1960–1980-х годов, в том числе материалы «хеленуктов» — группы поэтов и художников, считавших себя наследниками абсурдистов, самиздатские журналы «Голос» (1978), «Северная почта» (1981), «ДиМ (Девочкам и Мальчикам)» (1987), «Контрапункт» (1989) и др.

FSO 01-066. Журнал «Транспонанс»,
№ 32/33

Сочетанием поэтического и визуального начал отмечены стихи еще одного поэта, *Игоря Николаевича Бурихина* (р. 1943), тоже имевшие хождение в самиздате и вошедшие в архивную коллекцию его и его жены, филолога, переводчика и театроведа *Елены Соломоновны Варгафтик* (1933–1989; FSO 01-282).

Материалам культурного подполья Ленинграда принадлежит видное место и в фонде ленинградского поэта, публициста и философа *Евгения Александровича Пазухина* (р. 1945; FSO 01-265). Работая в газовой котельной, он в то же время был редактором журналов «37», «Часы», вместе с Татьяной Горичевой вел религиозно-философский семинар и смог собрать коллекцию неподцензурной и неофициальной периодики, а также сочинений, циркулировавших в кругах религиозно настроенной интеллигенции.

Документация собственно художественной жизни Ленинграда сосредоточена в фонде художника, поэта, куратора множества выставок и одного из создателей Музея неконформистского искусства в Петербурге (в Арт-центре «Пушкинская, 10») *Сергея Викторовича Ковальского* (1948–2019; FSO 01-272). На протяжении многих лет, будучи организатором сначала квартирных, затем уже и официальных выставок, он вел своего рода фотолетопись культурных событий, собирал каталоги, рецензии и статьи о современном искусстве. Среди материалов его коллекции стоит выделить самиздатские сборники «Галерея» (1974–1980) и «Документъ» (1980–1981).

Литература московского андеграунда отложилась в фонде поэта и художника *Германа Геннадьевича Лукомникова* (р. 1962; FSO 01-274). Основную его часть образуют стихи и рассказы авторов самиздата 1980-х годов, равно как и собственные произведения фондообразователя, которые он подписывал псевдонимом Бонифаций.

Переходя к материалам второй группы — самиздатской периодике, обратимся сначала к тем изданиям, которые выходили в позднесоветское время, то есть в 1960–1980-е годы⁶.

Прежде всего, широкий спектр московских и ленинградских журналов, выпускавшихся независимо от советской цензуры, представлен в фонде отдельных документов самиздата

⁶ Часть из них представлена на сайте проекта А. Комароми (Ann Komaromi) по изучению диссидентства и самиздата, который ведется в университете Торонто (Projekt forthe Study of Dissidence and Samizdat. [Электронный ресурс]. URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca>; материалы Архива Исследовательского центра Восточной Европы на этом сайте см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat:root>).

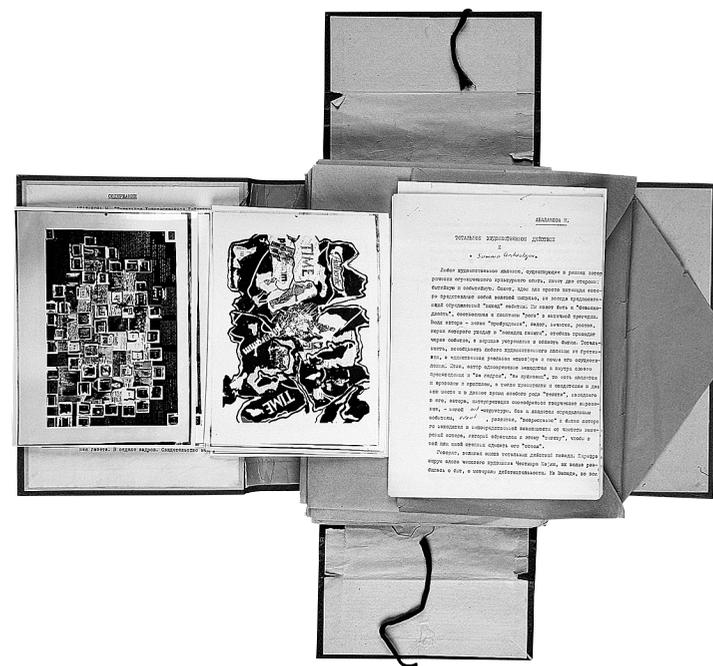
(FSO 01-005), о котором шла речь в начале обзора. В него вошли и ставшие классическими бюллетени «Хроники текущих событий», и другие информационные издания: «Дело», «Информационный бюллетень Комитета защиты Татьяны Великановой», «Вестник правозащитного движения», «С русской Голгофы», «Наша личная ответственность». Но вместе с ними надо отметить и печатные органы религиозных и национальных объединений: «Хроника католической церкви на Украине», «Ленинградский еврейский альманах», «Евреи в СССР», и издания, посвященные философскому осмыслению политических процессов, в том числе журнал «Поиски и размышления». Особую ценность собранию придают отдельные номера литературно-художественных журналов и альманахов неофициальной печати: «Часы», «Красный Щедринец (журнал вневедомственной сатиры)», «Митин журнал», «37», «Обводный канал» и другие (в сочетании с материалами других фондов некоторые из них образуют почти полные комплекты)⁷.

Однако и в других фондах Архива присутствуют материалы из круга самиздатской периодики. Так, кроме уже упомянутых при описании личных фондов, совершенно особое значение имеет часть материалов редакционного портфеля «Вестника русского (студенческого) христианского движения», переданная в Архив Исследовательского центра многолетним главным редактором этого старейшего издания русской эмиграции *Никитой Алексеевичем Струве* (1931–2016; FSO 01-001).

Значительное собрание периодики самиздата — целый ряд номеров ленинградского журнала «37», сборник «Комнаты», выпущенный группой московских концептуалистов «МАНИ» (Московский архив нового искусства) в 1987 году, и ряд других изданий — составляют важную часть фонда (FSO 01-075) философа-культуролога *Бориса Ефимовича Гройса* (р. 1947) и его жены *Натальи Владимировны Никитиной* (р. 1945). Другую его часть образуют самиздатские сборники Владимира Алейникова, Виктора Кривулина, Александра Миронова, Дмитрия Пригова, Льва Рубинштейна, Владимира Сорокина, Сергея Ануфриева и Павла Пепперштейна, статьи Татьяны Горичевой и Эрика Булатова, тексты к инсталляциям Ильи Кабакова и т. д. — коллекция самиздата в этом фонде является одной из самых больших и в бременском Архиве, и во всем европейском архивном пространстве. Развернутым комментарием к этой коллекции служат собранная в фонде многолетняя и разносторонняя переписка Б. Гройса с деятелями неофициальной культуры

и внушительные подборки статей и заметок 1981–2000-х годов о современном искусстве, которые позволяют увидеть поздний советский андеграунд в мировом художественном контексте.

Кроме того, авторские материалы, имевшие хождение в самиздате, присутствуют в личных фондах Генриха Сапгира (FSO 01-146), Геннадия Айги (FSO 01-218), Игоря Холина (FSO 01-116) и некоторых других. Отдельные материалы группы «МАНИ», полученные бременским Архивом от Георгия Кизевальтера, Сабины Хэнсен и Карла Аймермахера, представлены в фонде этой художественной группы (FSO 01-066; здесь же несколько номеров журнала «Транспонанс»).

FSO 01-066. «Московский Архив Нового Искусства (МАНИ)»

Наконец, еще одну подгруппу неформальной периодики образуют издания перестроечного времени, когда резко возросло число газет, журналов, альманахов и т. п., выпускавшихся гражданами на общественных началах без какого-либо контроля со стороны государства (1987–1991 годы; FSO 01-053)⁸. В Архиве Исследовательского центра хранятся сотни таких изданий,

⁷ Полные библиографические описания изданий см.: *Комароми А., Кузовкин Г.* Каталог периодики Самиздата. 1956–1986. М.: Международный Мемориал, 2018.

⁸ Листовки и буклеты этого времени собраны в отдельном фонде (FSO 01-054).

посвященных самым разным проблемам защиты гражданских свобод, борьбе за права национальных меньшинств, отстаиванию религиозных свобод, равно как и изданий, служивших печатным приложением к деятельности тех или иных творческих союзов: «Гласность», «Тюрьма и свобода», «Вестник демократического движения», «Голос демократов», «Справедливость» и т. п. В огромной коллекции перестроечной печати легко можно выделить издания разной идеологической направленности (от монархической газеты «Орел» до «Союза коммунистов»), разных профессиональных объединений (от «Голоса осужденных хозяйственников» до «органа профсоюза литераторов» «Полуинтеллигент»), разных религиозных общин (от московского журнала «Царь Колокол» до хроники «Харе Кришна»), разных групп интересов (от «журнала для мужчин» «Азazelло» до музыкального издания «Виниловый наркоман») и разных национальных центров (и тут уже их география равна всей территории СССР, и основной язык самиздата, русский, прирастает украинским, литовским, белорусским и т. д.). Всю неформальную печать такого рода можно отнести уже к «постклассическому» самиздату: он существовал и развивался в совершенно иных исторических условиях, нежели самиздат советского периода, — гражданских свобод и отсутствии цензурного барьера⁹.

Надо отметить, что собрание самиздата в Архиве дополняется собранием материалов, которые традиционно причисляются к тамиздату или содержат в себе черты обоих явлений. К последним относится значительнейшая по своему охвату и содержанию группа материалов, которые находятся в Библиотеке Исследовательского центра. Прежде всего это, конечно, полное собрание выпусков «Хроники текущих событий» и ряд их переводов на другие языки, а также аналитические сборники, выпускавшиеся мюнхенским Институтом по изучению истории и культуры СССР, и собрания информационных бюллетеней, с 1968 года выпускавшихся Исследовательским отделом редакции радиостанции «Свободная Европа» («Свобода», Мюнхен), в которых нелегально присланные из СССР и стран Восточной Европы материалы сочетались с аналитическими статьями о самых разных сторонах жизни за «железным занавесом» (Материалы Самиздата; Архив Самиздата; Собрание документов Самиздата). Здесь же находятся такие издания, как «Хроника Католической церкви в Литве» («Chronicle of the Catholic Church in Lithuania»), «Евреи и еврейский народ» («Jews and the Jewish People»), «Мария», «Вести из СССР», «Слово»

(«Word»), исторические сборники «Память», «Український вісник», «Сучасність» и целый пласт иной печати тамиздата, которая достойна отдельного рассмотрения¹⁰.

С момента своего возникновения самиздат был не только способом публикации и распространения текстов в обход государственной цензуры. В 1960-е годы он стал значимой частью жизни огромного числа интеллигентов, многие из которых уже тогда считали себя инакомыслящими и нонконформистами. В нем смыкались широкие художественные и строго политические стороны жизни, равно стремившиеся уйти из-под государственного контроля и в этом своем стремлении становившиеся важнейшим фактором антитоталитарного сопротивления. В этом смысле самиздат может рассматриваться как своего рода культурный и общественный феномен позднесоветской эпохи.

Однако этот феномен был частью более широкого явления, затрагивавшего и другие страны Восточного блока, и фонды бременского Архива позволяют рассматривать самиздат как явление восточноевропейской истории XX века в целом. При этом надо учитывать, что не во всех странах понятие «самиздат» является тождественным по своему значению. Так, например, в польском дискурсе ему ближе всего понятие «*drugí obieg*»¹¹. Здесь мы не имеем возможности подробно остановиться на собраниях самиздата восточноевропейских стран в Архиве Исследовательского центра¹², однако указать на самые яркие их артефакты считаем необходимым.

В *отделе Средневосточной Европы* находятся материалы самиздата из Чехословакии, Польши, Венгрии и ГДР.

⁹ См. описание этой части собрания бременского Архива: Новая периодика и самиздат на территории Советского Союза 1987–1991 / Сост. Е. Жемкова. Bremen, 1992. Наиболее полный каталог изданий этого времени в целом составлен в ГПИБ: Самиздат и новая политическая пресса (по материалам коллекций Москвы и Петербурга) / Сост. Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М.: СПб., 1993. См. электронную версию этого справочника, включающего в себя 1934 издания. [Электронный ресурс]. URL: http://filial.shpl.ru/sam/samizdat_index.htm.

¹⁰ См. описание на сайте Исследовательского центра. [Электронный ресурс]. URL: https://www.forschungsstelle.uni-bremen.de/UserFiles/file/09-Archiv-Bibliothek/FSOBibliothek_Ubersicht_PeriodikaUdSSR.pdf.

¹¹ См.: *Drugí obieg w PRL na tle samizdatu w państwach bloku sowieckiego po 1956 roku / Pod red. Przemysława Gasztolda-Senia, Natalii Jarskiej i Jana Olaszka*. Warszawa, 2016. (Inst. pamięci nar., Komis. ścigania zbrodni przeciwko narodowi polskiemu)

¹² См. *Tomáš Glanc* (Hg.). *Samizdat Past & Present*. Prague, 2018; *Balázs Apor, Péter Apor and Sándor Horváth* (Eds.). *Cultural Opposition and its heritage in Eastern Europe*. Budapest, 2018.

Важнейшими документами чехословацкого самиздата являются материалы издательства «Petlice» из коллекции сотрудницы Людвика Вацулика Здены Филлипсовой (Zdena Erteltová Phillipsová, 1934–2007) — среди авторов, чьи работы выходили в этом издательстве, были Вацлав Гавел и Богумил Грабал, а также материалы «Хартии-77» («Charta 77») и Комитета по защите несправедливо преследуемых (Výboru na obranu nespravedlivě stíhaných; VONS)¹³. В польской части отдела хранится более 6 тыс. книг и изданий, тысячи листовок, плакатов и других произведений неподцензурной печати. Тематический и социальный диапазон этих изданий определялся, с одной стороны, такими правозащитными организациями, как Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników; KOR), Движение защиты прав человека и гражданина (Ruch Obrony Praw Człowieka i Obywatela; ROPCio), профсоюз «Солидарность» («Solidarność»), с другой стороны — политической оппозицией в лице Конфедерации независимой Польши (Konfederacja Polski Niepodległej; KPN), Польской социалистической партии (Polska Partia Socjalistyczna; PPS), Польской партии независимости (Polska Partia Niepodległościowa; PPN), с третьей — литературно-художественными журналами, как, например, «Zapís», где публиковались Виктор Ворошильский и Станислав Баранчак, «Głos», в котором печатались Ярослав Качинский и Ян Юзеф Липский, или «Krytyka», чьи издателем был Адам Михник¹⁴. Самиздат ГДР представлен в архивном собрании неофициальными художественными изданиями («Glasnot», «Schaden») и изданиями, нелегально печатавшимися в типографиях, принадлежавших церковным общинам¹⁵. В венгерской части отдела отметим материалы независимого издательства «AB Független Kiadó» (в 1981 году его основал юрист и социолог, будущий мэр Будапешта Габор Демски) и журнала политики и культуры «Beszélő», первого периодического издания, которое в том же 1981 году стало выходить в венгерском самиздате регулярно (ежеквартально) и прямо называло имена своих авторов.

Научная проблематика, возникающая при обращении к материалам Архива Исследовательского центра в Бремене, прежде всего охватывает вопросы исторической фактологии, социологии и культуры самиздата, его роли в процессе национального самоопределения (особенно применительно к странам Восточной Европы, вышедшим в конце 1980-х годов из-под советского влияния), «второй культуры», развивавшейся и независимо от официальной и в противостоянии с ней, исторической памяти репрессий, сохраняющейся в «потаенной»

литературе (воспоминания, свидетельства) и в актуальном поле выработки системы сопротивления им, общественной коммуникации в условиях государственного репрессивного аппарата и развития свободного искусства в условиях идеологического диктата¹⁶. Для литературно-художественного сегмента самиздата не менее важными оказываются вопросы соотношения оригинальной и переводной литературы, тематического и жанрового разнообразия, сочетания разных видов искусства в одном художественном высказывании и включения в культурное поле новых художественных стратегий (от «социального фолк-арта» С. Ковальского до инсталляций И. Кабакова, от стихограмм Д. Пригова до «картотек» Л. Рубинштейна и т. д.), иными словами — классические вопросы истории искусства, заново проявляющие себя на следующем витке его развития. Движимый и создаваемый людьми, объединенными духом свободомыслия, самиздат удивительно многообразен.

Очевидно, что названными в этом обзоре материалы самиздата в Архиве Исследовательского центра в Бремене не исчерпываются, и мы могли назвать здесь только некоторые, наиболее ценные и характерные раритеты. В настоящее время активная архивная обработка документов ведется и в самом Архиве (см. пополняющийся каталог. [Электронный ресурс]. URL: <https://fso.gbv.de>), и в кооперации с архивом Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб.). Планируется и сотрудничество с другими аналогичными центрами: современные технологии позволяют объединить собрания и суммировать данные об источниках изучения самиздата как одного из самых многогранных явлений общественной и культурной жизни второй половины XX века.

¹³ Далее обзор материалов из Чехословакии см.: Tschechischer und slowakischer Samisdat der siebziger und achtziger Jahre. Bestandskatalog. Zusammengestellt und bearbeitet von Zdenka Phillipsová. Bremen, 1994; Machovec, Martin. Writing Underground. Reflections on Samizdat literature in totalitarian Czechoslovakia. Prague, 2019.

¹⁴ Далее обзор материалов из Польши см.: Monographien im polnischen „zweiten Umlauf“. Druki zwarte w polskim „drugim obiegu“. 1976–1989/90 / Forschungsstelle Osteuropa (Hg.). Stuttgart, 2008; Bogusław Bakula. Eine parallele Welt. Beiträge zur unabhängigen Kultur in Polen 1976–1989, Bielefeld 2018.

¹⁵ Подробнее см.: Eigenart und Eigensinn. Alternative Kulturszenen der DDR 1980–1989. Mit einem Bestandskatalog, bearbeitet und eingeleitet von Frank Eckart. Bremen, 1993.

¹⁶ Очерки, посвященные конкретным аспектам изучения материалов самиздата, собранных в Исследовательском центре изучения Восточной Европы при Бременском университете, см.: Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: die 60er bis 80er Jahre / Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Hrsg. von Wolfgang Eichwede. Bremen: Edition Temmen, 2000.

Библиографический список

Комароми А., Кузовкин Г. Каталог периодики Самиздата. 1956–1986. М.: Международный Мемориал, 2018.

Новая периодика и самиздат на территории Советского Союза 1987–1991 / Сост. Е. Жемкова. Bremen, 1992.

Самиздат Ленинграда. 1950-е–1980-е: Литературная энциклопедия / Ред.-сост. В.Э. Долинин, Б.И. Иванов, Б.В. Останин, Д.Я. Северюхин. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Самиздат и новая политическая пресса (по материалам коллекций Москвы и Петербурга) / Сост. Е. Струкова, М. Паскалова, С. Соловьева. М.: СПб., 1993.

Bakuła, Bogusław. Eine parallele Welt. Beiträge zur unabhängigen Kultur in Polen 1976–1989. Bielefeld, 2018.

Drugi obieg w PRL na tle samizdatu w państwach bloku sowieckiego po 1956 roku / Pod red. Przemysława Gasztolda-Senia, Natalii Jarskiej i Jana Olszka. Warszawa, 2016.

Glanc, Tomáš (Ed.), Samizdat Past & Present. Prague, 2018.

Apor, Balázs, Apor, Péter, Horváth, Sándor (Eds.). Cultural Opposition and its heritage in Eastern Europe. Budapest, 2018.

Eichwede, Wolfgang (Ed.) Das Archiv der Forschungsstelle Osteuropa: Bestände im Überblick: UdSSR/ Russland, Polen, Tschechoslowakei, Ungarn, DDR. Stuttgart, 2009.

Eckart, Frank. Eigenart und Eigensinn. Alternative Kulturszenen der DDR 1980–1989. Bremen, 1993.

Machovec, Martin. Writing Underground. Reflections on Samizdat literature in totalitarian Czechoslovakia. Prag, 2019.

Forschungsstelle Osteuropa (Ed.) Monographien im polnischen „zweiten Umlauf“. Druki zwarte w polskim „drugim obiegu“. 1976–1989/90. Stuttgart, 2008.

Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen/Eichwede Wolfgang. Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: die 60er bis 80er Jahre. Bremen 2000.

Phillipsová, Zdenka (Ed.), Tschechischer und slowakischer Samizdat der siebziger und achtziger Jahre. Bestandskatalog. Bremen, 1994.

Суперфин Габриэль,
независимый исследователь,
Бремен

Superfin Gabriel,
Independent researcher
superfin@yandex.ru

УДК 94(470) + 93.25
ББК 63.3(2)63) + 79.3

По поводу бременских коллекций самиздата

About Bremen samizdat collections

Аннотация: Рассказ о собственном опыте работы архивистом в Архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете в период с 1995 по 2009 г. (участие автора в пополнении и описании архива продолжалась до 2017 г.). О том, как комплектовался и описывался архив, о конкретных поступлениях, о круге выполняемых работ, о работе над созданием «русского архива» и путеводителем по архиву, которая была прервана.

Ключевые слова: архив, фондообразователь, личные фонды, «третья эмиграция», самиздат, тамиздат, периодика, комплектование, Исследовательский центр Восточной Европы при Бременском университете, Бремен, Германия

Summary: Personal experience of working as an archivist at the Archives of the Research Centre for East European Studies at the University of Bremen from 1995 to 2009 (the author's participation in the replenishment and description of the archive lasted until 2017). The author describes how the archive was acquired, accessed and described, he talks about specific receipts, the range of work performed, creation of the “Russian archive” and a guide to the archive (this work has been interrupted).

Keywords: archive, fund-maker, personal funds, “third emigration”, samizdat, tamizdat, periodicals, accession, acquisition, Research Centre for East European Studies at the University of Bremen, Bremen, Germany

Руководитель Исследовательского центра профессор Вольфганг Айхведе в 1994 пригласил меня работать в должности архивиста и заниматься той частью архива, которую условно называли «Русским архивом» (мне не нравилось такое название, особенно когда в нем стали нарастать поступления из балтийских стран, Украины, Беларуси). Моя работа началась в январе 1995 года, официально окончилась уже по выходе на пенсию, в 2009. Фактически я непосредственно участвовал в пополнении и описании архива до апреля 2017 года.

То, что было приобретено Центром до 1995 года и приобретенное мной в дар или за мой счет до переезда в Бремен, я «зафондировал» и пронумеровал по датам поступления бумаг от того или иного «фондообразователя», как они были зафиксированы в ведомственных документах о поездках сотрудников к владельцам интересующих Центр домашних архивов. В основном это были представители «третьей волны» эмиграции из СССР, писатели, художники, правозащитники. К ним ездили, помимо самого В. Айхведе, научные сотрудники Центра: Дитрих Байрау, Леонид Люкс, Хартмуте Треппер, Вольфганг Шлотт, позже — Гасан Гусейнов.

Поездки начались, согласно документации, в 1984. Так, например, в Париж — к Н.А. Струве (ф. 01-01) и к В.Е. Максимова (ф. 01-02).

Фонд В.Е. Максимова (ф. 01-02) существенно пополнился посмертно в декабре 1995 и в марте 1997. Накануне Нового 1996 года Сергей Ходорович, на автомобиле доставил большую часть архива «Континента» в Бремен. Часть бумаг Максимова, оставленная на родине, была передана в феврале 2000 года Игорем Хохлушкиным. В те же годы возникла дружба Бремена с Л.З. Копелевым, его семьей и его сотрудниками — так возник будущий фонд 01-03.

Жена Льва Зиновьевича Раиса Давыдовна Орлова в 1983 стала участвовать в проекте интервьюирования эмигрантов из СССР, вовлеченных в самиздатскую деятельность. Эти беседы она записывала на аудиокассеты (ф. 01-86/2). Сейчас они готовятся к печати мемориальцем Г.В. Кузовкиным.

Наконец, под № 01-04 был сформирован фонд Н.М. Ботвинник и Б.С. Кулаева¹ (подробно о нем у Т. Двинятиной — М. Путц).

Моим замыслом было создание исторического архива на базе и в составе бременского Архива, в который вошли бы и самиздатские (в широком хронологическом диапазоне)

документы, и семейные материалы эмигрантов разных волн эмиграции, и корпоративные фонды эмигрантских организаций. Самиздатские документы (бумажные и на других носителях), бытовавшие в самиздатском обиходе, я хотел собирать так, чтобы они стали бы частью личного фонда тех людей, от которых они поступили (т. е. по их происхождению).

К сожалению, определить происхождение того или иного уже находившегося в бременском собрании документа было не всегда выполнимой задачей, поэтому в ф. 01-05/1 «Коллекция самиздата: единичные поступления до 1995» есть опись 8 — «Отдельные документы неустановленного происхождения» — 73 ед.хр. — 83 документа).

«Русский архив» до июня 1997 года занимал три смежных комнаты на одном из этажей здания 1970-х постройки. В одной из комнат хранились папки с газетами времен перестройки: формальные и неформальные, центральные и местные, а также польские, чешские газетные собрания. Там же находилось несколько сейфов с выдвижными ящиками, где хранились самиздатские документы, расположенные по алфавиту авторов или названий. В дальней комнате стоял высокий несгораемый шкаф с материалами, поступившими от Л.З. Копелева и, кажется, еще с какими-то еще материалами. Причем, материалы Копелева, дневники и прочее, представлены были в основном в виде ксерокопий, там же находились фотокопии материалов, которые Копелев передал в ЦГАЛИ СССР (ныне — РГАЛИ) задолго до своей вынужденной эмиграции (зато среди этих копий обнаружился никак не описанный один из двух блокнотиков с подлинной записью, которую вела Ф.А. Вигдорова на процессе над И. Бродским). Считалось, что Копелев завещал передать архив в Бремен, и у него дома архив разбирал работник, специально оплачиваемый бременским Центром.

Никакого справочного аппарата к архивным документам, кроме картотеки, хранившейся в кабинете библиотекаря и бывшей архивистки Эрики Риссманн-Айхведе, не было. Кроме того, существовал составленный Е.Б. Жемковой и изданный в 1992 году отдельной книгой каталог неформальной периодики

¹ Опись фонда составлена архивистами Фонда им. В.Иофе (СПб.) Алекс Гагариновой и Артемом Мынбаевым. [Электронный ресурс]. URL: <https://arch2.iofe.center/case/7054>

(в книге она именовалась «новой периодикой»; иначе она называется «нетрадиционной», но теперь приходится избегать употребления этого слова, в силу нежелательных коннотаций).

Год – полтора ушло у меня на ознакомление с собранным здесь и собственно работой по комплектованию архива. Из Мюнхена я доставил часть домашнего архива писательницы Галины Кузнецовой (1900–1976), которая хранилась у ее душеприказчика (ф. 01-141); архив Анри Волохонского (ф. 01-09, пополнялся в 1996–2004); материалы эстонского правозащитника и журналиста ХейкиАхонена (ф. 01-08); грузинского диссидента Тенгиза Гудава (ф. 01-10), семейную переписку сосланный семьи грузинских коммунистов-троцкистов Цулукидзе-Майсурадзе (ф. 01-30.01); часть книжного собрания рукописных книг от Дмитрия Тарасенкова (ф. 01-11, пополнен в 2009); рукописи и переписку Бориса Хазанова (ф. 01-15, пополнялся до 2009); переписку Алексея Цветкова (ф. 01-14); редакционные материалы Сергея Юрьенена (ф. 01-12); часть бумаг из разных редакций Радио «Свободная Европа»/«Свобода» (ф. 01-29) — перед переездом в Прагу редакции освободились от своего «хлама». Письма слушателей радиостанции поступили от Молли Риффель-Гордин (ф. 01-13, более 2 тыс. писем), Анатолия Стреляного (ф. 01-48), Владимира Тольца (ф. 01-50) и др.

Первые фонды бременского времени (январь 1995) поступили: от искусствоведа и знатока крымско-татарской новейшей истории Светланы Червонной (ф. 01-22), семьи Чингиза и Гасана Гусейновых (ф. 01-23; позже он изрядно пополнялся), Натальи Горбаневской (ф. 01-24), редакции газеты «Русская мысль» (ф. 01-25; значительная часть архива газеты поступила спустя двадцать лет в Российскую государственную библиотеку. Кроме редакционного архива «Русской мысли», в Мюнхене были приобретены годовые комплекты газеты первых лет ее издания).

Обработка периодики также входила в мои обязанности. Благодаря содружеству с нашим компьютерщиком, филологом по образованию, Вольфрамом фон Ротбергом, мы обновили и дополнили базу данных периодики. Большую помощь в этой работе оказали бременские студенты, специализировавшиеся на проблемах стран Восточной Европы. Эта база содержала много неформальной информации по истории издания, поэкземплярного ее описания. Сюда включались и самиздатские издания. С 2008 года периодика была передана в управление библиотекой Центра, а каталог был заменен на стандартный библиотечный

формат. Прежняя база данных стала недоступной и, возможно, исчезла. В становлении электронного обеспечения Архива много нам помогал удивительно доброжелательный библиограф и информатик Хартмут Йэне, также славист по образованию.

Ныне Архив (я предпочитал именовать его Историческим) состоит из нескольких сотен личных архивных фондов, нескольких архивных коллекций, сформированных самим архивом. К архиву примыкают собрания периодики, справочная документация (в основном копии материалов из печатных источников, «инфоархив»), справочная библиотека, отдельная от библиотеки Центра. Кроме того, есть фонд архивных книжных коллекций (ф. 01-55): детской советской литературы (ф. 01-55/12, а также собрание Н.Л. Дилакторской — ф. 01-55/11), книг, оформленных неофициальными художниками (ф. 01-55/17, также ф. 01-55/9.16), книги из лагерей перемещенных лиц (ф. 01-55/03, 01-55/14.1-2 и др.), книги с «цензурной историей» (изъятые, с вымарками; и с ограничительными грифами; ф. 01-55/15) и т. д. А также — фонды «Музейное собрание» (ф. 01-57), фонд визуальных материалов — фотографий, открыток (ф. 01-56) и листовых материалов (листочки, объявления и т. д.) (ф. 01-06) и др.

Параллельно, с 2000 года я вел, помимо учета поступлений в мою (это слово — не в значении собственности) часть Архива, единый каталог документов самиздата и парасамиздата с указанием фондов, в которых они хранятся, и составлял путеводитель по данной части Архива Центра. Работа над путеводителем искусственно прервалась в 2009 году. Частично он воспроизведен в электронном виде на веб-странице Центра.

К истории формирования фонда Н.М. Ботвинник на фоне ее биографии Воспоминания о Ноэми Марковне Ботвинник и Борисе Степановиче Кулаеве их дочерей Александры и Стефании Кулаевых^{1*}

* Вопросы и запись
Г.Г. Суперфина (окт. 2020)

On the history of the Noemi Botvinnik collection in the light of her biography Recollections about Noemi Botvinnik and Boris Kulaev by their daughters, Aleksandra Kulaev and Stefania Kulaev

Сотрудничество нашей мамы Ноэми Ботвинник с Бременским собранием самиздата началось с дружбы с Вольфгангом Айхведе². А познакомилась она с ним в середине 1980-х. Вначале он познакомился в Петербурге с нашим дедом, отцом нашей матери, Марком Наумовичем Ботвинником (1917–1994) — античником, вольнодумцем, эрудитом, в юности прошедшим ГУЛАГ. Как справедливо отмечает в своих воспоминания Лев Лурье, его квартира, где выросла мама и ее сестра-близнец Наталья Ботвинник (1944–2008), была одним из очень значимых

¹ Кулаева Александра Борисовна (род. 1974) — филолог, правозащитница; живет во Франции. Кулаева Стефания Борисовна (род. 1972) — историк-медиевист, правозащитница; живет в Нидерландах.

² Айхведе Вольфганг (Eichwede, Wolfgang; p. 1942) — немецкий историк из поколения 1968 года, из Тюбингенской научной школы историков Восточной Европы, возглавлявшейся Дитрихом Гайером (р. 1928). В Бременском университете с 1974 г. В 1982 г. возглавил институт независимых литератур и общественных движений Восточной Европы, позже преобразованный в Центр восточноевропейских исследований с упором на работу с неофициальными (тогда — самиздатскими) источниками. Почетный профессор в отставке с 2007 г. Основные направления его деятельности: новейшая история стран Восточной и Центральной Европы и поиск и возвращение на родину (в Россию и Германию) перемещенных во время Второй мировой войны культурных ценностей.

домов города, где люди всегда могли рассчитывать на поддержку, приют, интересные и вольные разговоры и главное — необыкновенно деятельное участие в их судьбе и обстоятельствах. Вольфганг Айхведе попал туда совершенно случайно — и вполне закономерно, туда рано или поздно попадали многие. Познакомившиеся с Вольфгангом в театре соотечественники из ГДР взяли его с собой после спектакля в гости к Марку, как к некоей местной достопримечательности³. Из Ленинграда Вольфганг приехал в Москву, где жила тогда мама, и по рекомендации деда появился и у нас дома. Мы стали тесно общаться. Как-то он приехал в гости с женой Элизабет и маленькими детьми. Это одни из немногих цветных фотографий тех лет в нашей семейной коллекции — наша прежняя квартира на Моссельмаше. Саше, наверно, лет 13, а на руках у нее маленькая, годовалая Соня Айхведе.

Мама и тогда уже отдавала Вольфгангу многое из своих самиздатских сокровищ. В тот приезд он забрал у нас и много фотографий диссидентов, у нас их было множество.

Мама собирала самиздат для бременской коллекции, еще живя в Москве, но позже стала это делать более системно, особенно вернувшись в 1989 году в родной Ленинград. Причем не только самиздат, а уже и начинавшую бурно расцветать свободную печать. Мама покупала для Бремена всё, что цвело у Гостиного двора, — у баркашовцев, анархистов, сталинистов и демократов. Именно в Бремен ушли и личные мамины коллекции толстых и тонких журналов, листовок, письма и многое другое. Только небольшую, самую личную, часть она отдала в московский Мемориал — там сейчас есть ее отдельный фонд⁴. Она считала, что некоторые вещи должны остаться в стране.

И Вольфганг и его семья приезжали к нам в гости в Ленинград после нашего переезда. Когда мама смертельно заболела, бременские врачи (а главным образом — доктор Петер Хермес, всё это организовавший и курировавший) сделали всё, чтобы продлить ей жизнь; мы обе учились в Бремене. Так что и с этим архивом, и с городом Бременом, у нашей семьи очень личная история.

— Что такое «на Моссельмаше»?

Мы с мамой и папой⁵ жили в Москве на улице Зеленоградская, д. 3, кв. 211. Это огромный 12-этажный дом, окнами он выходит на железнодорожную платформу Моссельмаш. Мы жили недалеко от парка Грачевка. Там, кстати, мама и встречалась по ночам с дипломатами для передачи на Запад рукописей.

Там мы жили с 1978 года, а до того жили в коммуналке на Кутузовском проспекте, в одном из сталинских домов около Бородинской панорамы. Там внизу жила партийная номенклатура, а на нашем десятом этаже были коммуналки. Комнату папа и мама получили, поженившись. Потом они восемь лет стояли в очереди на отдельную квартиру. И вот после «всего лишь» восьми лет ожидания, в процессе которого родились и подросли мы с сестрой, всем нам дали трехкомнатную квартиру в едва достроенном доме, рядом с железнодорожной платформой «Моссельмаш».

Несмотря на совсем другой типаж (квартира в Ленинграде была старая, в центре, мы же жили в Москве в стандартнейшем блочном доме на окраине), и тут наш дом очень быстро приобрел привычные для этой семьи черты — в нем всё время кто-то жил, останавливался, заходил решить свои проблемы или просто поговорить. На самом деле и в коммуналке нашей уже так было, но возможности были более ограниченными.

— Кто жил или бывал у вас «на Моссельмаше»?

Сначала у нас долго жил Володя Тольц — до 1980 года включительно⁶.

Потом поселился Юра Гастев, оставшийся без квартиры после того, как квартиру его мамы, «старой большевички», забрали после ее смерти⁷. Он жил у нас последние месяцы перед высылкой из СССР. Позже у нас жил Сережа Шибаев, вплоть до своей трагической смерти⁸.

Очень милую статью к 20-летию со дня маминой смерти в «30 октября» написал Виталий Помазов, и в воспоминаниях

³ См. ниже воспоминания В. Айхведе о сближении с М.Н. Ботвинником, чему способствовало также наличие общих знакомых — уехавших из СССР в эмиграцию бывших политзэков Бориса Вайля и Сергея Пирогова.

⁴ Международный Мемориал. Архив истории инакомыслия. Фонд 175. Опись 17. 31 ед. хр.

⁵ Кулаев Борис Степанович (1924–2004).

⁶ Тольц Владимир Соломонович (р. 1944) — историк, увлеченный неофициальной информационной деятельностью. С 1982 г. в эмиграции. Редактор исторических программ на Русской службе Радио Свобода. Живет в Праге.

⁷ Гастев Юрий Алексеевич (1928–1993) — математик-логик правозащитник. Сын литератора и организатора науки в СССР А.К. Гастева. В 1945–1949 гг. — политзаключенный. Принимал участие в редактировании «Хроники текущих событий». В эмиграции (США) с 1981 г. Гастева Софья Абрамовна (урожд. Гринблат, 1899–1979) — узница сталинских лагерей.

⁸ Шибаев Сергей Викторович (1960–1985) — тарусянин, фактически приемный сын правозащитников Александра и Арины Гинзбургов. Покончил жизнь самоубийством из-за отказа выпустить его к семье за рубеж.

«Глухая пора листопада» он тоже тепло вспоминает набитый битком, веселый, а местами и грустный дом на Моссельмаше⁹.

У нас у подъезда на завалинке всегда сидели внизу несколько старух и зорко следили за всеми входящими. Один наш знакомый замешкался перед подъездом, проверяя адрес, ему сразу четко сказали: «Вам на шестой этаж, к ним все такие бородатые ходят».

— А где родители официально работали в 1970-е–1980-е годы?

Переехав в Москву, мама несколько раз меняла работу. Она была биолог, но постоянной ставки получить не удалось. Она временно работала во Всесоюзном онкологическом научном центре им. Н.Н. Блохина АМН СССР, потом в Институте биологии развития АН СССР в лаборатории биохимической эмбриологии у Александра Нейфаха¹⁰, с которым потом многие годы близко дружила. Потом коротко работала в Университете, вместе с Люсей Бойцовой¹¹, мы уже были постарше и ходили туда смотреть на кроликов. Потом три года она никак не могла устроиться на работу — мешало, по тем временам, и еврейское происхождение, выдававшие его экзотические имя и фамилия, и «неправильные» знакомства и деятельность. Но потом ей удалось устроиться в ИВТАН (Институт высоких температур АН СССР), это в Лианозово, по московским меркам — недалеко от нашего Моссельмаша. Это был выход, но не оптимальный — работа не по специальности. Зато там была приятная атмосфера, мама работала там с Валентином Гефтером¹², Валерой Швальбом¹³, с которыми дружила и потом. Мама с коллегами входила в какую-то обязательную дружину по охране порядка на улицах, они ходили с корочками народных дружинников и обсуждали литературу, политику или приходили домой пить чай и опять же горячо обсуждать всякие волнующие их темы. В институте было много разной «движухи» — кто-то устраивал концерты, кто-то покупал оптом книги, часто бывали классические концерты или выступления разных известных людей. Как-то мы там все слушали Рихтера, в другой раз — ходили на выступление Норштейна, показывавшего с комментариями «Ежика в тумане» и «Шинель». А мама как-то раз организовала, от имени ИВТАНа, массовый поход друзей-диссидентов на только что вышедший на экраны взрывной по тем временам фильм «Покаяние» (начало 1987). Достать на него билеты было очень трудно, и вот мама закупила оптом чуть ли не весь зал для своих друзей, кажется, даже на два сеанса.

Папа же, Борис Степанович Кулаев, был довольно известный физиолог, заведовал последовательно несколькими лабораториями, был автором многочисленных статей и двух книг (третья вышла после смерти)¹⁴. Но и его карьера пострадала от их гражданской позиции. Папа был фронтовик, и свое неприятие Сталина и советской власти он осознал еще на фронте. При этом воевал он тяжело, был несколько раз серьезно ранен, даже числился погибшим. В годы нашего детства он, как беспартийный, дальше завлаба идти не мог, и был абсолютно невыездным. В какой-то момент приехавшая из Горького в Москву жена академика Сахарова Елена Боннэр, которую папа знал с детства, не смогла, как обещала, вернуться обратно — а была она после инфаркта и Андрей Дмитриевич не находил себе места, не получая вестей. Папа, которого предупредил по телефону из Горького Феликс Красавин¹⁵, пошел узнавать, в чем дело, со своей книжечкой Академии наук, но попал не просто на сотрудников КГБ, которые в подъезде переписали все его документы, а прямо на пресс-конференцию для иностранных журналистов, которую Елена Боннэр проводила у себя в квартире. Папа работал тогда в космическом институте Олега Газенко¹⁶, имел секретность. И так с трудом терпевший его Первый отдел (благодаря покровительству Газенко, который высоко ценил папину работу, называл его «первопроходцем» в своей области) тут уже не стерпел, и отца выгнали, и пришлось очень напрягаться и с помощью больничных (у папы

⁹ Помазов Виталий Васильевич (1946–2014) — горьковчанин; поэт, журналист, мемуарист. Политзаключенный. См. *Помазов В.* Она была человеком деятельного страдания // 30 октября. М., январь 2014. № 117. С. 4; *он же.* «На меня направлен сумрак ночи». М.: Общественная организация «Гражданская преемственность — право, жизнь, достоинство», 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13243>.

¹⁰ Нейфах Александр Александрович (1926–1997) — биохимик. Подписал письмо протеста в 1968 г. против процесса над участниками демонстрации на Красной площади 25 августа 1968. Друг С.А. Ковалева.

¹¹ Бойцова Людмила Юрьевна (р. 1940) — биолог. Жена С.А. Ковалева.

¹² Гефтер Валентин Михайлович (р. 1944) — математик, правозащитник.

¹³ Швальб Валерий Григорьевич (1944–1999). О нем: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=2263>. На с. 6 — о Ноэми Ботвинник.

¹⁴ Рефлексогенная зона сердца и саморегуляция кровообращения. Л.: Наука, 1972; Жизнь и сосуды (в соавт. с Д.Л. Длигачем). М.: Знание, 1989; Эволюция гомеостаза в биологическом пространстве-времени. М.: Научный мир, 2006.

¹⁵ Красавин Феликс Петрович (р. 1930). Бывший дважды политзаключенный. После освобождения жил в Горьком. Из семьи друзей Е.Г. Боннэр. Сейчас живет в Израиле.

¹⁶ Институт медико-биологических проблем Минздрава СССР.

комьюнити детское было, мы все и еще и моей тети Наташи сын Ромка. Конечно, среда накладывала отпечаток — у нас были похожие интересы, часто — одни кружки, и игра характерная — угадывать статьи из Уголовного кодекса по номерам.

Мы на лето снимали домик неподалеку от Лары и Толи в Карабаново, Юра Гастев и наша семья, в татарской семье. А часто просто жили у них. Когда Толя был арестован в последний раз, он оказался во Владимирской тюрьме (а Карабаново тоже во Владимирской области, под Александровом), и как раз детские каникулы были вскоре, март 1981-го. Мама ездила с Ларой всё время во Владимир — посылки, адвокат... Потом, когда они с Пашкой ездили на свидание (кажется, не состоявшееся), мы их встречали на вокзале, а как-то они приехали ночевать к нам с того поезда.

А у Саши с Карабаново и Толей связана детская страшилка: она была очень маленькая, лет шесть. Она и другие дети шли к пруду. И какой-то мужик схватил и потащил ее. Все искали ее у пруда. А Толя догадался, догнал их у леса и одним ударом сбил насильника с ног. Взял Сашу на руки, унес ее домой. Саша очень хорошо помнит, какими надежными казались сильные Толины руки. Саша потом спросила маму, почему Толя его не попробовал задержать, и нам сказали тогда не очень понятную фразу: «В его положении он не может связываться с милицией. А вдруг это провокация?» Но всё равно — мы Толю чуть-чуть побаивались: он был очень серьезный, в отличие от всей остальной собиравшейся там взрослой компании.

В папиных воспоминаниях рассказано, как он нашел закопанную в снегу книгу Марченко «Живи как все» (Толя ее перед арестом просто зарыл в разных местах участка в снег, но предупредить не успел), и как мама передала ее потом на Запад и там ее опубликовали.

— С кем мама еще дружила?

У мамы было очень много друзей, и университетских, и друзей по экспедициям, и семейных. Потом она стала всё больше вращаться в диссидентских кругах, но все круги друзей общались и перемешивались. Про свою деятельность она старалась не болтать, была крайне осторожна. Но умерла она до эры интернета и обильных воспоминаний. Уже больше 25 лет как ее нет, и о ней мало что, к сожалению, осталось, кроме очень теплой памяти многих, нескольких некрологов. Самый пронзительный написала и напечатала в московском бюллетене «Мемориал-аспект» (январь 1994) Лариса Богораз.

Его подписали десятки маминых друзей, в том числе и Вольфганг Айхведе.

Мама очень тесно дружила с Домбровскими и именно она передала на Запад «Факультет»²¹. Она говорила, что гордилась больше всего, что еще успела передать Юрию Осиповичу уже вышедшую книгу (полученную тем же каналом, что и рукопись — туда), и он ее хоть подержал в руках — перед самой его смертью. А с Кларой, его женой, мы виделись постоянно и после, и маму ее Ольгу Федоровну, с которой Клара осталась, мама поддерживала. С Кларой мы и сейчас дружим.

Конечно, запомнился Юрий Киселев²², у него не было ног, родители помогали ему на его дощечке с колесами забираться к нам. Он был очень теплый и веселый человек.

Мама не только в поселок Матросово под Магаданом к Сереже Ковалеву в ссылку ездила (наверно, в 1982-м, в ноябре — а нас тогда отдала на месяц пожить к Фрейдиным²³, папа бы не справился из-за очень напряженной работы), но и в Казахстан в ссылку ездила к Тане Великановой в 1983-м. У Тани часто бывал и папа, по работе оказывавшийся в Казахстане. В поселок Таучик мама и нас обеих взяла, надолго. У нас в самолете в трусах шуршали бумажки, которые она заталкивала вокруг резинки в дырочку. Это была отдельная и увлекательная история, как мы туда двое суток добирались, а потом жили в мазанке при бане, где Таня продавала билеты в баню, и кажется, работала еще и истопницей. В степи было волшебное — верблюды, овцы, 1 мая в степи, на празднование которого съехались аксакалы на конях и в красивых шапках, а на некоторых девочках, как помнится, были школьные фартуки и галстуки, а платьев не было — это очень запомнилось полным абсурдом... И они все стояли в степи (аксакалы — не сходя с лошадей) перед покрытой красным полотном трибуной, а люди в городских шляпах перед ними выступали. У Саши даже дневник сохранился, в основном про тамошнюю поражающую

²¹ Факультет ненужных вещей. Париж: YMCA-Press, 1978.

²² Киселев Юрий Иванович (1932–1995) — художник, борец за права инвалидов.

²³ Фрейдin Юрий Львович (р. 1942) — психиатр, литературовед; Сморгунова Елена Михайловна (1937–2019) — языковед, культуролог. Одна из редакторов «Хроники текущих событий».

московских детей живность, и про то, как она не любила с Таней заниматься математикой.

...Мы созванивались на днях с Люсей Бойцовой по поводу смерти Юрия Орлова. Люся звонила Ире Валитовой²⁴, и они вспоминали и маму, и всякие детские истории про нас. Ира Валитова у нас очень часто бывала, и в ее визитах у нас был «большой интерес» — Саша и крошечная Ира были одного размера, и Саше от нее доставались шикарные одежды, присланные с Запада, а один раз даже меховые эскимосские потрясающие сапоги, в которых она съездила в лагерь к мужу, а потом отдала нам — и Саша их носила, хотя в них в Москве было слишком жарко. Смешно сказать, пара ярких парадных платьев Иры до сих пор используется нашими детьми как маскарадные костюмы!

Ближайшим папиным другом был Роман Хесин, известный советский биохимик и генетик, преподаватель, член-корреспондент Академии наук²⁵. Роман сам в диссидентской деятельности не участвовал, но безотказно давал деньги, когда они требовались для помощи людям, пострадавшим от репрессий, а также сделал огромное дело — именно у него в квартире хранился по просьбе родителей до его смерти архив «Хроники текущих событий». Роман умирал тяжело и долго. Под конец его жизни родители, посомневавшись, всё же рискнули вывезти нас на недолгий отпуск — казалось, что время еще есть. И там нас настигла телеграмма: Романа не стало. Папа сразу же сорвался в Москву — помимо горя о ближайшем друге, волновала мысль об архиве «Хроники»: кто знал, как на него могли бы среагировать наследники Хесина, совершенно не «бывшие» в курсе дела. У папы был ключ, и он успел вывезти всё и перепрятать.

С семьей Сережи Ковалева оба родителя дружили с юности — причем познакомились и подружились с ним каждый независимо друг от друга. Еще мама очень дружила с Юрой Фрейдиным и Леной Сморгуновой, Ниной Литвиновой²⁶ (а папа, независимо от мамы, очень давно был знаком с Флорой Павловой Ясиновской²⁷) и Еленой Боннэр, с Ирой Якир²⁸, Люсей Бойцовой, Ваней Ковалевым, Сашей и Симой Лавутами²⁹ (первый обыск у нас был за день до Сашиного ареста 29 апреля 1980 года), Айхенвальдами³⁰, Леной Санниковой³¹, Наташей и Димой Янковыми³² (мы у них бывали с ночевкой, уж очень далеко было возвращаться к себе), Наташей Кигаи³³ — да всех не перечислишь. Когда сел Ваня Ковалев, у нас бесконечно бывали

Валя Мицкевич³⁴ и его жена Наташа, они жили пешком от нас, но потом резко исчезли. Отдельно стоит упомянуть кружок социологов, близких друзей Юры Гастева, которые тоже стали маме близкими людьми — Клара Максимовна Ким³⁵, Алексей Левинсон³⁶, Виктория Чаликова³⁷.

Со Стешей мы учились в кружке, в котором участвовала жена Абрамкина, когда Валерия посадили³⁸.

К Сахаровым нас мама возила только раз, а в остальных домах мы часто бывали. На даче Сахарова тогда жил Наум Натанович Мейман³⁹, мы и туда ездили, играли там в саду. Зато когда Сахарова выпустили из Горького, он подарил Саше все номера журнала «National Geographic», то-то было радости! Хотя их всех почему-то на почте (он все номера выслал посылкой, на наш адрес на Моссельмаше) искололи какими-то спицами. Наверное, им казалось, что там какие-то шифры зашиты.

У нас на праздниках часто пели Петя Старчик и Саида, и мы у них бывали. И для нас, детей, всегда специально пели песню про Чарли Чаплина⁴⁰. А на отвалной Гастева, она была у нас, Юлий Ким спел посвященную ему песню: «Куда ты скачешь, мальчик?» Родители много общались с коллегами-биологами,

24 Валитова Ирина Анатольевна (р. 1942) — искусствовед, была женой Ю.Ф. Орлова.

25 Хесин-Лурье Роман Бениаминович (1922–1985) — генетик, автор классической монографии «Непостоянство генома» (1984).

26 Литвинова Нина Михайловна (р. 1945) — гидробиолог.

27 Ясиновская Флора Павловна (р. 1918) — медик, мать Нины и Павла Литвиновых.

28 Якир Ирина Петровна (1948–1999) — правозащитница.

29 Лавут Александр Павлович (1929–2013) — математик, правозащитник, политзаключенный. Мостинская Сима Борисовна (р. 1928) — математик.

30 Айхенвальд Юрий Александрович (1928–1993) — поэт, драматург, правозащитник. Герлин Валерия Михайловна (1929–2012) — педагог.

31 Санникова Елена Никитична (р. 1959) — юрист, правозащитница, политзаключенная.

32 Янков Вадим Анатольевич (р. 1935) — математик, философ, бывший политзаключенный. Янкова (урожд. Сармакешева) Наталья Семеновна (р.1939).

33 Кигаи Наталья Ингридовна (р. 1956) — психолог.

34 Мицкевич Валентин Олегович (р. 1955). С конца 1980-х живет в США.

35 Ким Клара Максимовна (1933–2006) — эстетик.

36 Левинсон Алексей Георгиевич (р. 1944) — социолог.

37 Чаликова Виктория Атомовна (1935–1991) — социолог, публицист.

38 Абрамкин Валерий Федорович (1946–2013) — политзаключенный (арестован 4 декабря 1979 г.), правозащитник Гайдамачук Екатерина Юрьевна (р. 1949) — химик.

39 Мейман Наум Натанович (1911–2001) — математик, член-корреспондент АН СССР, «отказник», правозащитник. Репатририровался в Израиль в 1988 г.

40 Старчик Петр Петрович (р. 1938) — бард. Старчик Саида Мансуровна (р. 1935). Песня Петра Старчика о Чарли Чаплине написана на слова Осипа Мандельштама.

дома часто бывали Женя Пикер⁴¹, заезжали из Ленинграда друзья юности мамы. Из Нижнего Новгорода часто приезжал к нам Феликс Красавин, из Серпухова — Виталий Помазов, из Новосибирска — Абрам Ильич Фет⁴².

— Мама сама печатала самиздат?

Нет. У нас на каждом обыске забирали машинку, один раз даже с латинским шрифтом, но печатала не она. Она почти не умела. Но Вера Лашкова⁴³ печатала у нас как-то раз, а наоборот, и не один. Она с мамой дружила, кстати. Мама много распространяла самиздат и тамиздат, но она не печатала. Последнюю нашу машинку мы перед отъездом уже в 2000-х отдали в петербургский Мемориал с запасом лент и папиросной бумаги, оставшейся с тех лет!

Вспоминается, как к нам на несколько дней попал альманах «Метрополь» — он был огромный и свисал с кровати; захавшие читать его друзья ползали по нему, как по ковру.

Мама была постоянным каналом по передаче многих документов за границу, у нее были контакты среди журналистов и дипкорпуса, широкие связи. Некоторых из них с треском высылали тогда из СССР, она очень боялась ареста. Кроме того, она очень много помогала Юре Гастеву и остальным с помощью политзекам. Нам присылали посылки со шмотками и чем-то еще дорогим, дубленки какие-то, туфли, мама их продавала в комиссионках, а деньги передавали, кому было велено Фондом помощи политзаключенным. Тогда же нельзя было валюту пересылать, вот такой был путь, хотя и нелегкий — в комиссионках принимали по паспорту, и можно было попасть под обвинение в спекуляции.

Мама собирала часто деньги по знакомым — объезжала семьи, собирала нужные суммы. Посылки собирали — липкие ириски «Золотой ключик» помню, которые надо было выковыривать из бумажек и заполнять фантики белым шоколадом, который был запрещен для заключенных, а ириски можно было. И в сладкое драже досыпали разноцветные западные витаминки. В этих операциях мы даже как-то участвовали. В Ленинграде, мамина сестра-близнец Наташа тоже помогала с Фондом помощи политзаключенным, а также возила самиздат из города в город, довольно большими партиями. А их отец Марк Ботвинник собирал деньги для еврейских отказников — об этой, малоизвестной нам тогда, его деятельности, сохранились интересные воспоминания сына его близкого друга⁴⁴. Наша семья дружила с Марком и Фридой Будняцкими⁴⁵, очень активными в движении отказников.

Нельзя не упомянуть многодетную, колоритную семью Андрея и Ольги Некрасовых, с детьми которых мы учились в одной школе. Они не раз выручали родителей в сложные минуты, а если мама звонила им и говорила, что у нее «билеты на концерт Рихтера» и надо забрать детей из школы, они знали, что у нас обыск, забирали нас ночевать к себе и давали знать другим. У них дома мама присутствовала на православных домашних обрядах.

Кстати, если и говорят про те годы и нашу семью, то часто именно про маму, а ведь папина роль в этом всем была тоже огромная. Он не только маму, но и всех ее и их общих друзей поддерживал, во всем. Как Помазов описывает в воспоминаниях, сопровождал на «беседы», навещал, давал деньги, писал объяснительные. У нас хранится трогательная объяснительная записка в отдел кадров (а он же в ультра-секретном институте работал у Газенко, обезьян в космос посылал, к американским программам имел доступ) — в ней он подтверждает, видимо, по требованию Первого отдела, что «да, он близко дружит с осужденными и отбывающими срок Татьяной Великановой и Сергеем Ковалевым, а также высланным из страны Юрием Гастевым, и гордится этой дружбой».

Однажды его вызвали «на разговор» в этот самый Первый отдел, пытаюсь надавить клеветой на близких ему людей, он начал кричать дурным голосом, как он умел, багровея, и попробовал бросить разделявший их стол в этого гебешника. Как он потом, смеясь, говорил: «Оказывается, это была не страшная глупость, а умная стратегия — больше они ко мне близко не подходили!»

Его же и из Военно-морской медицинской академии выгнали еще совсем молодым в 1948-м (он туда после второго крупного ранения устроился учиться в конце войны) в Питере, — сломав кортик и со всеми позорными «почестями» после обсуждения оценок партией творчества Шостаковича. Папа ча-

41 Пикер Евгений Гезович (р. 1936) — биолог.

42 Фет Абрам Ильич (1924–2007) — математик и физик, философ. Подписант. Печатался в самиздате и тамиздате под псевдонимом Андрей Клёнов.

43 Лашкова Вера Иосифовна (р. 1944) — правозащитница, бывшая политзаключенная, профессиональная машинистка.

44 Эклер, Виктор. Кружковцы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer2_3/Eksler1.php.

45 Будняцкий Марк (р. 1942). Будняцкая Фрида (урожд. Симановская; 1941–2017).

сто вспоминал, что он тогда встал на их собрании и сказал, что не только Шостакович — прекрасный композитор, но и Ахматова прекрасный поэт, а Зощенко — замечательный писатель (их тоже незадолго до этого щельмовали). И двое его приятелей, Гоша Афанасьев и Вадим Александровский, тоже фронтовики, офицеры, встали и выступили в его поддержку. И вот причудливые сталинские времена — профессор Черниговский⁴⁶ тогда ему сказал (это был папин любимый учитель и друг): «Срочно уезжай в Москву (дело было в Ленинграде) и возвращайся в гражданский университет, только так ты уберешься». Папа это сделал; и всё так и вышло — когда его выгнали, он уехал и восстановился в Московском университете, а его друзей только разжаловали из офицеров, но не выгнали. Но чуть позже их таки посадили и дали большие срока, по «группе Кулаева», а папа при этом беспрепятственно учился в это время в Москве. Про эпопею с обсуждением Вадим Александровский написал в воспоминаниях «Записки лагерного врача»⁴⁷.

В отличие от мамы, папа диссидентством не жил, жил он наукой в первую очередь, но делал очень много и гордился тем, что делает мама, и никогда сам не корректировал ни ее, ни своего поведения — говорил и действовал в соответствии с очень ценимой им верностью своим идеям и друзьям.

Родители опасались возможного ареста, мама почти ждала его. На обысках (с которых ее увозили на многочасовые допросы) она при этом проявляла большую смекалку и каждый раз умудрялась что-то прятать. То на кухне среди кастрюль, то в самых причудливых местах, а то, под предлогом отлучки в туалет с младшей дочкой, умудрялась разорвать и спустить немало компромата. Спасенные ею на обыске записные книжки, с адресами и «мертвецов голосами», хранятся у нас и сейчас, — уж очень дорого далось маме их сохранить! В 1980 году Сашу в начале обыска отводили гебешники в детский сад — родители потом шутили, что, наверно, они немало напугали наших окраинных нянечек! А в 1985-м, в числе прочего, заметив папиросную отпечатанную бумагу, мама рванулась было ее рвать, но была остановлена гебешниками — при этом это была всего лишь «Одиссея Капитана Блада», любимая Сашей настолько, что она перепечатывала их, чтобы набить руку и овладеть машинописью. Капитан (не Блад, а Милютин, проводивший обыск), с удивлением прочел вслух: «Глаза его блистали, как сапфиры в бронзовой оправе, и, смывая пороховую копоть, из глаз текли слезы». Мама не смогла удержаться от смеха. Отца, кстати,

всегда посылали в командировки на время обысков, боялись то ли его чинов, то ли его вспыльчивости.

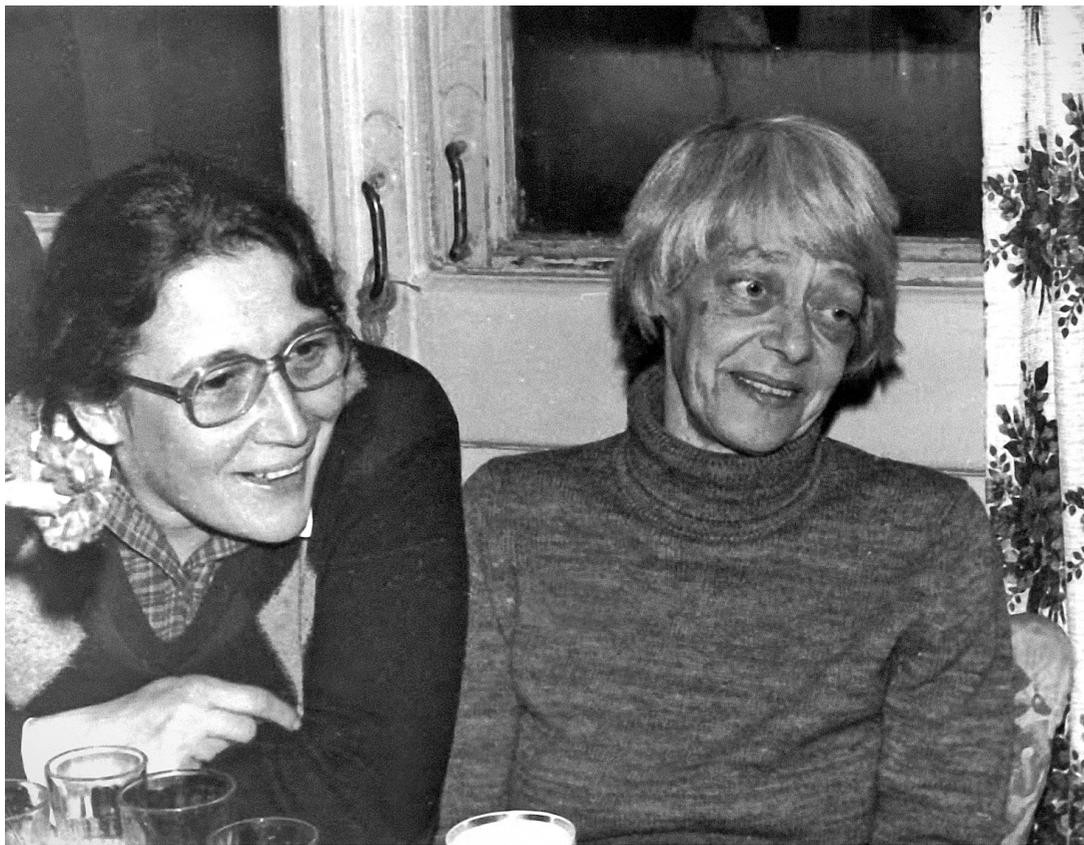
Последний обыск (19 июня 1985, в день ареста Кирилла Попова⁴⁸) закончился на такой провидческой ноте. Среди прочего, в большие бумажные пакеты для добытого на обыске бросили незваные гости и тамиздатское «Собачье сердце» Булгакова. Мама с вызовом сказал «Вот увидите, не пройдет и года, и эта книга выйдет в СССР!» При этом она не верила в это сама нисколько. Но вскоре история круто поменяла ход, и, действительно, в журнальной версии «Собачье сердце» вышло, наконец, на родине меньше, чем через год⁴⁹. А маму этот поворот истории, скорее всего, спас от неминуемо надвигавшегося ареста.

⁴⁶ Черниговский Владимир Николаевич (1907–1981) — физиолог, академик АН СССР с 1960 г.

⁴⁷ М.: Возвращение, 1996 (Библиотека журнала «Воля». Вып. 2). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=467>

⁴⁸ Попов Кирилл Николаевич (р. 1949) — химик, бывший политзаключенный.

⁴⁹ Опубликовано в журнале «Знамя». 1986. № 6.

Нозми Ботвинник
и Лариса Богораз [1980-е гг.]

Борис Кулаев и Нозми Ботвинник,
Ленинград, квартира Ботвинников
[1983].

Борис Кулаев, Нозми Ботвинник,
Юрий Гастев, Стеша и Саша Кулаевы.
1981.

На проводах Юрия Гастева, во дворе ул. Зеленоградской, 3, на ж.д. станции Моссельмаш — стоят: Людмила Терновская, Наталья Кигай, Лев Малкин (подельник Ю. Гастева), Юрий Гастев, Александр Нейфах и Елена Лозовская, Виктор Финн, неизвестная; сидят: Клара Домбровская, Ноэми Ботвинник, неизвестный, Владимир Голицын. 1981.

Вольфганг АйхведеWolfgang Eichwede

Воспоминание о Ноэми Ботвинник (19 октября 2020)

Recollections about Noemi Botvinnik (19 October, 2020)

Перевод с немецкого Ирины Щербаковой.

Я познакомился с Марком Наумовичем в марте 1981 года. В Ленинградском театре я случайно встретился с молодой парой из ГДР. Я пригласил их в «Асторию» на бокал вина, и они рассказали мне о Ботвинниках. На следующий день они позвонили мне и произнесли кодовую фразу: «Мы идем в кино», это значило, что я могу посетить Ботвинников. Я познакомился с Марком Н., а поздним вечером — с его дочерью Наташей. С обоими я сразу подружился.

Предыстория заключалась в том, что Марк сказал, что знает (кроме одной славистки) на Западе всего двух человек: Сергея и Бориса. Я прибавил к именам их фамилии¹. Радость была велика. Оба присутствовали на встрече 1 марта 1979 года, где обсуждался план создания Центра восточно-европейских исследований в Бремене.

Мне кажется, что я тогда же встретился и с Ноэми — в Ленинграде или в Москве. Я должен это проверить. С Наташей было несколько встреч. Кроме того, я встречался в Москве с Тамарой Альфредовной Каулиной², подругой Ботвинников. У нее я познакомился с Люсей, женой Сергея Ковалева.

Нину Маслову и ее мужа Сергея я впервые увидел 16 марта 1981 года в Ленинграде у отца Сергея Юрия³, ровно в день когда вновь был арестован Анатолий Марченко. Нину я позже встречал несколько раз.

В 1987 году я снова был в Москве и в Ленинграде и также встречался с Наташей и Ноэми.

Кое-что мне еще предстоит точно датировать. Но с этого момента завязалась тесная дружба с Ноэми и Борисом. Ноэми позже неоднократно бывала в Бремене.

Центр восточно-европейских исследований был официально открыт 1 мая 1982 года.

¹ Сергей — Пирогов Сергей Кузьмич (1931–2006) — по образованию политэконом (ЛГУ). Политзаключенный (1957–1965, 1973–1975). С 1976 г. в эмиграции (Германия). Работал на Радио Свобода. Борис — Вайль Борис Борисович (1939–2010) — по профессии библиотекарь, политзаключенный в 1957–1965 гг., политссылный в 1970–1975 гг. Правозащитник. С 1977 г. в эмиграции (Дания).

² Каулина Тамара Альфредовна (1919–2009).

³ Маслова Нина Борисовна (урожд. Колчина; 1939–1993) — геофизик. Маслов Сергей Юрьевич (1939–1982) — математик, философ, инициатор и издатель самиздатского библиографического журнала «Сумма» (Ленинград, 1979–1982). Маслов Юрий Сергеевич (1914–1990) — лингвист, славист. Друг Л.З. Копелева.

Габриэль Суперфин

Superfin Gabriel

Была ли М.Я. Берзина среди «первопечатников» «Размышлений» А.Д. Сахарова?

Was Maia Berzina among the first typists of Andrei Sakharov's «Reflections»?

В обзоре Бременского архива, сделанного Т. Двинятиной и М. Путц, содержится ряд не подтвержденных сообщений.

Речь, например, идет об участии Г.Д. Кизевальтера в формировании фонда 01-066. Сабина Хэнсен 8 октября с. г. написала нам: «Georgij Kiesewalter k etomu delu ne imeet otnoshenija, a prinimal uchastie v etom processe kak raz ... Andrej Monastyrskij». А вот сомнение см. в ответе самого Кизевальтера: «Честно говоря, не помню, чтобы я что-то специально передавал в Бремен. Но люди часто искажают информацию...» (письмо ко мне от 07.10.2020).

Другая фраза: «М.Я. Берзина помогала А.И. Гинзбургу составлять сборник материалов по делу осужденных писателей А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля («Белая книга», 1966; хранится в фонде Н.Б. Тарасовой, FSO 01-098)» содержит: а) неподтверждаемое: о помощи Гинзбургу — вот ответ Арины Гинзбург через ее и Алика Гинзбурга сына Саню от 14.10.2020 через фейсбук: «Ya rogovoril s Matou, ona ne pomnit nikakoy Berzini. Strannoe delo»; б) элементарная ошибка: машинопись в фонде 01-98 (архивная коллекция «НТС» и «Тарасова Н.Б.») — это

изготовленная сотрудниками НТС машинописная копия-макет издания так называемой «Белой книги» для ее тиражирования, то есть это машинопись *западного* происхождения. (Готов, однако, согласиться с тем, что через М.Я. Берзину окольными путями к Гинзбургу поступали какие-то документы для этой книги, но на основании каких материалов может быть сделано такое утверждение?)

Еще одно утверждение, побуждает меня поставить вопрос о назревшей необходимости подготовить академическое издание сахаровских «Размышлений» как исторического памятника, со всеми его сохраненными редакциями и вариантами, историей его написания, проникновения в публику и реакции на него в «стране и мире». Сначала приведу его:

«М.Я. Берзина <...> первой напечатала первый вариант (подчеркнуто мной. — Г.С.) известной работы А.Д. Сахарова “Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе” (1968)».

Текст, ставящий под сомнение роль Берзиной в работе над «Размышлениями», строится на основе Хронологии жизни Сахарова за 1968 год: www.sakharov-archive.ru; консультациях зав. Архивом Бэлы Хасановны Коваль; текстов писем к нам Б.Л. Альтшулера, Р.А. Медведева; телефонных разговоров с П.Л. Василевским и Ю.З. Телесиним, сентябрь–октябрь 2020 года).

Первую редакцию «Размышлений», как известно, печатала не известная нам машинистка на секретном объекте «Арзамас-16». «Служебная машинистка» (выражение Роя Александровича Медведева) в машбюро объекта сделала закладку из четырех (? Б.Х. Коваль сомневается в этой цифре — Г.С.) экземпляров. К середине апреля 1968 года работа над ней была завершена (вероятно, кто-то из коллег был ознакомлен с этим текстом) (Б.Л. Альтшулер, телефонный разговор 05.10.2020: «Виктор Борисович Адамский из теоретического отдела ядерного центра — он читал, А.Д. с ним советовался, пока сочинял в марте–апреле»).

26 апреля 1968 года Сахаров прилетел в Москву — на майские праздники. В тот же день он по телефону попросил Медведева прийти к нему. «Передав мне один экземпляр, он просил сделать замечания, сказав, что это пока черновик. Он также просил показать текст А. Твардовскому, Михаилу Ромму и другим моим знакомым, — о моих связях он знал. Я всё сделал и передал много разных замечаний. Сахаров работал еще неделю и привез мне второй вариант (подчеркнуто мной. — Г.С.), сам на такси. Были замечания Валентина Турчина и других.

Но и второй вариант был черновиком, и работа продолжалась. В квартире Сахарова я встретил Ю. Харитона, и он долго убеждал меня, что всего этого делать не надо — это, мол, повредит всем и самому Сахарову. Были третий и четвертый варианты. Мне помогал их печатать историк *Леонид Петровский*¹ (выделено мной — Г.С.). Но многие читатели перепечатывали для себя и друзей» (Рой Медведев, 04.10.2020).

27 мая 1968 года председатель КГБ Андропов сообщает об изъятии оперативным путем экземпляра рукописи и посылает в ЦК КПСС текст (то есть машинописную копию, изготовленную в КГБ?) «Размышлений», Эта «служебная машинистка» (или «машинист») также неизвестна, и машинопись, отправленная в ЦК, остается не изученной.

Теперь о М.Я. Берзиной в 1968 году. Вспоминает Борис Львович Альтшулер: «...я помню, как в начале лета читал плохо различимый (наверно, последний экземпляр закладки) экземпляр «Размышлений» у него [сына Берзиной Павла Леонидовича Василевского, друга и соавтора Альтшулера по самиздатскому эссе «Время не ждет» — Г. С.] (то есть и у Майи Яновны) на квартире (о том, чтобы выносить это из квартиры не могло быть и речи). <...> помню, что <...> Павел Леонидович тогда мне пояснил, что его маме приносит самиздат для распечаток Юлиус Телесин» (Б.Л. Альтшулер, телефонный разговор 01.10.2020).

Юлиус Телесин (Иерусалим, телефонный разговор 30.09.2020) сообщил, что ни с Сахаровым, ни с Медведевым в то время знаком не был. О распечатывании «Размышлений» сказал неопределенно. И на вопрос, получал ли он какие-то материалы от Берзиной для самиздатского распространения, затруднился ответить. П.Л. Василевский факта первопечатания «Размышлений» не подтвердил. Но сказал, что мама могла хранить тайны и от него.

¹ Леонид Петрович Петровский (1933–2010), историк, друг П.И. Якира. Открытатель и первопротраннитель письма В.И. Ленина от 19 марта 1922 года об изъятии церковных ценностей.

Макаров Алексей Алексеевич,
Международный Мемориал,
Москва, сотрудник архива

Makarov Alexey,
Member of Memorial
International Society
sdr1951@yandex.ru

УДК 94(470) + 93.25
ББК 63.3(2)63+ 79.3

А. Сахаров в самиздате и архиве Международного Мемориала

Andrei Sakharov in samizdat and in the archive of Memorial International

Аннотация: Библиография Сахарова насчитывает несколько сотен позиций. Настоящий обзор позволяет историкам диссидентского движения понять, какого рода документы, связанные с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, можно найти в архиве Международного Мемориала. В приложении впервые публикуются 4 документа из архива, подписанных Сахаровым.

Ключевые слова: архив, Сахаров, самиздат, права человека, политзаключенные.

Summary: There are several hundred positions in Sakharov's bibliography. This review allows historians of the dissident movement to understand what kind of documents related to Andrei Sakharov could be found in the Memorial archive. In addition, 4 documents signed by Sakharov from the Memorial archive are published for the first time in the appendix

Keywords: archive, Sakharov, samizdat, human rights, political prisoners.

В архиве Мемориала нет отдельного полноценного фонда Андрея Дмитриевича Сахарова. Документы, связанные с ним, раскиданы по десяткам фондов и коллекций, что затрудняет работу исследователей. Настоящий обзор призван эту работу облегчить.

Сахаров был одним из рекорсменов по количеству людей, в защиту которых он выступал (по подсчетам автора — около 150 человек). Конечно, не всякое заявление публиковалось в самиздате — многие шли только напрямую адресату, тем не менее, в архиве Мемориала сохранилось множество документов, которые разбросаны по разным делам и фондам.

Основной массив заявлений — в фонде 101 (издательство «Хроника-пресс»). Фонд во многом сформирован по биографическому принципу, то есть на человека заводилась папка/конверт, куда собирались вырезки из эмигрантской и иностранной прессы, документы самиздата или их копии, материалы радио «Свобода», частная переписка, а иногда и подлинные документы самих диссидентов, переданные после эмиграции. В 101-м фонде можно найти машинописные заявления Сахарова в защиту более 20 правозащитников (Юрия Шихановича, Семена Глузмана, Виктора Хаустова, Елены Боннэр, Леонида Плюща, Мустафы Джемилева, Юрия Орлова, Валентина Мороза, Паруйра Айрикяна, Анатолия Марченко, Андрея Твердохлебова, Сергея Ковалева, Михаила Хейфеца, Эдуарда Кузнецова, Балиса Гаяускаса, Владимира Шелкова, Юрия Ярым-Агаева, Мальвы Ланда).

Практически все эти тексты опубликованы, однако опыт работы с подобного рода документами показывает, что при подготовке научной публикации необходимо учитывать все экземпляры и воспроизведения, так как возможны разночтения в тексте и опечатки в фамилиях.

Среди находок — неопубликованное частное письмо 1977 года Е. Боннэр и А. Сахарова (рукой Боннэр) директору «Хроники-пресс» Валерию Чалидзе о положении Сергея Ковалева в лагере (на обороте машинописного письма Сахарова и Шафаревича в защиту Александра Гинзбурга) (Ф. 101. Оп. 1. Д. 214).

Поразительно, но в фонде 101 нет папки на самого Андрея Дмитриевича Сахарова. Возможно, эти материалы существовали, но не были переданы в 1991 году вместе с основным фондом.

Второй комплекс заявлений Сахарова находится в ф. 103 (коллекция Кронида Любарского), также организованного большей частью по биографическому принципу. В этом фонде

мы можем найти документы в защиту участников чешской Хартии-77 (1979, совместное заявление польских и советских правозащитников), обращение к польским рабочим (1980), заявления в защиту Татьяны Великановой и Глеба Якунина (1980). Некоторые документы с рукописной правкой или собственноручными подписями.

В деле самого Сахарова (Ф. 103. Оп. 1. Сахаров А.) находится ряд его заявлений первой половины 1980-х годов и писем в его защиту. Среди документов Сахарова: Обращение к Мадридской конференции (Труды Сахарова. Т. 1. № 424¹), обращение в защиту Виктора Некипелова (Труды Сахарова. Т. 1. № 419), заявление ко Дню политзаключенного (28.10.1981), а также приложение — написанное рукой Е. Боннэр письмо к К. Любарскому, заявление в защиту Анатолия Марченко (Труды Сахарова. Т. 1. № 456). Среди документов в защиту Сахарова — обращение Наума Меймана (1982), письмо Эрнста Орловского (27.05.1984), рукописное заявление московской правозащитницы Лины Тумановой от 6 февраля 1985 (через полгода после освобождения из СИЗО и за 2 месяца до смерти)...

Несколько коллективных заявлений, подписанных Сахаровым, можно найти в деле «Коллективные заявления, письма, обращения» (Ф. 103. Оп. 8. Д. 3), в том числе ксерокопии двух заявлений от 30 октября 1977 г. о положении политзаключенных и амнистии, которые публиковались только в малотиражном бюллетене радио «Свобода» «Материалы самиздата» (АС №3359-3360. МС 36/1978).

Третий комплекс документов сосредоточен в ф. 102 («Ленинградская коллекция»). В нем находятся документы самиздата, которые во второй половине 1970-х целенаправленно собирались и описывались группой диссидентов в Ленинграде.

В деле 70 ф. 102 («Политические процессы») находится ряд коллективных заявлений 1970–1977 годов, подписанных Сахаровым. Среди них: в защиту Александра Гинзбурга (заявление с требованием изменить меру пресечения не публиковалось, № 317 в Трудах Сахарова), Виктора Хаустова (1974), Андрея Твердохлебова (1976) и Юрия Орлова (1977). Из более ранних текстов — два письма в защиту Революта Пименова и Бориса Вайля 1970 года. Если письмо 10-ти научных сотрудников

¹ Андрей Дмитриевич Сахаров. Библиографический справочник. Труды. Т. I. М.: Права человека, 2006. Далее: Труды Сахарова. Т. I.

известно и публиковалось, то второе заявление (5-ти научных сотрудников) о намерении присутствовать на судебном процессе отсутствует в библиографии Трудов Сахарова (опубликовано в настоящем выпуске Acta samizdatica).

В Деле 88 ф. 102 хранятся статьи и заявления Сахарова. В нем находятся машинописные «Размышления...», в том числе с выдержками из писем и статей о трактате Сахарова, письмо к Брежневу (январь 1970), «Памятная записка» (1970), «О стране и мире», «Мир, прогресс, права человека». Среди правозащитных заявлений 1970–1977 годов стоит выделить два документа, которые ранее не публиковались и не отражены в Трудах Сахарова. Это два документа 30–31 октября 1975 года — заявление в защиту адвентистки Марии и Обращение к международной общественности о положении бывших политзаключенных. Оба они публикуются в настоящем выпуске Acta samizdatica.

Еще два документа были опубликованы в эмигрантской газете «Русская мысль» (06.11.1975), но отсутствуют в библиографических описаниях. Это коллективное обращение «К мировой общественности» в защиту Мустафы Джемилева (Ф. 102. Оп. 1. Д. 38. Л. 196) и обращение организации «Взаимопомощь и действие» с призывом освободить всех политзаключенных (Ф. 102. Оп. 1. Д. 88. Л. 2). Оба текста подписаны не только Сахаровым и Боннэр, но и западными общественными деятелями, в частности, Генрихом Бёллем.

Немало заявлений 1979–1980 года сохранилось в фонде Владимира Тольца (Ф. 201): в защиту Сергея Некипелова, Татьяны Осиповой, Александра Лавута, «Кто осужден?» в защиту Татьяны Великановой и Глеба Якунина.

Ряд документов посвящен защите Андрея Сахарова, в том числе авторизованное машинописное письмо А. Марченко к академику Капице (1980). Также в фонде представлены 5 открытых писем Е. Боннэр (1980).

Фонд малотиражных изданий и копийных материалов радио «Свобода» (Ф. 158) содержит 255 документов, написанных или подписанных Сахаровым (их список можно создать с помощью поиска по каталогу: <http://samizdat.memo.ru/samizdat/search>).

С 1968 года радиостанция «Свобода» собирала, аннотировала и публиковала поступающие документы самиздата. В 30-томном «Собрании документов самиздата» и еженедельном бюллетене «Материалы самиздата» находятся следующие документы, чьи публикации не зафиксированы в Трудах Сахарова:

письмо в защиту Паруйра Айрикияна 1974 года (№ 236 в Трудах) — АС №1954. МС 51/1974; письмо Великановой, Ковалева, Подъяпольского и Сахарова в защиту баптиста Георгия Винса 1974 года (№ 230 в Трудах) — АС № 1922. МС 46/1974; коллективное «Слово о Натане Щаранском» 1977 года (№ 327 в Трудах Сахарова) — АС № 3009. МС 24/1977; письма А. Сахарова, П. Григоренко и Р. Джемилева в защиту Мустафы Джемилева 1977 года — АС № 3210–3211. МС 15/1978; коллективное письмо в защиту Александра Подрабинека 1978 года (№ 358 в Трудах) — АС № 3248. МС 21/1978; предисловие к статье Мальвы Ланда о деле Степана Затикияна 1979 года (№ 584 в Трудах) — АС №3676. МС 28/1979; коллективное заявление «Кто осужден?» о процессах Т. Великановой и Г. Якунина 1980 года (№ 426 в Трудах) — АС № 4076. МС 32/1981. Вероятно, этот список неполон и материалы фонда требуют дальнейшего изучения.

Некоторые документы Сахарова отложились в фондах диссидентских ассоциаций Комитета прав человека и Московской Хельсинкской группы.

В фонде 168 (Комитет прав человека) находятся «Принципы Комитета прав человека», авторизованная «Памятная записка» Сахарова (1971), документы Комитета, в том числе авторизованные членами Комитета, коллективные обращения об отмене смертной казни и амнистии, поддержанные Сахаровым (1972). Также в фонде находится сборник «В защиту прав человека», составленный Сахаровым и Валерием Чалидзе в первой половине 1970-х. Это подборка документов по отдельным кейсам, которыми занимался Комитет прав человека, объемом более 200 машинописных страниц.

В фонде Хельсинкских групп (Ф. 166) есть немало документов, к которым присоединился Андрей Дмитриевич Сахаров. Особое внимание привлекает обращение и коллективное заявление в поддержку чехословацкой Хартии-77 (12.02.1977) (Д. 3. Л. 183), авторизованное подписавшими, в том числе Сахаровым, документ МХГ № 24 «Дискриминация крымских татар продолжается» (04.11.1977) с рукописной припиской Сахарова (Д. 4. Л. 1–16). В нескольких случаях: документы МХГ № 106 и № 111 — подпись Сахарова сделана не его рукой, а вписана кем-то из членов МХГ.

В фонде Ивана Ковалева (Ф. 141, часть рабочего архива МХГ) отложилось несколько любопытных писем, адресованных А. Сахарову, а также Обращение лауреата Нобелевской премии мира А. Сахарова к «Amnesty International» и всем лицам

и организациям, озабоченным судьбой С. Ковалева с сообщением о лишении его свидания в лагере и призывом добиваться освобождения Ковалева (машинопись с рукописной правкой).

В фонде члена МХГ Леонарда Терновского (Ф. 199) находится книга «О стране и мире» с дарственной Сахарова, сделанная 09.02.1977 — в разгар репрессий против Хельсинкской группы, коллективное фото с Сахаровым в Калуге (на процессе по делу Гинзбурга в 1978), телеграмма Сахарова Терновскому с поздравлением с днем рождения (1979) и приглашения на вечера памяти 1990-х годов.

В подборке документов МХГ, которые находятся в фонде Терновского, есть документ МХГ № 69 «30 лет Всеобщей декларации прав человека», в котором многие подписи (но не Сахарова) поставлены от руки, а также черновая машинопись документа МХГ № 121 «В защиту академика А.Д. Сахарова».

В коллекции личных дел (Ф. 155) есть дело Сахарова. В нем находится копия переписки Андрея Сахарова с канцлером Австрии Бруно Крайским (1973–1977), несколько правозащитных писем, в том числе в защиту политзаключенных в Индонезии (1974), а также более поздние документы — выступление на Съезде народных депутатов о Китае (09.06.1989) и коллективный ответ на пасквиль, посвященный А. Сахарову и Нагорному Карабаху (1989).

Отдельно стоит сказать о комплексе материалов о Сахарове, собранном Леонидом Петровским (Ф. 155). Это не только многочисленные публикации Петровского о Сахарове, но и «Размышления о прогрессе...» с правкой А. Сахарова (ксерокопия).

В фонде правозащитника Алексея Смирнова (Ф. 107) есть отдельная подборка материалов по общественно-политической деятельности Сахарова (Д. 1. Лл. 185–224), куда попали разные документы: от заявления на пресс-конференции 30 октября 1974 до выступления во время предупредительной забастовки депутатов в декабре 1989 г.

Отдельные подборки документов Сахарова (или о нем) сохранились в нескольких комплексах документов, образовавших ф. 153 «Хроника текущих событий». Это «Папки Лавута», в которых отложились машинописные заявления Сахарова 1974–1975 годов, заявления в защиту М. Джемилева (1975–1976 гг.), а также переписка с президентом США Картером в 1977 (разумеется, в самиздатских копиях, а не в оригинале), среди уникальных документов — авторизованный машинописный экземпляр обращения к Генеральному секретарю ООН с просьбой

способствовать возвращению крымских татар на родину (январь 1974; Труды Сахарова. Т. 1. № 184); «Архив Великановой», в котором собраны заявления и интервью 1977–1978 годов. Из интересных материалов — подлинник письма Василя Стуса к Сахарову (1978); «Архив Смушкевича», в котором отложились материалы самых последних выпусков «Хроники текущих событий» и потом уже бюллетеня «В», в работе над которыми принимал участие правозащитник и друг Сахарова — Юрий Шиханович. В этом массиве находятся письма и заявления 1983–1984 гг. Андрея Сахарова и Елены Боннэр.

Самиздатские экземпляры больших публицистических работ Сахарова и его интервью разбросаны по разным фондам. «Рекордсменом» в этом смысле является первый публицистический текст Сахарова — «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Его можно найти в Ф. 186, Ф. 175. Оп. 9, Ф. 175. Оп. 22. Д. 15, Ф. 175. Оп. 1, Ф. 175. Оп. 5 (причем ранний вариант, судя по эпиграфу из Шиллера, а не из Гете), Ф. 119 (в том числе вариант с эпиграфом из Шиллера «Только полнота ведет к ясности» и вставками в текст, сделанными рукой самого Сахарова), письмо А. Сахарова, В. Турчина и Р. Медведева о необходимости демократизации (1970) можно найти в фонде 147 и коллекциях самиздата — Ф. 175. Оп. 1. Д. 5, Ф. 175. Оп. 51. Д. 1. «Памятная записка» представлена в ф. 155 и ф. 102 (Оп. 1. Д. 88), а статья «Тревожное время» в ф. 166 (Оп. 1. Д. 16).

В фонде 175 (Оп. 5. Д. 6) представлены документы 1973 года, заявления 1974–1975 гг. можно найти в «Папках Лавута» (Ф. 153), а в «Архиве Великановой» (Ф. 153) — заявления и интервью 1977–1978 годов. Заявления времен ссылки в Горький сосредоточены в фонде Тольца (Ф. 201).

С помощью нескольких сотен судебных приговоров и протоколов обысков, разбросанных по многочисленным фондам, можно лучше восстановить «биографии» трудов Сахарова. Пожалуй, самым распространенным был первый текст Сахарова — «Размышления о мире, прогрессе и интеллектуальной свободы» (1968), он не только ходил в самиздате, но и изымался на обысках. В фонде Кронида Любарского (Ф. 205. Оп. 1. Д. 8) есть такой экземпляр, изъятый в 1972 и возвращенный в 2010-е годы.

Распространение «Размышлений о мире, прогрессе и интеллектуальной свободе» инкриминировалось Льву Убожко (Свердловск, 1970), Сергею Пономареву (Горький, 1970) и Анатолию Назарову (Душанбе, 1972). В фонде 155 (дело Революта

Пименова) есть письмо Пименова к Сахарову, в котором он сообщает, что ему собираются инкриминировать распространение «Размышлений...». В итоге этот документ не присутствовал в приговоре, а для Сахарова это известие стало причиной первой поездки на политический процесс и началом дружбы с Пименовым.

В фонде 181 (С. Ковалева) можно найти копию заявления А. Сахарова из архивно-следственного дела с просьбой вызвать его свидетелем на процесс по делу С.А. Ковалева. Причиной просьбы являлось то, что Ковалеву инкриминировалась передача на Запад материалов пресс-конференции о положении политзаключенных, состоявшейся 30 октября 1974 года на квартире Сахарова. Кроме того, Сахаров направил Ковалеву приглашение на церемонию вручения Нобелевской премии мира. Разумеется, оно не дошло до Ковалева, а было приобщено к материалам его дела (Т. 29. Лл. 99–103).

В переданном в архив Международного Мемориала и полностью опубликованном (<https://www.memo.ru/ru-ru/biblioteka/delo-kovaleva-podokumentnaya-opis>) 30-томном архивно-следственном деле С. Ковалева отложился комплекс заявлений Сахарова, сделанных вместе с С. Ковалевым (в поддержку письма Ковалева об «Архипелаге ГУЛАГ» 17.10.1974; призыв к всеобщей амнистии узников совести, 27.12.1974; заявление Сахарова об аресте Ковалева, 28.12.1974).

Одной из важных форм деятельности Сахарова было посещение судебных процессов. Хотя, как правило, эти «открытые» суды проходили при закрытых дверях, но сам факт присутствия Сахарова и его поддержка были очень важны.

О документации, посвященной процессу Пименова — Вайля в 1970 году, мы писали выше; среди фотографий, сохранившихся в архиве: Сахаров у зданий судов, в которых проходят политические процессы (Анатолия Щаранского и Юрия Орлова, 1978). Верные и свободные адвентисты седьмого дня («шелковцы») даже выпустили отчет «Академик А.Д. Сахаров в Ташкенте» о его приезде на процесс их духовного лидера В. Шелкова в 1979 году в Ташкенте («Открытое письмо» № 9, 1979, Ф. 173), напечатанный в подпольной типографии.

В ряде фондов сохранились черновики самиздатских отзывов на работы Сахарова. В фонде Петра Григоренко (Ф. 119) большинство документов — вещдоки, изъятые в 1968–1969 годах и возвращенные в 1990-е годы. Среди любопытных документов — восторженное письмо к Сахарову, написанное после

прочтения «Размышлений...» (29 лл.) (т. 3 (9), черновик письма осени 1968 года к Сахарову с предложением присоединиться к «Комитету» [правозащитная организация, которая так и не была создана] (т. 1 (7))). В фонде 175 (Оп. 22. Д. 7) — письмо доктора биологических наук Арона Гурвича к Сахарову с поздравлением с 60-летием.

Полезным источником, который отложился в нескольких фондах (Фф. 138, 164, 166, 183, 186) являются вырезки из советских (в основном), иностранных и эмигрантских газет, которые собирались целенаправленно как частными лицами, так и диссидентскими ассоциациями для своей работы. Интересно, что таким сбором занималось и КГБ. Так, в рамках следствия по делу С.А. Ковалева в 1975 КГБ запросило в Литовской республиканской библиотеке газетные вырезки о Сахарове и Солженицыне за 1973–1974 годы (Архивно-следственное дело С. Ковалева. Т. 29. Лл. 305–336).

При анализе имеющегося в архиве комплекса документов видно, что многочисленные правозащитные тексты Сахарова не ходили широко в самиздате, были адресованы скорее Западу и иностранным журналистам. Конечно, «Размышления» и коллективное письмо о демократизации представлены в фондах, но уже «О стране и мире», скорее всего, читали в тамиздате (хотя одна машинописная перепечатка в архиве имеется). С другой стороны многочисленные публицистические тексты Солженицына (и вообще его тексты и тексты о нем, включая справку о реабилитации) распространялись широко и отложились намного лучше. В то же время анализ библиографии Солженицына показывает, что он довольно редко и неохотно выступал в защиту преследуемых по политическим мотивам, а когда делал это, то чаще заступался за русских националистов, православных и людей из круга своих помощников.

Фотографии в Архиве истории инакомыслия в СССР Международного Мемориала выделены в отдельный фонд (Ф. 110). В фонде находятся несколько десятков фотографий Сахарова как диссидентского периода, так и конца 1980-х, когда он принял активное участие в создании организации.

Материалы по истории становления Мемориала, в том числе об участии Сахарова в этом процессе отложились в нескольких личных фондах членов Мемориала: Виктора Когана-Ясного (Ф. 213) — рабочие записи Олега Орлова, связанные с подготовкой церемонии прощания (Ф. 216) — заполненные подписные листы под обращением с требованием передать счет

Мемориала в банке под контроль Общественного совета во главе с Сахаровым, а также заполненные подписные бланки в поддержку важнейшего документа Сахарова 1989 года — «Декрета о власти», сбор подписей под которым организовал Мемориал и 11 декабря 1989 года в Центральном доме художника передал Сахарову несколько десятков тысяч собранных подписей.

В деле Револьта Пименова в ф. 155 сохранилась целая подборка документов, связанных с предвыборной кампанией Пименова (одного из основателей Сыктывкарского Мемориала) в 1989 году и поддержкой Сахаровым этой кампании, в том числе обращение-листовка А. Сахарова, которую он лично привез в Сыктывкар.

В фонде Мемориала как организации (Ф. 14) материалы о Сахарове сосредоточены в основном в папках 50 и 51. Отдельный интерес представляет подборка записок, адресованных в Президиум во время выдвижения Мемориалом Сахарова в депутаты в январе 1989 года.

Большим подспорьем для будущих библиографов может стать коллекция неформальной прессы в Библиотеке Международного Мемориала. «Декрет о власти» неоднократно публиковался в региональных мемориальных изданиях, а в 1990-м году некоторые газеты подготовили спецвыпуски к 21 мая — дню рождения Андрея Дмитриевича.

Публикация А. Макарова

УДК 94(470) + 93.25
ББК 63.3(2)63 + 79.3

Неопубликованные письма из архива Международного Мемориала

Unpublished letters from the International Memorial Society Archive

Аннотация: В публикацию входят два документа 1970 года, посвященные процессу Револьта Пименова в Калуге (в т. ч. письмо Пименова к Сахарову) и два заявления Сахарова 1975 года, приуроченные к Дню политзаключенного 30 октября, которые ранее не публиковались.

Ключевые слова: Андрей Сахаров, Револьт Пименов, ученые, политические процессы, диссиденты, адвентисты, политзаключенные.

Summary: The publication includes two documents (1970) dedicated to the Revolt Pimenov trial in Kaluga (including Pimenov's letter to Sakharov) and two statements by Sakharov (1975), timed to coincide with the Political Prisoner's Day on October 30, which have not been published before.

Keywords: Andrey Sakharov, Revolt Pimenov, scientists, political processes, dissidents, Adventists, political prisoners.

Сахаров в защиту политзаключенных. Неизвестные заявления

Andrei Sakharov in defense of political prisoners. Unknown statements

Одной из форм правозащитной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова 1960-х — 1980-х годов была подготовка и подписание коллективных писем — их насчитывается несколько сотен. Часть этих писем не предназначалась для печати и напрямую направлялась в официальные инстанции, часть не была опубликована или публикации не выявлены, поэтому мы знаем только, что Сахаров выступал в защиту такого-то политзаключенного или обратил внимание на такую-то проблему.

30 октября 1974 года на квартире Сахарова прошла пресс-конференция, на которой было объявлено об учреждении Дня политзаключенного СССР. День политзаключенных впоследствии отмечался в лагерях и тюрьмах однодневными голодовками, а Сахаров и другие правозащитники делали заявления 30 октября о советских политзаключенных. Именно к этой дате были приурочены очередные выпуски «Списка политзаключенных» Кронида Любарского в 1980-е, а в настоящее время — обновление Списка политзаключенных Правозащитного центра «Мемориал» и акция «Возвращение имен» на Лубянской площади.

В архиве Международного Мемориала (Ф. 102. Оп. 1. Д. 88) отложились два документа 1975 года, которые не зафиксированы в библиографическом справочнике трудов Сахарова¹. Это никогда не публиковавшиеся письмо в защиту адвентистки Марии Флорескул и «Обращение к международной общественности о положении бывших политзаключенных». Сведения о этих документах есть в хронологии жизни Сахарова (https://www.sakharov-archive.ru/Sakharov_75.htm), однако там

они неточно отнесены к 30 октября, в то время как письмо в защиту Флорескул в машинописной копии в архиве Мемориала датировано 31 октября. Оба документа — неавторизованные машинописи на одном листе.

Заявление в защиту Марии Флорескул демонстрирует типичный для Андрея Дмитриевича подход: во-первых, это выступление в защиту малоизвестной политзаключенной — Сахаров всегда сетовал на то, что западные корреспонденты реагируют только на сообщения о преследованиях какой-то небольшой когорты известных правозащитников. Во-вторых, здесь проявляется характерное для Сахарова стремление взять проблему более широко: обратить внимание на преследование целой группы людей, в данном случае верующих, и привлечь внимание к ситуации с местами лишения свободы в целом.

Мария Флорескул — верующая ВСАСД (верные и свободные адвентисты седьмого дня), точнее, того направления, которое возникло вокруг фигуры Владимира Шелкова (1895/1905–1980). С точки зрения советской власти, такие верующие были «сектантами», которые воспитывают детей в религиозном духе, что считалось уголовным преступлением.

Предыстория такова: в 1963 году Марта Кондрюк вышла замуж за Владислава Бондаря, в 1964 году в семье родился сын Сергей, а в 1967-м родители развелись из-за того, что Марта была верующей. Ребенок остался с матерью, и, по свидетельству ее родственников, отец не принимал участие в его воспитании и не выплачивал алименты. В 1973 году Марта умерла, после чего опека приняла решение отдать ребенка отцу. К этому моменту мальчик жил у своих верующих родственниц по материнской линии — сестер Марии Флорескул и Орыси Кондрюк, которые отказались отдавать Сергея отцу-атеисту. В результате этого против них было возбуждено уголовное дело по статьям «незаконное лишение свободы» и «похищение ребенка», а против Марии Флорескул еще и по статье «посягательство на личности и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов». Воспитание в религиозном духе стало главным в ее деле пунктом обвинения.

Суд состоялся 26–27 августа 1974 года в поселке Берегомет Вижницкого района Черновицкой области. Мария Флорескул была приговорена к 3 годам лагерей с конфискацией

¹ Андрей Дмитриевич Сахаров. Библиографический справочник. Т. I. М.: Права человека, 2006. Далее: Труды Сахарова. Т. I.

имущества, а Орыся Кондрюк — к двум годам лагерей (освобождена досрочно).

Заявление А.Д. Сахарова

Я обращаю внимание международной общественности на очередное и, к сожалению, традиционное нарушение свободы совести в нашей стране — осуждение Флорескул Марии Николаевны² за воспитание в религиозном духе ее племянника, помещение ее в лагерь венерических больных — совершенно недопустимый акт.

Необходима международная защита этой женщины, и в ее лице всех верующих в нашей стране. Давая это заявление в день политзаключенных СССР, я также обращаю внимание на нарушение в этом деле общепринятых в демократических странах норм режима мест заключения.

31 октября³ 1975 г.

А. Сахаров

В следующем публикуемом документе поднимается проблема, продолжавшая оставаться актуальной со сталинских времен: так называемая система «минусов», то есть невозможность для политзаключенных, отбывших срок, жить в десятке крупнейших городов и приграничной зоне, а также высылка за пределы 100-километровой зоны Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и других крупных и «закрытых» городов. При освобождении из лагеря политзаключенный должен был указать, куда он направляется, однако он не был свободен в выборе места проживания.

Прибалтийским «Лесным братьям», боровшимся с советской властью, и членам Организации украинских националистов (ОУН) не разрешалось вернуться в их республики. Этой проблеме посвящен документ Литовской Хельсинкской группы от 8 июня 1971 года, в котором называется 21 фамилия литовцев, отбывших 25-летние сроки, но не имевших возможности вернуться в Литву.

В 1964 году было принято постановление Совета министров СССР о запрете прописывать в Москве осужденных по статьям 70 и 227 УК РСФСР, в 1985 году к ним прибавились статьи 190-1 и 142.

В итоге появились «колонии» таких освобожденных политзаключенных — Луга в Ленинградской области, Таруса в Калужской области и Александров во Владимирской.

В 1960-е — 1980-е годы освободившиеся политзаключенные нередко ставились под административный надзор.

Положение об административном надзоре появилось в 1966 году для наблюдения за теми, кто «не встал на путь исправления».

Трудности, связанные с жизнью под административным надзором и невозможностью вернуться домой (в результате чего семьи нередко де-факто жили на два города) подробно описаны в мемуарах Анатолия Марченко. При административном надзоре нужно было отмечаться раз в неделю в МВД, в темное время суток находиться дома, нельзя было уехать из города, не уведомив милицию, а любая оплошность в несоблюдении правил могла привести к новому уголовному делу. Общая ситуация описана в документе МХГ № 6 «О положении бывших политзаключенных в СССР» (01.08.1976)⁴.

Сахаров уже обращался к теме положения политзаключенных после освобождения и права на возвращение домой. В 1972 году он сделал сообщение в Комитете прав человека «О проблеме восстановления прав лиц и народов, нарушенных при насильственном переселении». А в 1974 году в заявлении «О праве жить дома» писал о запрете возвращения в Литву вышедшим на свободу «лесным братьям».

Обращение к международной общественности о положении бывших политзаключенных

Положение бывших политзаключенных после отбытия ими срока заключения и выходе из тюрьмы или лагеря является трагическим. Бывшие заключенные, как правило, находятся под уничижительным и крайне стеснительным административным надзором. Все они крайне ограничены в выборе места жительства, не могут получить работу по специальности, а часто вообще не могут найти работу. Не могут продолжать образование. Особые трудности с выбором места жительства у проживавших ранее

² Флорескул Мария Николаевна, верующая адвентистка седьмого дня («шелковка») (пос. Берегомет, Вижицкий р-н, Черновицкая обл., УССР). Политзаключенная (1974–1977). Осуждена вместе со своей сестрой Орысей Кондрюк за отказ выдать ребенка их покойной сестры его давно разведенному отцу-атеисту.

³ День политзаключенного — 30 октября. Непонятно, опечатка в дате или же действительно заявление выпущено 31 октября.

⁴ [Электронный ресурс]. URL: https://mhg.ru/sites/default/files/files/docmhg_1976_1982.pdf

в национальных республиках (я писал об этом год назад в обращении «О праве жить дома»⁵). Так же, как ранее в тюрьме и лагере, власти продолжают формально считать бывших политзаключенных обычными уголовниками. Бывшие политзаключенные находятся под двойным гнетом — милиции и КГБ. Крайняя нужда — их повседневный удел. Бывшие политзаключенные особенно беззащитны перед лицом повторных репрессий. Большинство из них рано или поздно получает новый срок. Я хочу напомнить о повторном осуждении бывших политзаключенных Анатолия Марченко⁶, Василия Романюка⁷, Георгия Винса⁸, Марии Семенович⁹, Паруйра Айриkyана¹⁰, Владимира Осипова¹¹, Мустафы Джемилева¹², Юрия Шухевича¹³, Данилы Шумука¹⁴, Виктора Хаустова¹⁵ и многих других.

20 октября по указанию КГБ без каких-либо медицинских оснований задержан и направлен на принудительное психиатрическое лечение ленинградский инженер Анатолий Пономарев¹⁶, ранее находившийся несколько лет в специальной психиатрической больнице по обвинению по ст. 190-1. Осуществлявшие задержание сотрудники КГБ (переодетые санитарями) жестоко и профессионально избили его. От удара в солнечное сплетение он потерял сознание.

Трагична судьба бывшего политзаключенного Сергея Бабича¹⁷. Свой первый срок (3 года) он получил в 1960 году за расклеивание листовок, которые суд признал антисоветскими. В 1964¹⁸ году он арестован вторично и осужден на 10 лет. После освобождения в начале 1975 года и установления над ним административного надзора, Бабич оказался в крайне тяжелом положении — без работы. Сейчас ему угрожает новый срок¹⁹.

Сегодня, в «День политзаключенных СССР», я призываю к защите бывших политзаключенных. Я обращаюсь к международной общественности с просьбой поддержать требования держащих сегодня голодовку политзаключенных о предоставлении им статуса политзаключенных. Этот статус необходимо распространить также на всех бывших политзаключенных.

Я подчеркиваю также важность организации материальной помощи бывшим политзаключенным и их семьям.

30 октября 1975 г.

Андрей Сахаров,
академик,
Лауреат Нобелевской
премии Мира

5 Труды. Т. 1. № 20. Обращение в Верховный совет СССР и Верховные Советы союзных республик о существующих ограничениях на проживание лиц, отбывших заключение по политическим мотивам. 11.09.1974.

6 Марченко Анатолий Тихонович (1938–1986), рабочий. Политзаключенный (1960–1966). 21 августа 1968 г. осужден за нарушение паспортных правил. В 1975 г. приговорен к 4 годам ссылки за якобы нарушения правил административного надзора. В 1981 г. арестован и приговорен к 10 годам лагеря и 5 годам ссылки. Умер в Чистопольской тюрьме.

7 Романюк Василий Емельянович (1925–1995), священник. Узник сталинских лагерей (1944–1953). В 1972 г. приговорен к 7 годам лагеря и 3 годам ссылки за распространение своих заявлений.

8 Винс Георгий Петрович (1928–1998), один из лидеров Совета церковью Евангельских христиан-баптистов. Политзаключенный (1966–1969). В 1975 г. осужден на 5 лет лагерей и 5 лет ссылки за религиозную деятельность, в 1979 г. выслан в США.

9 Семенова Мария Павловна (1923–конец 1990-х), верующая Истинно-православной («катакомбной») церкви. Узница сталинских лагерей (1946–1954?). Политзаключенная (1961–1972, 1972–1985)

10 Айриkyан Паруйр (р. 1949). Один из руководителей Национальной объединенной партии Армении; политзаключенный (1970–1973). В 1974 году был обвинен в нарушении административного надзора, а в СИЗО ему было предъявлено обвинение в антисоветской агитации, политзаключенный (1974–1987).

11 Осипов Владимир Николаевич (р. 1938), историк, русский националист. Политзаключенный (1961–1968). В 1970 г. он написал и пустил в самиздат очерк «В поисках крыши», в котором описывал трудности с пропиской для бывших политзаключенных. Арестован в 1975 г. за издание журналов «Вечер» и «Земля», осужден на 8 лет лагерей.

12 Джемилева Мустафа (р. 1943), лидер крымских татар. 6 раз был политзаключенным (в том числе за нарушение правил административного надзора). В 1975 г. в лагере против него было сфабриковано новое дело, и он получил дополнительный срок за «устную клевету на советский строй» среди заключенных.

13 Шухевич Юрий Романович (р. 1933), сын командующего Украинской повстанческой армией. Узник сталинских лагерей (1948–1956). В 1956 г. возвращен в лагерь как «необоснованно освобожденный», в 1958 г. получает новый срок, освобождается в 1968 г. Вновь арестован, политзаключенный (1972–1988).

14 Шумук Данило Лаврентьевич (1914–2004), участник украинского национально-освободительного движения. Узник сталинских лагерей (1944–1956). Вновь арестован, политзаключенный (1957–1967, 1972–1987).

15 Хаустов Виктор Александрович (р. 1938). Участник демонстрации 22.01.1967, политзаключенный (1967–1970). Вновь арестован, политзаключенный (1973–1978).

16 Пономарев Анатолий Дмитриевич (р. 1933), инженер. Отправил несколько писем в газеты, в том числе со своими стихотворениями. Арестован в 1970 г., осужден по ст. 190-1 и за «оскорбления должностных лиц» (ст. 131 ч. 1 УК РСФСР), признан невменяемым и направлен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. После освобождения в 1973 г. неоднократно подвергался принудительным госпитализациям.

17 Бабич Сергей Алексеевич (1939–2016), Житомир, рабочий. Распространил антикоммунистические листовки, политзаключенный (1960–1963). После освобождения вновь арестован за листовки, политзаключенный (1963–1975).

18 Точнее: арестован в сентябре 1963 г., осужден в феврале 1964 г.

19 Непонятно, о каком деле пишет Сахаров. Через год Бабича арестовали и осудили по сфальсифицированному обвинению в хищении оружия. Он находился в заключении до 1989 г.

«Мы намерены присутствовать в суде». Два документа вокруг процесса Пименова — Вайля (1970)

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)63

«We intend to be present in the court».
Two documents related to the trial of Revolt Pimenov and Boris Vail (1970)

В этой публикации мы приводим два документа: письмо Револьта Ивановича Пименова к Андрею Дмитриевичу Сахарову (авторизованная машинопись; Архив Международного Мемориала. Ф. 155. Пименов Р.) и письмо 5-ти ученых о том, что они хотят присутствовать на судебном процессе по делу Пименова (Архив Международного Мемориала. Ф. 102. Оп. 1. Д. 70. Л. 65). Оба документа публикуются впервые.

В мае 1970 года Елена Боннэр привезла из Ленинграда в Москву письмо от доктора физико-математических наук Револьта Пименова (политзаключенный в 1957–1963 годах) к Андрею Сахарову, но тогда она еще не была знакома со своим будущим мужем, поэтому письмо было опущено в почтовый ящик. В письме Пименов напоминал о своем знакомстве с Сахаровым (они пересекались в 1968 году в Тбилиси на 5-й Международной конференции по гравитации и теории относительности) и считал

своим долгом честного человека предупредить, что у него прошел обыск, на котором в том числе изъяли «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

К лету 1970 года Сахаров уже начал включаться в правозащитную работу. В июне он вместе с 19 учеными подписал протест против принудительной госпитализации в психиатрическую больницу биолога Жореса Медведева.

23 июля 1970 года Пименов был арестован; дело объединили с делом его бывшего однодельца Бориса Вайля. В 1970 году политические процессы по поводу распространения самиздата только начинали быть «модными».

Причины, по которым Пименов читал, распространял и сам создавал самиздатские документы, та же, что у ученых, которые выступили в его защиту. Это хорошо видно из записи беседы, которая состоялась с ним до ареста:

«Дело всё в том, что с некоторого времени мы, ученые, утратили чувство личной безопасности. Примерно с конца 66 года. До этого времени как-то не возникало страха. И ощущение страха заставило задуматься: а почему он? Возникла необходимость разобраться в социальных причинах этого страха. Для работы в науке нужна уверенность в завтрашнем дне. Когда есть такая уверенность, тогда могут возникать узкие специалисты, которые заняты только своей наукой и нисколько не интересуются общественными отношениями»¹.

Сахаров решил поехать на процесс Пименова, но уже было известно, насколько «открыты» политические суды, поэтому академик вместе с еще четырьмя учеными написал приведенное ниже письмо с просьбой допустить их в суд. Некоторые коллеги отговаривали его ехать, говоря, что тогда, он поставит себя «по ту сторону», то есть вступит в прямое противостояние властям, что казалось им крайне нежелательным. Тем не менее, Сахаров поехал и его даже (в отличие от других подписантов письма и друзей Пименова) пропустили в зал суда.

Из воспоминаний Сахарова:

«Перед приговором ко мне в коридоре подошел прокурор. Он спросил:

— Как вам нравится процесс? По-моему, суд очень тщательно и объективно рассмотрел все обстоятельства дела.

Мне кажется, он искренне ожидал, что я выскажу восхищение судом и его собственной, прокурорской речью.

¹ Хроника текущих событий. Выпуск 15.

Даже в глазах прокурора, знавшего, конечно, что я приехал как единомышленник подсудимых, я все еще оставался в какой-то степени “своим”, а похвала московского академика была бы лестной. Однако я сказал:

— По-моему, весь суд — абсолютное беззаконие. Он помрачнел и отошел в сторону»².

В зале суда жене Пименова совершенно неожиданно удалось передать Сахарову папку с оригинальными документами по слушаемому делу, в том числе подлинником обвинительного заключения. В итоге пропажу обнаружили, поднялся страшный скандал, и на следующий день Сахаров передал папку дочери Елены Боннэр, но потом выяснилось, что он передал не все документы, и на встречу с ним поехала уже сама Боннэр.

Пименов был осужден Калужским областным судом 22 октября 1970 на 5 лет ссылки. После приговора 10 научных работников (в том числе Сахаров) написали письмо протеста, которое широко разошлось в самиздате. В 1989 году Пименов стал одним из основателей Сыктывкарского Мемориала и был доверенным лицом Андрея Сахарова на выборах. В 1990 году Пименов был избран депутатом Верховного совета РСФСР.

Письмо научных работников

В Калужский областной суд

ЗАЯВЛЕНИЕ

14-го октября с. г. в Калужском областном суде слушается дело известного ученого Р.И. Пименова и др. по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй. Мы серьезно обеспокоены арестом и обвинением нашего коллеги, тем более что на практике последних лет известна суровость приговоров по таким обвинениям.

Мы намерены присутствовать в суде, мы хотим увидеть и услышать, как вершится правосудие в таких существенных вопросах как свобода убеждений и обмен информацией. Однако, мы не уверены, что принцип гласности судопроизводства не будет фактически нарушен, и поэтому мы ходатайствуем о предоставлении нам возможности присутствовать на суде.

А.Д. Сахаров, академик, трижды Герой Социалистического труда. В.Ф. Турчин³, доктор физико-математических наук.

В.Н. Чалидзе⁴, физик.

Н.Н. Белоозеров⁵, физик.

С.А. Ковалев⁶, кандидат биологических наук.

Письмо Револьта Пименова к Андрею Сахарову. 1970

Дорогой Андрей Дмитриевич!

Извините, что я тревожу Вас.

В некотором смысле Вы знаете меня: я имел честь в 1968 в Тбилиси на гравитационной конференции⁷ презентовать Вам свою книгу «Пространства кинематического типа (Математическая теория пространства-времени)»⁸. Но, к сожалению, сейчас я пишу Вам не о математике и не о физике.

Хотя, возможно, аналогичная информация уже поступила Вам по другим поводам, считаю своим долгом довести до Вашего сведения ниже следующие цитаты из протокола допроса меня (в качестве свидетеля по делу Зиновьевой В.И.⁹, обвиняемой по ст. 190-1 УК) заместителем прокурора Обнинска¹⁰ (в. ч. № 9367), допрашивавшим меня 24.04.70 в Ленинграде.

«ВОПРОС. У Вас при обыске (обыск у меня имел место 18.04) изъято много литературы, отпечатанной на машинке, искажающей советский государственный и общественный строй. Откуда она у Вас и с какой целью Вы ее имели? (Предъявляется папка, в которую следователь отложил из числа изъятых у меня при обыске бумаг следующие семь наименований:

² Сахаров А.Д. Воспоминания. В 3 т. Т. 1. С. 689.

³ Турчин Валерий Федорович (1931–2010), соавтор письма руководителям СССР с программой демократизации советского общества (с А. Сахаровым и Р. Медведевым, 1970). Один из основателей и председатель Советской секции «Международной Амнистии» (1973–1977). Эмигрировал в США (1977).

⁴ Чалидзе Валерий Николаевич (1938–2018), один из основателей Комитета прав человека (1970). Принужден к отъезду из СССР в США (1972).

⁵ Белоозеров Николай Николаевич (р. 1941), физик-ядерщик. Член Исполнительной группы, затем секретарь советской секции «Международной Амнистии» (1973). Эмигрировал в США.

⁶ Ковалев Сергей Адамович (р. 1930), член Инициативной группы защиты прав человека в СССР, редактор «Хроники текущих событий». Политзаключенный (1974–1984). Первый Уполномоченный по правам человека в России.

⁷ 5-я Международная конференция по гравитации и теории относительности (Тбилиси, 09–13.09.1968).

⁸ Пименов Р. Пространства кинематического типа (Математическая теория пространства-времени). Л.: Наука, 1968. 496 с. В 1969 году Пименов защитил на эту тему докторскую диссертацию.

⁹ Зиновьева Валентина Ивановна (р. 1944), физик (Обнинск). Была обвинена в распространении самиздата, дала обширные показания, приговорена к 1 году условно.

¹⁰ Борисов Виктор Иванович.

«Размышления о прогрессе» А.Д. Сахарова¹¹, «2000 слов»¹², «Письмо из Праги — Ноябрь 1969»¹³, «Речь Карела Кинцла»¹⁴, «Выписки из «Руде право» о Яне Палахе»¹⁵, «Выписки из журнала «Творба»»¹⁶, «Чешская судьба» Милана Кундеры¹⁷; на папке рукою следователя «Антисоциалистические».

Вторая цитата:

«ВОПРОС. Вам зачитываются показания Зиновьевой от 19.04: «В феврале Ивановский Н.Н. заходил к Вербловской и взял у нее «В круге первом»¹⁸, «Крутой маршрут» Гинзбург¹⁹, «Письмо Сахарова»²⁰, «Декларация прав человека»²¹, «О разделении властей»²², «2000 слов», «Материалы по Солженицыну»²³. Верны ли эти показания?».

Других вхождений Вашей фамилии в протокол не было.

Еще раз извините меня за беспокойство. Боюсь, что мое письмо может показаться странным: о таких вещах, де, не пишут, — и возбудить сомнения насчет личности автора. Эти сомнения смогут рассеять те Ваши знакомые, которые знают мою биографию.

06.06.70²⁴. С наилучшими пожеланиями, Ваш Р. Пименов²⁵

[ниже даны два адреса Р. Пименова — служебный и домашний]

¹¹ Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. 1968. Текст Сахарова в итоге не инкриминировался Пименову.

¹² Один из самых известных документов Пражской весны. Автор — Людвиг Вацулик (1926–2015). Инкриминирование снято, так как выяснилось, что текст публиковался в официальной чехословацкой прессе.

¹³ Вероятно, имеется в виду текст, аннотированный в «Хронике текущих событий» № 8 как «Письмо из Праги. 1 июня 1969 г.» (п. 169 протокола обыска).

¹⁴ Кинцл Карел (1927–1997) — журналист. Член Пражского горкома партии (1968–1969, исключен из партии). Один из первых подписантов Хартии-77. Эмигрировал в ФРГ (1983). Имеется в виду Речь на заседании Пражского горкома КПЧ 2 июня 1969 г. Аннотирована в «Хронике текущих событий», выпуск 9.

¹⁵ Палах Ян (1948–1969) — студент философского факультета Карлова университета (Прага). 16 января 1969 года совершил самоожжение в знак протеста против вторжения в ЧССР и конформизма чехословацких политических лидеров.

¹⁶ Скорее всего, имеется в виду «Письмо читателю» анонимного автора, опубликованное в «Творбе» 24 сентября 1969 г. Аннотировано в «Хронике текущих событий», выпуск 11.

¹⁷ Текст опубликован в еженедельнике «Листы» 19.12.1968. Аннотировано в «Хронике текущих событий», выпуск 5. Опубл.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. Т. 1.

¹⁸ Солженицын А. В круге первом.

¹⁹ Воспоминания Е. Гинзбург о сталинских лагерях.

²⁰ Скорее всего, имеется в виду «Руководителям партии и правительства» А. Сахарова, В. Турчина, Р. Медведева о необходимости демократизации общества. 19.03.1970.

²¹ Всеобщая декларация прав человека (1948) в СССР публиковалась только в малодоступных сборниках, поэтому также распространялась в самиздате (и изымалась на обысках).

²² Неясно, о каком тексте идет речь.

²³ Комплекс заявлений Солженицына или в его поддержку нередко ходил в самиздате отдельной подборкой.

²⁴ Вписано от руки.

²⁵ Машинописной подписи нет, только автограф.

IV. Что читать о самиздате

Гладких Николай Владимирович,
Московский Дворец пионеров,
главный специалист Центра
библиотечных и информационных
ресурсов, кандидат
филологических наук

Gladkikh Nikolay,
chief specialist of the Center for
library and information resources,
PhD

УДК 94(470) + 82.09
ББК 63.3(2)63+ 83.3(2)

Даниил Хармс ненавидел детей...

Daniil Kharms hated children

Аннотация: В тексте аннотируется книга «Лев Толстой очень любил детей...» (М., 2020) — цикл анекдотов о писателях, ходивших в самиздате с начала 1970-х годов и приписывавшихся Даниилу Хармсу. Их настоящими авторами были художники Владимир Пятницкий и Наталья Доброхотова-Майкова. Автор рассказывает о собственном опыте чтения этих анекдотов, что позднее привело его к изучению творчества Хармса.

Ключевые слова: самиздат, литературные анекдоты, Даниил Хармс, Владимир Пятницкий, Наталья Доброхотова-Майкова.

Summary: The text annotates the book “Leo Tolstoy loved children very much...” (Moscow, 2020) — a cycle of anecdotes about writers who went to samizdat since the early 1970s and attributed to Daniil Kharms. Their real authors were artists Vladimir Pyatnitsky and Natalia Dobrokhotova-Maikova. The author tells about his own experience of reading these anecdotes, which later led him to the literary studies of Kharms.

Keywords: samizdat, literary anecdotes, Daniil Kharms, Vladimir Pyatnitsky, Natalia Dobrokhotova-Maikova.

Доброхотова-Майкова Н.А., Пятницкий В.П. «Лев Толстой очень любил детей...»: Анекдоты о писателях, приписываемые Хармсу /

Под ред. Софьи Багдасаровой. М.: Бомбора, 2020. 288 с.: ил.

1

«Лев Толстой очень любил детей. Утром проснется, поймает какого-нибудь и гладит по головке, пока не позовут завтракать». Думаю, многие читатели старшего поколения легко выдадут всю обойму сопутствующих анекдотов.

Между тем, Хармс, которому эти анекдоты приписывались, высказывался о детях совершенно иначе. «О детях я точно знаю, что их не надо вовсе пеленать, их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей. А чтобы из ямы не шла вонь разложения, ее можно каждую неделю заливать негашеной известью», — подобные цитаты набираются у него без особого труда. Но литературовед заметит, что дело не в особой патологии писателя, а в его оригинальной концепции времени — дети и старики воплощали для Хармса идею рождения, становления и умирания, тогда как его самого интересовал человек бессмертный, отрицающий как верхнюю, так и нижнюю границу своего существования. «Великий император Александр Вильбердат понимал сущность детей не хуже фламандского художника Тенирса, он знал, что дети — это, в лучшем случае, жестокие и капризные старички».

Но ровно поэтому для капризного старичка Льва Толстого любовь к детям — самое естественное проявление.

2

В сентябре этого года на Московской международной книжной ярмарке в Манеже прошла презентация книги¹, представляющей едва ли не самый яркий казус в истории советского *литературного* самиздата. Искусствовед Софья Багдасарова в первой ее части воспроизвела оригинал рукописной книги «Веселые ребята», которую в 1971–1972 годах сочинили художники Владимир Павлович Пятницкий (1938–1978) и Наталья Александровна Доброхотова-Майкова (р. 1938), а Владимир Пятницкий проиллюстрировал.

Так получилось, что книжку переснял фотограф Юрий Клятис и несколько экземпляров раздал своим знакомым... но текст «ушел в народ» без титульного листа, уже без картинок и без имен настоящих авторов. А поскольку короткие смешные истории, сочиненные московскими художниками, имели свой жанровый прототип — «Анекдоты из жизни Пуш-

кина» Даниила Хармса, то и новые анекдоты из жизни писателей (Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого, Достоевского, царство ему небесное, и других) стали приписывать Хармсу.

Следующие четыре раздела книги, составленной Софьей Багдасаровой, посвящены реальной истории создания «Веселых ребят» и удивительным приключениям «анекдотов Хармса» в отечественном самиздате. Здесь можно прочитать воспоминания самой Натальи Доброхотовой-Майковой «Как мы писали “Веселых ребят”», 45 коротких мемуаров о том, как анекдоты читались в самиздате (об этом рассказывают писатели Виктор Кротов, Евгений Попов, Денис Драгунский, Александр Иличевский, Лев Рубинштейн, издатель первого собрания сочинений Хармса Михаил Мейлах, сатирик, создатель телепрограммы «Веселые ребята» Андрей Кнышев, кинокритик Антон Долин, ученые, художники, журналисты, блогеры и т. д.), содержательную статью Владимира Березина «Место в истории русской литературы», статью Геннадия Кузовкина «Местечко в истории советского самиздата», публикации некоторых подражаний «хармсинкам» (а на самом деле их было разлитое море) и целый ряд других увлекательных материалов.

Без преувеличений можно сказать, что мы, наконец, получили книгу, которую все давно ждали.

3

Здесь моя рецензия-аннотация плавно переходит в мои собственные воспоминания о «литературных анекдотах». Что есть такой детский поэт Хармс, я, конечно, знал всегда, но никакого определенного представления о нем не имел. Первое удивление вызвал фильм «Когда я стану великаном», вышедший в 1979 году², когда я уже закончил школу. Там у главного героя и героини, продвинутых восьмиклассников, Хармс — любимый поэт (и это само собой разумеется). В этом было что-то загадочное и это застряло в памяти.

¹ Видео презентации см. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kva96ftUGxA> (Дата обращения 21.10.2020).

² Благодарю моего друга и большого знатока кино Игоря Фишкина за уточнение года выхода фильма. В фильмографиях годом выпуска «Когда я стану великаном» обычно значится 1978-й (год, когда я закончил школу).

4

В начале 1982 года мне попало на глаза объявление, что на чердачке Дома культуры «Академия» (это второе после Дома ученых главное культурное заведение в «верхней зоне» новосибирского Академгородка — кинотеатр, место публичных мероприятий, лекторий, площадка для разных самодеятельных кружков и прочее) собирается литературный клуб, который приглашает местных прозаиков, поэтов, драматургов и критиков пообщаться в неформальной обстановке. Я был отчисленным студентом, 20 лет, работал сторожем и кое-что пописывал. Забрел в этот клуб, принес некоторые свои сочинения и был благосклонно принят. Но первое, что произвело на меня впечатление в тамошней компании, это то, что народ обменивался перепечатанными текстами, которые было невозможно купить или взять в библиотеке, — собственно, это было мое первое близкое знакомство с самиздатом, не произведенным мной самим и моими приятелями. Я вынес оттуда, перепечатал на своей машинке и раздал друзьям несколько сборников Гумилева, «Нездешние вечера» Кузмина, почитал кое-какую прозу, например, «Дневник соблазителя» Кьеркегора. (Первой печатной машинкой, которую мне купили родители, была «Москва», но она оказалась слишком хлипкой, ходила ходуном при печати, а буквы у нее неровно танцевали в строчке. И я выпросил денег на более капитальную, устойчивую, с широкой кареткой и ровным шрифтом «Украину»; она мне прослужила буквально до появления первого собственного компьютера в 1988 году).

Как-то раз разговор зашел о Хармсе, я невинно спросил, а чем он так интересен, и Инна Перцовская, поэтесса, переводчица, дочь новосибирского литературоведа Владимира Семеновича Перцовского, принесла мне папочку, на которой было написано от руки: «Даниил Хармс. Литературные анекдоты», а внутри лежало страниц 10, перепечатанных на машинке, и это были «Лев Толстой очень любил детей...», «Однажды Гоголь переоделся Пушкиным...» и т. д. — канонический набор. Я тут же всё перепечатал, раздал друзьям, а один экземпляр послал в армию другу Сережке. У друзей анекдоты имели бурный успех, особенно за распитием пива. Вадим В***, когда анекдоты в первый раз зачитывались вслух, спросил: «А что тут смешного?» На что я, уже начитавшийся Бахтина, принялся втолковывать всем про карнавализацию.

Письмо от Сережки из Ферганы, где он служил, написанное 2 октября 1983 года, начиналось так: «Здравствуй,

Коля! Получил твое письмо. Не распечатывая его, покурил анаши и отправился в душ. Там распечатал, минут двадцать стоял в раздевалке на четвереньках и смеялся над анекдотами Хармса».

5

Промежуточный эпизод. В 1983–1984 годах мы с моим другом Димой Елизаровым ходили в ГНЕКу (Гильдию НЕпрофессиональных Кинематографистов Академгородка) в качестве молодых кинокритиков. Гнековцы занимались в основном мультипликацией, фильмы их собирали международные премии и вообще ребята были разносторонне творческие и образованные. На одной из стен среди рисунков, вырезок из киножурналов и прочего висел отпечатанный на машинке текст «Математик и Андрей Семенович» («Я вынул из головы шар... — Положь его обратно» и т. д.). Он не был подписан, и я думал, что это сочинение кого-то отсюда, но автора мне никто назвать не мог. Для меня это был одновременно восторг, шок и острый приступ зависти, что кто-то же это сочинил!

6

В общей сложности я проходил в «вечных студентах» 13 лет, а заканчивал учебу на заочном отделении филологического факультета Томского университета. В середине 80-х Хармса начали потихоньку публиковать в разных изданиях. В 1985 или 86 году мы с моим однокашником Андреем Третьяковым взяли публикации Анатолия Александрова в Ежегодниках рукописного отдела Пушкинского дома за 1978 и 1980 год (изданные соответственно в 1980-м и 1983-м) с описанием материалов Хармса в архиве Пушдома и полной библиографией всего, что к тому моменту было напечатано в Союзе, засели в читальном зале периодики, подняли всё, что можно, и в две руки переписали все найденные тексты Хармса, благо длинных среди них не было, а вечером читали эти миниатюры в общежитии студентам-очникам, филологам и журналистам, с которыми успели подружиться. Вот здесь я совершенно отчетливо увидел эффект расслоения аудитории: одни ребята катились от хохота, а другие с изумлением смотрели на нас и тех, кто ржут, недоуменно спрашивая: а что тут смешного?

Когда пришло время писать очередную курсовую, я хотел продолжать заниматься поэзией, но руководительница, к которой нас прикрепили, Ольга Анатольевна Дашевская, поэзией заниматься не хотела и предложила нам на выбор прозаиков

и драматургов 20-х–30-х годов. Я увидел в этом списке Хармса и подумал: почему бы нет? По крайней мере, скучно не будет.

Написал курсовую, потом диплом «Поэтика алогизма в прозе Д. Хармса», который защищал уже в 1991 году (завершив те самые 13 лет «вечного студенчества»). 90-е годы для всех были сложными и полными разных приключений, и только в самом конце десятилетия, в декабре 2000-го я защитил диссертацию «Эстетика и поэтика прозы Д. Хармса».

7

А теперь временная петля. В 2004 или 2005 году, когда я работал уже в «Мемориале» в Москве, хранительница архива инакомыслия Татьяна Михайловна Бахмина показывала мне разные раритеты и открыла коробку... в которой лежала авторская книжечка «Веселых ребят»! Первоисточник тех самых «литературных анекдотов», которые в 1970-х–80-х частенько приписывались Хармсу, — одна из тех перефотографированных копий, которые Юрий Клятис сделал с оригинала Пятницкого и Доброхотовой-Майковой.

Кому принадлежат «литературные анекдоты» я, разумеется, уже давно знал — они были названы в сборнике Хармса «Горло бредит бритвою», составленном А. Кобринским (1991). Но только рассматривая книжечку в архиве «Мемориала», я осознал, что один из авторов — та самая Наталья Доброхотова, мой и некоторых моих одноклассников самый любимый художник журнала «Пионер»! А мои друзья-одноклассники, «раздельно» любившие рисунки Доброхотовой в начале 70-х и «литературные анекдоты» в начале 80-х, так и «не знают, какая между ними связь», говоря словами настоящего Хармса.

Родители выписали мне журнал «Пионер» в 1970 году (мне было 8–9 лет) и на рисунки Доброхотовой я обратил внимание сразу и потом сразу их узнавал. В журнале было много симпатичных художников — Чижиков, Медведев, Шабельник (кто с ходу вспомнился), кое-кто мне не нравился категорически, а Доброхотова удивительно сочетала «реализм» (то есть рисунок без преувеличений, карикатурности, примитивизации и прочих условностей), артистизм, хороший вкус и исключительно удачный выбор текстов для иллюстрирования (исторические повести Любви Воронковой, пьеса А.Ф. Лосева про Геракла, литературные этюды Рассадина и Сарнова и тому подобное). Я ее сразу полюбил и любил все те лет пять, которые выписывал и читал «Пионер».

Я попытался найти в интернете какие-то ее рисунки тех лет. Увы, практически ничего нет! Поисковики выдают только рисунки Пятницкого к «Веселым ребятам». Это не очень правильно. Наталья Александровна Доброхотова заслуживает того, чтобы ее помнили не только как соавтора Хармса и Пятницкого. Было бы просто святым делом познакомить современный мир и с ее журнальной и книжной графикой. И было бы прекрасно сделать это еще при жизни Натальи Александровны, милого и скромного человека, никогда не пытавшегося привлечь к себе внимание, которого она так заслуживает.

АСТА САМИЗДАТИКА /

Записки о самиздате

АЛЬМАНАХ
выпуск пятый

Составители:

Б.И. Беленкин,
Е.Н. Струкова,
Г.Г. Суперфин

Рецензенты:

Г.Ч. Гусейнов,
Я.В. Леонтьев

Редактор:

М.Я. Шейнкер

Корректор:

Н.В. Гладких

Дизайн:

ABCdesign

Арт-директор:

Д.В. Мордвинцев

Макет и верстка:

С.А. Данилюк

Подписано в печать 23.11.2020.

Формат 70 × 100/16.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 16,77

Тираж 300 экз.

Заказ № 201391

Издательство:

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал», 2020
127006 Москва, ул. Каретный Ряд, 5/10

Отпечатано в типографии «Август Борг»

4 октября 2016 года Минюст РФ внес
Международный Мемориал в реестр
некоммерческих организаций,
выполняющих функцию «иностранного агента».
Мы обжалуем это решение в суде.

ISBN: 978-5604360729

9 785604 360729